

ЭЙТА

**Опасайся дверных
ручек**
2016

Юлга приехала в Тьен поступать в институт. Поступить-то поступила, да не в тот. Она думала, что здесь, в столице, ее ждут верные друзья, приключения и обязательно красивая любовь, но чет пока не прет. Вокруг — сплошные психи, всем что-то от нее надо... сможет ли Юлга хоть как-то справиться с событиями прошлого и настоящего, распутать узел чужих судеб и разобраться со своей? ЧЕРНОВИК.

Эйта
Опасайся дверных ручек

Лето плавило ее, как огромную тянучку. Хотелось растянуться на асфальте и приклеиваться к подошвам прохожих — все равно она больше ни на что не способна, жалкая и бездарная тварь.

Юлга Наль приехала в Тьен с периферии поступать в Тьенский институт — и провалилась. Длинное, тянучее слово — про-ва-ли-лась.

Выданных тетей денег хватит до послезавтра — а потом на билеты домой, в Хаш.

Тетя будет гладить по голове и утешать. Ничего, в следующем году. Ничего, поготовишься. Ничего, Ведомственный институт Хаша хоть в середине года — отличницу с ее-то даром — примет. С руками оторвет. Только надумаешь — и сразу.

Но Юлга не хочет в Ведомственный институт Хаша. Ее и Ведомственный институт Тьена оторвет, с руками, ногами — а главное, глазами, которые видят, оторвет. Ведомство захапает и не отпустит, а Юлга не хочет работать с преступниками. Не ее это.

Что это, ее, она тоже не очень знала. Поступала-то на факультет почвоведенья, где конкурс полчеловека на место, но, похоже, с почвоведеньем тоже не срослось. Не очень-то и хотелось!

Однако домой-то тоже не хочется!

А денег хватит до послезавтра.

Юлга шла, не разбирая дороги, и рыдала. Слезы несколько мешали смотреть по сторонам, поэтому иногда она врезалась в прохожих, извинялась и шла дальше. Некоторые пытались ее утешить, хоть и без особого энтузиазма: видимо, в это время года здесь гуляло немало плачущих девушек. Наткнувшись на злобный взгляд Юлги и рычащее «извините» такие пожимали плечами, мол, не очень-то и хотелось, и шли мимо.

Мимо-мимо-мимо.

Юлга, честно говоря, в глубине души надеялась, что какой-нибудь столичный красавчик сейчас вот так же наткнется на нее, но не смутится и все-таки уговорит ее успокоиться, вытрет слезки платком, пахнущим на тысячу тье, и предложит целомудренную ночевку в комнате его белокурой младшей сестренки.

Где-то в конце этой надежды маячила неясная свадьба или побег с другом столичного красавчика куда-нибудь на Нигтские острова — это уже были детали, которые Юлгу не слишком волновали.

Так что когда она в очередной раз подняла изрядно покрасневшие глаза и разглядела вместо красавчика женщину лет сорока или пятидесяти — через романтическую поволоку было не очень хорошо видно — она никак не ожидала, что та цепко ухватится за Юлгин рукав.

— Яльса! Яльса, это ты? — Взволнованно спросила женщина.

— Я не знаю никакую Яльсу. — Рыкнула Юлга, однако ее никто не слушал.

— Яля! Ялечка! Яленька! — Запричитала женщина, — Я тебя так долго искала, Яля! Ты бы знала, как долго я тебя искала...

— Да никакая я не Яля!

— Ну, пошли, пошли домой, Ялечка! — Заплакала женщина.

Юлга запаниковала. Она слышала где-то, что с сумасшедшими лучше не спорить, так что приняла платок, от которого и правда пахло на тысячу тье, но, увы, какими-то

отвратительно-приторными, явно не мужскими, духами, и безропотно утерла лицо. Женщина тащила ее как на буксире, а Юлга, окончательно забыв про истерику, старательно запоминала дорогу.

Прохожие куда-то исчезли, улица стала шире. Юлга искала глазами высокую башню нового корпуса ТГУ — она маячила где-то совсем уж на горизонте. Некого позвать на помощь — страшно. Хотя женщина вроде настроена безобидно, разве что расцелует в обе щеки...

...ага, расцелует, а потом как достанет тесак и расчленит вот прямо здесь, а потом похоронит и никто и не узнает, что Юлга не поступила.

Юлга даже оживилась — по крайней мере, в этом варианте ближайшего будущего не было позорного возвращения домой.

— Э-э-э, — попыталась она снова, — Э-э-э... меня Юлга зовут...

— Подожди, Яленька, дойдем до дома — там и поговорим.

Женщина даже не обернулась на Юлгино скромное э-э-э.

Определенно, от похода в гости Юлге было не отвертеться.

Домик оказался ничего так. Симпатичный беленький коттедж на два этажа, аккуратный газон вокруг, мощеная булыжником дорожка. Сказка, а не домик. После центра Тьена с этими его громадными многоэтажками — вообще мечта. Юлга не думала, что в Тьене такие дома бывают.

Женщина завозилась с ключами, рука у нее тряслась и ключи дребезжали, казалось, на всю улицу. Юлга поморщилась и вознесла молитву всем известным богам сразу, чтобы кто-нибудь был дома и открыл женщине дверь, а то стоять ей здесь до великого Мора. Боги молитву услышали: из-за двери послышались шаги, раздался мягкий щелчок, дверь открылась, и на пороге возник парень — на вид вроде Юлгин ровесник.

Юлга лучезарно улыбнулась — парень был хорош, как самый настоящий дар судьбы.

— Привет, ма. — Бодро начал парень, потом взгляд его упал на Юлгу, — О. Панда. А..?

— Сам ты панда. — Обиделась Юлга. — Я Юлга.

— Юлга? — Переспросил парень. — Юлга, значит. Мама, эту девушку зовут Юлга!

Юлга оценила бредовость диалога и почувствовала себя участником какого-то ситкома. А что, и домик подходящий, такие коттеджики любят снимать в телесериалах. Она даже подпрыгнула и разглядела за плечом у парня лестницу на второй этаж. Точно ситком.

— Варт, не стой на пороге, дай пройти, — отмахнулась женщина. — Яленька устала с дороги, ей надо умыться, переодеться, покушать...

Варт отступил и женщина буквально втащила Юлгу в дом. Вслед им донеслось:

— Мама, это не Яльса!

Юлгу затрясло — как раз в этом месте должен был начаться закадровый смех. Не начался — и Юлга рассмеялась сама, несколько истерически.

Варт моментально оказался рядом и мягко отцепил руку матери от руки Юлги. Та устояла на освобожденную ладонь, обнаружила, что совершенно неприлично заляпала перчатки — теперь только выкидывать — и рассмеялась еще громче.

Варт подцепил мать под локоть и увлек куда-то вглубь дома, воркуя по пути.

— Яльса вернулась, какой праздник! Давай-ка отведу ее умыться, а ты пока приготовишь праздничный ужин, да, мама?

Женщина улыбнулась сыну в ответ так, что Юлге на какое-то мгновение захотелось

стать неведомой Яльсой: столько неподдельного счастья ее появление никогда еще не вызывало.

— Да. А потом Яльса обязательно расскажет, куда это она так...

Юлга затравленно кивнула.

Варт вернулся через несколько минут с винным бокалом, до краев наполненным водой. Протянул его Юлге и та застучала зубами по стеклянному краю, сделала судорожный глоток — закашлялась. Отшатнулась от протянутой руки Варта прежде, чем поняла, что он просто хотел похлопать ее по спине. Ей стало немного стыдно. Этот парень ведь ни в чем не виноват, а она ему истерики закатывает — еще бы на пол легла и ногами замолотила, дите великовозрастное!

Варт достал мобильник. Поймал виноватый Юлгин взгляд, и, наверное, истолковал его неправильно, потому что начал извиняться, смутив ее еще больше.

— Прости. Сейчас разберемся, только брату надо позвонить сначала...

— Надо успеть раньше матери, да? — Понимающе спросила Юлга, не особо рассчитывая на ответ.

— Угадала... Брат, слушай, мама опять... да... да... надо сказать, в этот раз даже немного похожа... — Мобильник отозвался недовольно, Варт взорвался, — А что тут можно сделать? Кто здесь без пяти минут дипломированный медик с правом на магическое вмешательство, а? Она просто пошла в магазин за продуктами... эй, Панда, где тебя угораздило с мамой встретиться?

— У ТГУ... Ну, новый корпус же... Вроде, я там гуляла... наверное, не знаю, заблудилась.

— Говорит, у ТГУ. Нет, не знаю. Да оторвись на секунду от этой твоей учебы, папа еще месяц в командировке своей сидеть будет. Нет. Нет! Она как минимум заночует... Заночуешь?

Юлга сомневалась, но недолго. Представила, что будет с женщиной, если Яльса сейчас снова исчезнет, прикинула, что так денег хватит на день дольше, а за два дня можно и работу найти — и кивнула.

— Заночует... Все спертое серебро я возьму тебе лично из карманных денег, Яр! — Рывкнул Варт и бросил трубку.

— Ну... Я могу заплатить за ночевку? — Предложила Юлга тоном, подразумевающим «но лучше не надо».

Варт отмахнулся, как от него и ожидалось.

— Извини. Это одно большое недоразумение, мы тебе должны. Мама... несколько не в себе, и срывается иногда... Ты же не местная? Поступать приехала?

— Угу.

И Юлга снова всхлипнула. Варт возвел глаза в горе: у него вообще была очень богатая мимика. Когда Юлга не рыдала и не озиралась по сторонам, она ей любовалась. Открытое круглое лицо, большие чуть раскосые карие глаза, улыбчивый рот, и целый вихрь быстро сменяющихся эмоций — про таких говорят, что все на лице написано.

Красавчик, что ни говори. Правда, брюнет, а брюнетов Юлга не любила, но кто без недостатков. К тому же не совсем и брюнет, так, темный просто. Может, это ей так повезло и дело все-таки кончится Ниггскими островами?

— Только не рыдай, пошли, умоемся... А то Яр придет, а тут такая Панда, он же голову открутит... Впустил, мол, в дом непонятно кого, еще природоохранка штраф выпишет...

— Сам ты Панда! — Обиделась Юлга.

— Ладно, ладно. — Смиренно согласился Варт. — Сейчас мы тебя умоем, и ты превратишься в тыкву.

— В принцессу. Ты должен был сказать — в принцессу. Это был бы комплимент.

— Правда? Извини.

Юлга поймала себя на том, что препирается с Вартом как со старинным другом, хотя, казалось бы, знает его пару минут. Конечно, дело могло быть в природном обаянии ее нового знакомого, или в стрессовой ситуации... а могло — и в магическом даре. И если дело в даре, то лучше бы насторожиться.

Юлга машинально поправила перчатки.

— Ну, веди. Где у вас ванная?

Пока Юлга умывалась, Варт притащил косметичку, уверив, что оттуда можно брать что угодно и сколько угодно, все равно никто не хватится. Он, казалось, искренне гордился тем, что знал, какие именно пузырьки Юлге нужны, и все время лез под руку, с любопытством естествоиспытателя наблюдая «процесс превращения панды в человека». Мешался жутко, и, когда он размашистым жестом смахнул Юлгины перчатки на мокрый пол, Юлге даже захотелось было этого раздражающего натуралиста чем-нибудь стукнуть, но он уже куда-то испарился — как потом оказалось, усвистал встречать брата.

Так и вышло, что неведомого и страшного Ярта Юлга встретила при полном параде: благоухая чужим средством для снятия макияжа и судорожно пытаясь натянуть мокрые перчатки на еще более мокрые руки.

Элегантно одетый и красивый, как фотомодел ь — когда такой мужчина смотрит на тебя как на жвачку, дерзнувшую прилепиться к его начищенным, аж сияют, ботинкам, самооценка падает вниз, к ядру Земли поближе, а реанимированные его симпатичным младшим братом остатки хорошего настроения испаряются куда-то в космос.

И как это у него получалось, принимать такой презрительно-брезгливый вид, не шевельнув ни единой мимической мышцей? Лицо у Ярта было похоже на маску, которую сняли с мертвого. Очень красивого мертвого, тут не поспоришь. Приди в Юлгину школу такой учитель, среди ее одноклассниц бы началась настоящая истерия.

Однако труп есть труп, а маска есть маска: Ярт как будто явился прямиком из чьего-то кошмара.

Юлга попятилась за теплое плечо Варта. Варт не подвел. Хотя тут как посмотреть: ляпнул он очевидную глупость.

— Это Юлга, теперь она будет жить с нами.

— Что? — Переспросил Ярт.

— Что? — Удивилась Юлга, вырываясь из полугипнотического оцепенения, вызванного появлением Ярта, — Я завтра съеду, и съехала бы сегодня...

— Да ну, тебе же все равно некуда. — Пожал плечами Варт. — Ты поступала и провалилась, домой ты не хочешь...

— С чего ты...

— А что, хочешь?

— Вы не могли бы разобраться до моего прихода, чтобы мне не пришлось тратить время на выслушивание вашей трескотни? — Раздраженно перебил Ярт.

Варт вздохнул, молитвенно сложил ладони, этакое талантливо исполненное: «боги, подайте терпения». Юлга невольно улыбнулась.

— Мы разобрались, но ты пришел и запугал бедняжку. Не дави на нас своей некромантской аурой, братец. Как ты думаешь, что будет с мамой, если мы ее сейчас выгоним? Ты приглядишься, она действительно похожа на Яльсу.

— Эй! Мое мнение кто-нибудь учитывает? — Снова попыталась встрять между братьями Юлга.

— Юлга, соблаговолишь ли ты у нас пожить немного? — Коротко бросил Варт.

— Так-то лучше. Я тут подумала — а почему бы и нет? — Фыркнула она.

На самом деле ей не хотелось встречать в застарелые семейные дразги. Однако Варт нравился ей гораздо больше Ярта, а если Юлга хоть что-нибудь в этой жизни понимала, оставить ее в доме было для Варта принципиальным. Просто чтобы утереть брату нос.

Да и их мать... Юлга хотела дожидаться ее просветления и извиниться перед тем, как уйти. На самом деле, это было единственным, что ее действительно держало. Конечно, Юлга не была виновата, что показалась ей похожей на неведомую Яльсу, но, все-таки...

Окончательно успокоившись, Юлга подумала, что за три дня какую-никакую завалящую квартиру и работу найдет, то есть сможет остаться в Тьене и готовиться к следующему году. Так что предложение Варта не было ее единственным шансом, за который нужно было бы ухватиться непременно. Если Ярт начнет настаивать — она уйдет.

Чтобы не выглядеть нахлебницей, а Ярт все-таки не начал настаивать, Юлга уточнила:

— Мои вещи в камере хранения, проплачены до завтра. Так что завтра я сяду на поезд и уеду, или поищу работу — в любом случае, здесь вы меня, Ярт, больше не увидите. Хотите, я заплачу за жилье?

Варт возразил прежде, чем Ярт успел открыть рот.

— Мама тебя напугала. Брат с тебя после этого деньги: ты послушай, как звучит! Злобные домовладельцы затаскивают ничего не подозревающих гостей столицы в дома, заставляют их заселиться в их лучшую комнату, а потом требуют отдать последние деньги? Так, что ли? Ну, нет! Живи сколько хочешь бесплатно — не пообедем. Ярт, придется тебе обломиться, хотя перед родным-то братом можешь не стесняться, он отлично знает, что твоя алчная душонка не против содрать с бедной девушки побольше.

Выслушав эту тираду, Ярт только устало спросил:

— Ты в этом уверен, Варт?

— Абсолютно. И мама...

Ярт не стал возражать, просто пошел к лестнице на второй этаж, самую чуточку — почти незаметно человеческому глазу — сгорбившись. Юлга поежилась, не совсем понимая, почему ей вдруг стало так грустно.

— Скажи матери, что я сегодня готовлюсь. К ужину пусть не ждет.

А ужин оказался замечательный. Таким, наверное, бог смерти Окос мог бы накормить свою привередливую жену: Юлга ела и ела, и ела, и еще ела, просто не могла остановиться, а Варт, гад, все подкладывал и подкладывал, видно, надеясь, что потом сможет катать ее по дому, как шарик для боулинга.

Мясо было нежным и нежирным, именно настолько острым, как Юлга любила; соус незнакомым, но вкусным; да что там, даже нелюбимые вареные овощи Юлга с удовольствием умяла и попросила добавки. Мать Варта, Талина, хлопотала и суежилась вокруг стола, постоянно что-то спрашивая и сама же отвечая. Юлге оставалось только кивать, стараясь попадать в такт словам. Иногда сидящий напротив Варт отпускал какие-то

шуточки, над которыми грех было не посмеяться, но которые сразу же забывались, рассказывал какие-то анекдоты, в общем, развлекал Юлгу и как мог поддерживал за столом непринужденную атмосферу.

Юлга уже почти привыкла, что ее упорно называют Яльсой, уже почти расслабилась и почувствовала себя в обычных гостях.

А потом Талина походя, невзначай, назвала Варта Яртом.

И снова, обратившись с прямым вопросом:

— Ярт, почему?

Варт окаменел.

Юлга с ужасом наблюдала, как мертво замерло его всегда подвижное лицо, как заledenели глаза. Перед ней как будто оказался настоящий Ярт вместе со своей некромантской аурой. Юлга заерзала на стуле, не зная, куда спрятаться от этого страшного зрелища.

Только сейчас она увидела, насколько братья похожи. На самом деле Варт был вылитый Ярт, только моложе лет на десять. Он тоже был до жути красив, когда не кривлялся: ключевое тут «до жути».

Варт даже как будто дышать стал реже. Голос исказился, став ниже. Он медленно ответил:

— Что?

— Она уехала. Неизвестно куда, непонятно куда. В ночь.

Тут Юлга машинально кивнула, просто потому, что взяла за правило кивать на каждую четвертую реплику Талины.

— Она вернулась. Конечно, она вернулась, не могла не вернуться, все было под контролем. Прости, мне пора готовиться к завтрашним тестам.

Потом он встал и решительно вышел из столовой. Юлга решила, что ничего страшного не случится, если она сейчас выбежит за ним: из сбивчивой речи Талины Юлга поняла только одну вещь, Яльса была девушкой Ярта... или уже невестой? Неважно. Главное, что Яльса могла без объяснений выбежать из столовой вслед за женихом, или парнем... за Яртом. И Талина не будет им мешать, предоставив голубкам ворковать наедине.

Она догнала Варта в гостиной. Он стоял у искусственного камина и как будто снова оживал. Бледное лицо окрашивалось в вполне человеческий цвет и при взгляде на это лицо Юлге не думалось о мертвецах и прочей потусторонней чуши. Если бы Юлга коснулась его пальцев, они были бы теплые — так ей казалось.

Он обернулся и улыбнулся — вполне по человечески, тепло так.

— Прости за представление. Мама хотела спросить об этом Ярта, и... неважно.

Юлга вопросительно подняла бровь — когда-то она отрабатывала этот прием перед зеркалом, получалось миленько.

Спрашивать о магическом даре считалось неприличным. У слишком многих он был слабым и не слишком-то полезным, у кого-то наоборот чересчур сильным и внушающим другим вполне обоснованные опасения. Еще несколько веков назад тех же некромантов выселяли в отдельные карталы на окраинах города, чтобы не «портили воздух». Считалось, что некроманты разносят болезни, как крысы.

В соседних кварталах селились маги огненной стихии, чтобы не попалили город, хотя теперь каждый ребенок знает, что огневики — лучшие пожарные...

Много их было, дурацких суеверий, так что теперь дар считался чем-то настолько

личным, даже интимным, что о нем могли не знать даже члены семьи — если, конечно, он не был очевидным: выходец из рода воздушников-стихийников вряд ли окажется водником, а если вдруг окажется, то на его мать будут очень подозрительно коситься. Да и когда дар настолько явно демонстрировался на публике, можно было высказать любопытство. Однако Варт имел право перевести тему, что он и сделал.

— Давай посмотрим твою комнату?

Он провел ее по лестнице вверх, открыл дальнюю в коридоре дверь, и Юлга оказалась в большой и светлой комнате. Провела пальцем по письменному столу — ни пылинки, казалось, очень аккуратная хозяйка оставила комнату только вчера. Все плоские поверхности были уставлены сотнями миленьких мелких вещичек, которые часто называют памятными. Все было в каких-то бантиках, пуговичках, фенечках, сердечках — обои, шторы, покрывало на кровати...

— Здесь что, жила маленькая семилетняя девочка? — Удивилась Юлга.

Варт смутился.

— Комната и правда, очень... розовая... потому что... ну...

— Потому что Яльса любила розовое. — Немного раздраженно перебила Юлга. — Я поняла, я благодарна за ночлег, я не обижусь. Давай еще кое-что проясним. Я провинциалка, а не дура. Я поняла, что Яльса сбежала от твоего мороженого брата-некроманта, а вы не смогли ее найти. Слушай, Варт, я не виновата в том, что на нее похожа. Если ты сможешь втолковать это своему брату... считай, мы в расчете. Я уеду завтра же.

— Панда, давай потом...

— Не-е-ет, сейчас. Я уеду завтра же. Даже если на дворе будет тайфун, ураган, цунами и восстание живых мертвецов одновременно — я уеду. Я устала отзываться на чужое имя. Ты, возможно, привык, но я — нет.

— Не «не смогли». — Резко сказал Варт. — Не захотел.

Юлга покачала головой.

— Это не мои семейные проблемы. Извини. Я не могу щелкнуть пальцами и сделать хорошо, а больше я вообще ничего не могу поделать. — В подтверждение своих слов она все-таки щелкнула пальцами — в перчатках получилось не очень. — Видишь? Я старалась.

— Слушай, Юлга... — Варт сел на обитую розовым табуреточку и жалостливо глянул на нее снизу вверх, — Помоги мне. Мама семь лет не была так счастлива. Она приводила в дом девушек и после Яльсы, вместо Яльсы, но потом сразу о них забывала — она начинала резать овощи для праздничного обеда, а потом смахивала их в суп, который варит на неделю. Я просто не знаю, что делать, если ты уйдешь. Я просто не знаю, что делать. Брат ушел в учебу с головой, полностью, нырнул, похоронил себя в этой учебе, я...

— Это не мое дело, Варт. Я попала сюда случайно. — Терпеливо повторила Юлга.

— Хочешь, заплачу? Ты искала работу? Поработай Яльсой.

— Ты правда думаешь, что я приму за это деньги?

— Тогда что для тебя сделать? Что ты примешь?

Юлга вздохнула как можно глубже, чтобы не сорваться. Сегодняшний день был слишком полон разными событиями и людьми, слишком полон эмоциями.

У себя дома она никогда не сталкивалась с такими ситуациями, избегая всего, что каким либо образом могло ее задеть. Она просто жила от дня к дню, ходила в школу, после школы гуляла с какими-то подругами, возвращалась домой, к маме, или, когда та уезжала в ведомственную командировку, к тете Ато, смотрела какие-то сериалы, читала какие-то

книги, ложилась спать — и цикл замыкался.

Она никогда ни с кем не ссорилась по настоящему, потому что никогда ни к кому кроме мамы и тети не была привязана, даже парня, с которым недавно рассталась, она никогда особо не любила — просто сказала «ладно», приняв кофейные зерна на день Солнца...

И вот она одна, в городе, где у нее нет знакомых и связей; здесь ей некуда идти после школы, да и школа ее не здесь. Тут она столкнулась с большим человеческим горем, огромной гноящейся раной, которую в той или иной мере несла на себе вся семья Варта. А Варт как будто забрал себе всю боль, которую смог выпросить у жадных до этой боли родственников, и жалел, что не смог отобрать еще больше.

Она категорически не хотела сталкиваться с такими вещами, поэтому уехала из своего города и попыталась поступить в ТГУ, но, видимо, никуда от этого не деться, разве что бежать еще дальше.

Затянувшееся молчание Варт прервал коротким:

— Подумай. Что угодно для тебя сделаю, только помоги. — и вышел из комнаты, мягко притворив дверь.

Этот негромкий звук прозвучал как выстрел.

Юлга медленно, по пальчику, сняла перчатки, аккуратно положила их на стол. Взялась за ручку огромного шкафа. Обычно в таких где-нибудь на верхних полках хранится пижама, которая, конечно, будет кричаще-розовой и в бантиках, и, даже, наверное, в сердечках, но тут не на что жаловаться...

...Она — школьница, у которой в голове события лежат в куче, как лоскутки в бабушкиной корзинке для рукоделия, не желают сложиться в нечто цельное и единое: сегодня она успела признаться в любви парню, сегодня ей сказали, что ей ничего не светит. Она думала, что хуже быть не может, она думала, что ее за что-то наказали Боги. Она сделала огромный крюк по дороге домой, чтобы пройти под мостом и постоять, глядя на то, как течет река. Ну и порыдать, конечно, там все равно никого не бывает в это время дня; не дома же рыдать, если бабушка увидит, будет беспокоиться.

И когда она уже подходила к дому, раздался негромкий скрип, от которого отчаянно заболели уши, и прямо на ее глазах блочная пятиэтажка, в которой она жила с бабушкой, сложилась как карточный домик. Огромные бетонные плиты, мощные — ей показалось, что почти беззвучно, друг на дружку, складывались внутрь, в пыль, в труху...

Дальше все скрыло огромное серое облако, Яльсе казалось — она выкашляет легкие...

Женщина, которая когда-то брала у бабушки уроки фортепьяно, пришла и забрала Яльсу к себе домой. Тетя Талина плакала, и Яльса плакала, и от того, что они плакали по бабушке вместе, становилось как-то легче.

А потом оказалось, что Ярт живет здесь. Что тетя Талина — мама Ярта.

Яльса ненавидит себя за то, что кроме горя по бабушке в ней проклевывается щемящая радость — она будет жить в одном доме с любимым. Это — неправильно. Так — нельзя.

Она могла быть там, она должна была быть там, с бабушкой, вместе, размолотой кашицей под гигантскими бетонными плитами. Однако она сделала крюк по дороге домой, потому что...

Ярт ее не любит.

Яльса заставляет себя открыть дверцу шкафа в комнате ее мечты: тетя Талина всегда хотела девочку и даже обставила комнату для девочки, но, увы, не сложилось. Тому, что с

девочкой у тети Талины не получилось, тоже нельзя радоваться, это неправильно, это грешно, и Яльса чувствует себя еще более виноватой.

Где-то на задворках мыслей проскальзывает мысль прыгнуть откуда-то и полететь — вниз, вниз, на ту сторону мира, на встречу с Окосом, а потом с бабушкой...

Но Ярт стучится в дверь. Ярт говорит, что полотенце можно взять на полотенцесушители, говорит просто и спокойно. Как будто так и надо.

Яльса еще никогда не чувствовала свою жизнь так полно и ярко, даже больное горло кажется чем-то прекрасным и приятным: у мертвых ничего не болит.

Яльса решается остаться здесь. Вдруг это ее шанс? А бабушка поймет.

Юлга вынырнула из видения. Ее трясло. Впервые видение провоцировал неодушевленный предмет. Раньше для этого надо было коснуться руки нужного человека, настроиться, да еще не всегда срабатывало. Правда, откуда Юлге знать? Она ведь никогда не хотела владеть своим даром, она никогда не училась им владеть. Надеть перчатки и закрытую одежду, закрашивать каждый свободный клочок своей кожи косметикой — это было проще.

Ведь это не ее прошлое, не ее дело. Она не обязана разделять с людьми их воспоминания, не обязана видеть их глазами.

Кто бы ее спросил...

Боги, она совершенно не хотела подглядывать в чью-то душу. Она не хотела вставать на место Яльсы, она не хотела... Нет, не хотела.

Она не хотела погружаться в проблемы незнакомой, неродной семьи с головой, хоть Варт и душка, а Ярт красив и несчастен, как лирический герой. Ей это было не нужно.

Она приехала в Тьен, чтобы поступать — и провалилась. Надо было сразу и уезжать, надо было возвращаться домой и еще целый год гулять, смотреть сериалы и фильмы, читать книги и наслаждаться беззаботной юностью и свободой. Она научилась справляться с этим в Хаше, но не здесь. Да откуда она вообще взяла, что здесь будет легче?

Тетя Ато не хотела отпускать ее в столицу. Говорила, что там опасно, постоянные взрывы и теракты, рассказывала, что своими глазами видела, как обвалился жилой дом. Потом оказалось, что под фундамент дома заложили бомбу.

Теперь-то Юлга тоже своими-не своими глазами видела, как обвалился жилой дом, и это было страшно. Так страшно, как Юлге еще не было.

Варт ворвался в комнату: у него было такое испуганное лицо, что Юлга — в который раз за сегодня — истерически рассмеялась.

— Что случилось?

— А что случилось? Ты зачем сюда? — Сквозь смех процедила Юлга.

Ее трясло.

— Почувствовал, что ты испугалась. Так испугалась, как будто тебя здесь убивают. Ну, подумал, что Ярт...

— А Ярт может?

— Только бессознательно. — Варт поморщился. — и если что, это можно отзеркалить на него же, а своя магия не убьет. Эмпаты такое могут. Звучит как в детском стишке, верно? Два брата — эмпат и некромант. После исчезновения Яльсы у Ярта него бывают... прорывы, так что с братом-эмпатом ему повезло. Сам-то он никогда не признается, у него же все под контролем...

От удивления Юлга даже перестала трястись.

— С чего это вдруг такая честность?

На самом деле ей хотелось на него наорать: как он мог не предупредить, что здесь настолько опасно? Но подумала, что сама виновата, что осталась ночевать в подозрительном доме, она же знала, что старшенький — двинутый на голову некромант. Варт сказал ей об этом прямым текстом, а она и не заметила. Для Варта это все само собой разумеется, он не обязан учитывать каждого ее таракана, он и так старается как может.

— Пока сюда бежал, а это был воистину грандиозный забег с препятствиями прямо с кухни, судорожно выдумывал, что буду говорить природоохранке, когда в нашем в доме найдут твой труп. Ты очень порадовала, когда оказалось, что ты жива и даже не покалечилась. Решил, что такой умной Панде можно доверить мою страшную тайну, она все равно никому ничего не расскажет.

— Не смешно. Вообще не смешно.

Варт кивнул.

— Но трястись ты перестала. Так что случилось?

Юлга задумалась, не рассказать ли о том, что видела, но тут же отказалась от этой идеи. Ее дар следовало хранить в тайне, поэтому она брякнула почти первое, что пришло в голову.

— Мышь.

— Мышь?

— Летучая мышь залетела в окно. Я очень их боюсь.

— Мышь? Хм-м-м, ну ладно. Предположим, поверил... — Варт покосился на наглухо закрытое окно и пожал плечами, — Ладно, есть что-то, чем можно тебе помочь? Ты... останешься?

Юлга неопределенно покачала головой.

— Я... подумаю. — Когда Варт уже стоял на пороге, она бросила ему в спину, — Есть ли у вас какой-нибудь институт, где экзамены проходят позже?

— Конечно. — Сказал Варт, не оборачиваясь. — Как и везде. С послезавтра начнутся вступительные в Ведомственный.

Проснулась Юлга от резкой боли в животе, к которой оперативно присоединилась мигрень. С пятнадцать минут протаращилась в светло-светло-светло, почти незаметно, но все ж таки розовый потолок, размышляя об извечных вопросах: где она, кто она такая и что она такое вчера пила, что сегодня ей так плохо.

То, что ей вспомнилось, казалось далеким и нереальным. Сумасшедшая женщина с ее ко всему привычными отпрысками, которые явно не раз за эту женщину извинялись; рухнувший дом, под обломками которого лежала ее-не ее бабушка; проваленный экзамен на не то чтобы желаемый, но приемлемый факультет. Однако безжалостно-розовый потолок не оставлял никакой надежды, все было именно так и никак иначе. Она в коттеджике на окраине Тьена, хозяев которого знает всего несколько часов и не с самой лучшей стороны, и ей так плохо, что встать и уехать она сегодня, скорее всего, не сможет.

А если не сможет сегодня, то точно задержится надолго. Почему-то Юлга была уверена в этом. Пока увяз только коготок еще можно вырваться и улететь, но немного помедлишь — и увязнешь целиком.

Она застонала и перевернулась на другой бок с твердым намереньем проспать до полудня, а потом что-нибудь придумать.

В следующий раз она проснулась, когда услышала вежливый стук в дверь. Тело, почему-то, отреагировало паникой, так что она молнией вскочила с кровати, дернулась от резкой боли в висках, и заползла обратно под одеяло. Ну, хоть живот прошел.

— Входите... — Просипела она.

От чего у нее заложило горло — при закрытых-то окнах и летнем зное на улице, Юлга тоже не знала. Однако догадалась почти сразу, стоило ей повнимательнее разглядеть зашедшего в комнату Варта.

— Нужно извиниться... — Начал он.

У него под глазами были резкие, почти черные, круги, волосы стояли торчком, подбородок казался синеватым, рубашку будто никто не гладил уже лет пять... в общем, выглядел он как нуарный детектив посреди расследования, которого силком оторвали от его кофе и отправили докладывать обстановку в очень ярко освещенное место. Даже щурился примерно так же. Так как вчера за столом он почти не ел, все молот языком без умолку...

— Братец перенервничал. — Догадалась Юлга. — Так они и правда болезни разносят...

— Не совсем. — Поморщился Варт. — Просто это мой такой... одаренный. Вообще-то он их лечит, но иногда бывает... Пижама тебе идет... Яльсе-то шла... Стой-стой-стой, не злись только, у тебя совершенно другой оттенок волос, о! Ну и ерунду мелю! Короче, тебе вовсе не обязательно в этом разбираться, это внутрисемейные проблемы, вряд ли это повторится. Брат вернется — поправит, что наломал, будь уверена. — и, почти без паузы, спешно, — Ты вчера говорила, что у тебя вещи проплачены до сегодня...

Юлга воззрилась на него как не инопланетянина.

Станный он какой-то. Вчера «помоги», сегодня «внутрисемейные проблемы». Голова-то болит у Юлги, так что это и ее проблемы... Варт-то вчера прямо таки гарантировал безопасность и уговаривал остаться, а теперь что, намекает, что пора и честь знать? Видок у него тот еще, видно, что плохо спал, сразу понятно, зеркалил из всех сил, что бы это там не значило. Даже не хочется его ни в чем упрекать, ему, наверное, тоже сейчас не слишком

хорошо и радужно. Намек так намек, она же все равно обещала уехать. Только вот голова болит...

Варт так уверен в том, что Ярт, когда вернется, все поправит... Интересно, а придется ли ему Ярта уговаривать ее лечить? Хотела бы она посмотреть на это зрелище, должно быть покруче петушинных боев. Вчера старший братец слишком устал, чтобы драться, но в этот раз может быть, придет свеженький. А Варт наоборот, краше в гроб кладут. Тфу, опять эта кладбищенская тематика...

Чтобы отвлечься, Юлга спросила, уверенная в отрицательном ответе:

— Ты что, хочешь съездить, привезти? И не ломает?

— Твое глухое раздражение ломает больше. — Буркнул Варт, и тут же выставил вперед ладони, защищаясь. — Тебя никто ни в чем не обвиняет, просто если кто-то съездит за вещами, тебе же будет проще? Обустроишься хоть нормально. Можешь считать, что парень повелся на твои красивые глаза и зачесть это как великий подвиг, если так хочешь, в конце концов. Брат уехал на учебу, так что...

У Юлги отвисла челюсть. То есть не буквально, лицо-то она держала кирпичом, но метафизически — еще как отвисла. Прямо на пол грохнулась. Это что, шутка такая? Тащиться на другой конец немаленького города за чужим чемоданом? А может он ей сейчас вручит миллион тье и извинится за недостаточную оперативность? Мол, он бы и раньше собрал, но всю ночь ждал, пока риелтор продаст его квартиру в центре и последние штаны?

— Не то чтобы я отказывалась... А тебе разве не учебу не нужно? — Наконец, нашлась что сказать Юлга.

Он наверняка где-то учится и очень-очень занят! Конечно, ей причиталось за моральный ущерб, но, все-таки... Ей казалось, что она слишком уж наглеет. Живет в чужом доме, гоняет хозяина за шмотками...

— В ВГТУ сейчас летние каникулы. Практику заранее зачли...

— А-а-а... Тогда ладно. Ключи от ячейки в переднем кармане сумки, третья камера хранения Восточного во... По-о-одожди! ВГТУ — это Ведомственный, что ли?

Варт уже деловито обшаривал сумку, и на крик Юлги отреагировал ровным счетом никак.

— Э-эй!

— А, что? Ну да. Второй курс, с осени третий... А почему столько негатива? Прости, голова немного побаливает, сложно сосредоточиться... что-то не то сказал? Извини.

Юлге только еще больше захотелось его стукнуть. А еще — чтобы он прекратил читать ее эмоции и за них извиняться — она ведь тоже его ни в чем не обвиняет!

Она глубоко вздохнула, успокаиваясь.

— Нет, все нормально, просто у меня мама в Ведомстве работает — показалось, что оно меня преследует.

Варт все-таки нашел ключи, подбросил на ладони и невинно поинтересовался:

— Что, дар редкий? Тогда тут есть чему посочувствовать — никуда ты от них не денешься, особенно если у вас это родовое. Да ладно тебе, не смотри так злобно, Панда, в этом же никто не виноват.

Юлга буркнула:

— Не такой уж и редкий. Слабенький дар земли — тоже мне! Даже на почвоведенье не взяли...

Варт вздрогнул.

— Что, родовой?!

Юлга спохватилась: слишком много она ему выбалтывает! Кто бы мог подумать, что эмпаты такие вертлявые, что могут вызвать доверие просто денечек пошлявшись рядом? Она так ему и про свой основной дар выболтает — парню из Ведомственного института!

Она знала, что, скорее всего, там и так все знают, Ведомство знает все. Но, тем не менее, а вдруг нет? Ну а вдруг? Вдруг у мамы получилось?

— Сколько времени? — Спросила она.

— Около часа.

— У меня проплачено до двух...

Варт вздохнул.

— Понял, понял. Извини.

Юлга запустила в него подушкой. Варт ее поймал, с поклоном вручил обратно, смахнув неосторожным движением со стола несколько безделушек, глухо утонувших в розовом ковре, и вышел из комнаты. Юлга еще некоторое время сидела, прижав подушку к груди: Варт как будто забрал ее поганое утреннее настроение с собой.

А Окос этих эмпатов разберет — может, и правда забрал.

В свое следующее пробуждение Юлга поняла, что помощь Ярта ей уже не нужна. Головная боль исчезла, зато появился аппетит. Есть хотелось жутко, до урчащего живота. Впервые в жизни Юлгин живот издавал такие звуки, и она снова почувствовала себя героиней какого-то на редкость дурацкого сериала.

Юлга прислушалась: в доме стояла тишина, только едва слышно потрескивали старые перекрытия. Наверное, она тут одна. Или не одна, но хозяйка спит.

Она тихонечко, на цыпочках, подобралась к окну и раздвинула шторы. За окном был день, который медленно клонился к вечеру. Это ничего ей не говорило, потому что когда она проспалась в прошлый раз, она на время как-то не посмотрела, и не могла теперь с уверенностью сказать, как давно Варт уехал и когда наконец вернется с ее вещами. Время возвращения Ярта ее вообще не интересовало.

Рассыпанные Вартом безделушки так никто и не поднял: похоже, он просто не заметил, что у него за спиной что-то посыпалось. Или не хотел ей докучать, стремился избавиться от ее общества как можно быстрее — а что, чем не вариант? Хотя и обидный немного, такой даже выдумывать не очень хочется, а тем более принимать за рабочую версию.

Собирать памятные вещички голыми руками было чревато очередным «приходом», мало ли что у Яльсы может быть повязано вот с этим вот фарфоровым косоглазым песиком или расписной деревянной кошечкой? На столе перчаток не оказалось, и Юлга никак не могла вспомнить, куда еще она могла вчера их сунуть. Так что она без долгих раздумий просто натянула на ладони рукава пижамы. Они, конечно, растянутся, но вряд ли хозяйка будет возражать. Судя по тому, что Юлга вчера увидела, Яльса была зашуганной и набожной девочкой.

Какой класс? Седьмой, восьмой? Да и Ярт тогда был не старше. Разве может что-то настолько серьезное начаться так рано? Разве может из детской влюбленности что-то вырасти?

Юлга, за плечами которой было семнадцать лет и опыт всех ее подружек, раньше бы сказала — нет. Не может. Это все недолгое и переходящее. Погуляли? Поцеловались? Ну вот и вся любовь, дальше-то и делать нечего.

Однако Яльса была другая, она к своей влюбленности относилась основательно. Юлга готова была побиться об заклад, что если она схватится за ручку шкафа еще раз и посмотрит повнимательней, то разглядит нафантазированную Яльсой свадьбу и их с Яртом детей. Правда, сама мысль еще раз погрузиться в то воспоминание вызывала у нее ужас и тошноту.

Юлга не любила свой дар не за то, что он позволял ей подглядывать в чужое прошлое, а Юлгина совесть против этого протестовала. Будь все так, было бы слишком просто. Он не позволял: он силком тащил поглядеть на самое пикантное и интересненькое, на самое запретное и сокровенное, на самое жуткое и отвратительное, на самое прекрасное и святое, словом, на все то, что вызывало у владельца воспоминаний больше всего эмоций.

А теперь, как оказалось, еще и предметы стали опасны.

Это ведь были чужие эмоции, Юлга вовсе не хотела их разделять. Она же не Варт...

Она внезапно представила, что могло бы быть, возьми она Варта за руку. Вообще она не слишком-то часто держалась с людьми за руки кожа к коже, да и... Окос заberi, как бы она не огребла не только его ужасов, но еще и отголосков чужих! А жаль.

Варт ей понравился, она была совсем не прочь подержаться с ним за руки на каком-нибудь колесе обозрения, и чтобы вечерний Тьен за окном кабинки сиял и переливался всеми своими огнями и огонечками. Варт бы смотрел бы на нее этак таинственно и в глазах бы у него плясали загадочные блики... А Юлга бы сидела и вот вообще бы ничего не подозревала.

Поймав себя на том, что прикидывает, совместимы их дары или нет, Юлга схватилась за голову. Яльсино безумие что, заразно? Когда? Когда она успела так расслабиться? Варт. Учится. В Ведомственном! И будет обязан отработать по специальности пять лет! Как такому вообще можно доверять? То есть, конечно, будь она простой гражданкой Кетта, человека надежнее, чем человек Ведомства, она бы найти не могла. Однако Юлга уехала из Хаша, маленького закрытого городочка на окраине Кетта, чтобы избежать любых контактов с Ведомством.

Ведомство занималось защитой магов от магов. Не только преступлениями, связанными с использованием магических способностей, хотя такой отдел там тоже был и считался самым спокойным. Туда отправляли бездарей и выходили на пенсию.

Однако Юлгина мама, а до нее бабушка работали в другом отделе, отделе следящих-сопровождающих, куда должна была попасть и Юлга. Там занимались зачисткой тех, кто не справлялся с собственной магией. Таких было не то чтобы много, но достаточно.

Да, огневики иногда взрывались, и Юлга не могла поручиться, что дом Яльсы — это теракт, а не огневик, прочитавший в детстве сказочку о Фениксе. Тьеновские многоэтажки, особенно те, новые, в девять этажей, вообще Юлгу пугали: слишком много людей в одном месте.

Некроманты иногда действительно поднимали мертвецов, целители запускали в чужих организмах такое, что страшно представить... Да вообще любой спятивший, сорвавшийся маг — это страшно, Юлга знала не понаслышке. В Хаше однажды сорвался телекинетик — безобидные, слабые ребята, только и могут что вещички двигать, верно? А если куда-то исчезнут все ограничения? Телекинетик не может сдвинуть гору только потому, что он об этом знает. Запусти в люди чистый лист и попробуй его остановить...

У Юлгиной матери правая кисть — сухая, не движется, застыла птичьей лапой. Селия Наль — левша, но работать с даром предпочитает именно этой, правой рукой.

Потому что телекинетик был ее первым делом и иссушенная до кости рука —

доказательство ее глупости. Селия Наль знала, что телекинетик не может ничего поделывать с живой плотью. Ошибка. Потому что телекинетик не размышлял о возможностях: он просто изъял из ее руки кровь и жонглировал этими шариками, жонглировал — и тихо, счастливо, по-детски смеялся. А Селия уже никак не могла отнять руки от его локтя, и ей оставалось только настроиться на его память. Юлга видела это своими-не своими глазами.

К счастью, Селия Наль смогла найти в его памяти управу на него. Почему-то обычная детская считалочка его успокоила, и его смогли перевезти в больницу — его воспоминаниями Селия с дочерью не поделилась.

Но Юлга не хотела, чтобы у нее вместо руки была птичья лапа. В этом нежелании не было ничего постыдного, мать Юлгу поддержала. Селия уважала ее выбор и скрывала дар дочери от проверяющих... было бы неблагодарным свести на нет все усилия матери, доверившись первому попавшемуся эмпату. Как будто бы она простушка из глубинки и ведется на любого смазливового обаяшку, которого встретит на пути!

Юлга решительно сгрузила собранное обратно на стол неопрятной кучей, пообещав себе, что потом обязательно расставит всю эту ерунду по местам, и вышла из комнаты. Ничего поделывать с Ведомством сейчас она не могла, а вот с голодом была вполне в силах справиться. Лучше решать проблемы по мере поступления, верно?

Она тихонечко спустилась вниз и проследовала через гостиную на кухню. Помня о коварстве здешних дверей, поворачивала ручки только через рукав.

Надергала из набитого под завязку холодильника разной ерунды и сделала себе огромный бутерброд из всего подряд. Подумала — и уселась на диванчик к гостиной. Диванчик был кожаный, Юлга рассчитывала, что сможет потом аккуратно смахнуть все крошки.

Сидеть в полумраке гостиной в пижаме и есть потихоньку бутерброд было... спокойно. Как будто куда-то отодвинулись все Юлгины проблемы, куда-то далеко и надолго. Конечно, когда-нибудь их надо будет решить, но вот сейчас она ничего поделывать не может. А если нет смысла куда-то бежать — то почему бы не расслабиться?

Да, это чужой дом, чужая гостиная и даже бутерброд сделан из продуктов, за которые ей сказали и думать на счет платить. Такая учтивость подозрительна, не слишком-то понятно, зачем Юлга понадобилась этим чужим людям: не иначе как для решения их чужих проблем. Варт говорил об этом прямым текстом... Варт много чего говорил, но чему можно верить? Однако сейчас Юлга никак не могла этого выяснить, так что толку беспокоиться?

Все это далеко и как будто бы неправда, об этом можно было подумать и потом. А сейчас Юлге было уютно и тепло, снова клонило в сон. Она впервые могла быть уверена, что это ее собственное спокойствие, не Варт помог — и это тоже почему-то грело душу.

Зря она не взяла книжку. Зачиталась бы, ушла с головой и забыла бы, что не дома.

Юлга вгрызлась в бутерброд — и тут же уронила на подлокотник кусочек помидора, криворучка. Он начал сползать по скользкой коже, и Юлга спешно накрыла его ладонью...

Яльса тоже сидела на этом самом диване. Сидела и грустила. Загибалась в одиночестве, как плакучая березка. Сейчас Юлга смотрела на нее чуть со стороны и все равно никак не могла различить черт ее лица, будто это и не воспоминание, а так, сон. Юлга старательно, напряженно вглядывалась в лицо Яльсы и никак не могла разглядеть: когда она смотрела на него, то нос, губы, глаза, складывались во что-то безумно знакомое, но стоило отвести свой-не свой взгляд и все забывалось, сливалось в единый однородный ком. Юлга даже не могла

сказать, какого цвета волосы Яльсы или какой формы руки: вся ее внешность была слово, которое вертится на языке, но которое никак нельзя вспомнить.

Наверное, потому, что для того, кто был глазами Юлги, внешность не значила ровным счетом ничего. Его мир был соткан из образов, и в Яльсе он видел березку, зверя-куницу и проталину, а не огромную взрослую тетку, сидящую на огромном скользком диване, куда неудобно залезать. Яльса была — горькая нотка грусти, кисловатый привкус вины, немножко страха... Яльса была любовь. Нет, не любовь пока — трепетная влюбленность, теперь Юлга знала, как выглядит эта разница. Яркий, трепещущий огонек — совсем не то, что спокойный, давно прирученный огонь, который греет ее-не ее маму.

Брат стал неправильный. Брат всегда был как ледышка, от него, сколько помнит тот, кто стал глазами Юлги, всегда веяло самоконтролем, но рядом с ним никогда раньше не было холодно. Было просто прохладно, как жарким летом прохладно, когда откроешь холодильник с мороженым и запустишь туда руки, чтобы достать эскимо, но с тех пор, как Яльса пришла и принесла свой огонек, брат как будто отрастил еще один, дополнительный, ледяной щит.

Как будто он Яльсу боится.

Раньше брат был скалой и дубом, но теперь он спрятал ветви в черепаший панцирь из холодного железа. Лизнешь — прилипнешь намертво.

А Яльса беспокоится, с Яльсой что-то не так. Тот, кто стал глазами Юлги, мог бы рассказать про брата, и про то, что на самом деле этот его панцирь — это так, ерунда, декорация, просто надо знать, где топить... Но он понимает, что и огонек, и панцирь — это как игра в вороны-мыши. Когда он показал воронам, где были мыши, он испортил кон, и им пришлось считаться заново. Больше он не ошибется, не полезет в чужую игру подсказывать.

А даже если полезет, его не поймут: тот, кто стал глазами Юлги, не разговаривает словами. Слов слишком мало, они слишком бедные, ему не нужны слова, чтобы понимать людей, а люди без них понимают только самое простое.

А нотка грусти усиливается и усиливается, пока ее не становится слишком много, пока грустью не начинает вонять вся гостиная. Тот, кто стал глазами Юлги, не любит этот запах, от него щиплет в носу.

Он залезает Яльсе на колени и обнимает ее за шею, утыкаясь лбом в грудь. Он забирает у Яльсы ее грусть, забирает ее себе. Теперь щиплет не в носу, а в груди, но это скоро пройдет.

А Яльса улыбается. Не ртом, а внутри. Эта улыбка расцветает первой весенней мать-и-мачехой и греет только того, кто стал глазами Юлги, потому что она для него, а не для брата.

Яльса говорит: «Хочешь сказку»?

Тот, кто стал глазами Юлги, кивает. Он любит Яльсины сказки.

Ее голос рокошет камнепадом и шелестит песчаной струйкой, он именно такой, каким рисуют сказки. Голос освещает, как вспыхнувший прожектор на темной сцене, величественные горы и буйные реки, которые иногда выходят из берегов и всхрапывают, потряхивая гривами. Такие реки называются кельпи.

Однажды кельпи полюбила человека. Она подошла к нему и ткнулась мягкими губами в его плечо. «Какая ладная кобылка», — сказал человек и накинул на нее уздечку. Кельпи было странно и неудобно, но она никогда раньше не любила и решила, что это правильно.

Потом человек увидел тонкую и ладную реку, которой была кельпи. Он сказал: «какая

хорошая река, да берег каменист: поставлю на нее плотину, чтобы можно было брать воду для урожая». Плотина сделала из тонкой и быстрой реки тучную запруду, а человек стал пахать на кельпи землю. Так они и прожили много-много-много лет.

Давно уже кельпи не прекрасная ладная кобылка, но человек ей благодарен и не променяет ни на одну лошадь на свете. Он давно догадался, кто она, и его грех грызет его изнутри огромными, как у бобра, зубами. Человек хотел бы отпустить ее на волю, но это не в его силах: путы, их связавшие — это не только уздечка и плотина, они гораздо сильнее, они пустили в их душах корни. Кельпи, могучий дух воды, могла бы их сбросить...

Она говорит себе: «Я люблю его».

И остается.

И эти слова — самые крепкие путы.

Сказка кончилась, дальше ничего нет, но еще держится едва слышное эхо Яльсиного голоса, которое тоже кусочек сказки. И пока сказка не кончилась окончательно и бесповоротно, Яльса спешно добавляет: «Слова очень важны, Варт, слова и имена; просто попробуй».

Воспоминание на этом кончилось, но в эхе воспоминания Юлга еще успевает различить угрюмое: «ладно».

Юлга вырвалась из транса и тут же захотела обратно.

Напротив нее сидел Ярт и рассматривал ее как очень интересную букашку. Изучающе.

Потом достал из кармана пару мятых одноразовых медицинских перчаток и молча ей протянул. Юлга посмотрела на них в немом изумлении.

— Варт позвонил, — скучаяще протянул Ярт, — в панике. Орал, что ты тут сидишь сусликом и на него вообще никак не реагируешь. Я сразу предположил, что это просто глубокий транс, скорее всего, связанный с использованием дара, но Варт орал просто неприлично, я думал, у меня мобильник расплавится. Какое счастье, что депрессию нельзя прислать по смс, а то сидел бы я сейчас тут по уши в суицидальных мыслях и думал, что делать — бежать за веревкой или выводить тебя из транса, чего, кстати, делать не стоит. Спасибо, что вышла сама...

— Что?!

— А ты думала, тут только я срываюсь? — Зло усмехнулся Ярт. — Кстати, я приношу свои глубочайшие извинения за то, что вы пали жертвой моих проблем с выбросами магии.

— Да ладно, с кем не бывает. — Отмахнулась Юлга, отключившаяся от Яртова монолога еще на слове «сусликом». — То, что я хотела спросить: где мой бутерброд?

— Варт вытащил из твоих хладных пальцев. И помидор вытащил. Едва отодрал. И обивку протер. Первое слово, которое я сегодня от него услышал, было не «привет», а «где ты, гад, у Юлги анфилактический шок». Вы стоите друг друга, невежественные дети.

Юлга натянула перчатки: вообще такие она не любила, в них руки потели, а эти были еще и велики, но что тут можно поделать. Да и то, что они одноразовые не могло не радовать: воспоминаний про поднятие трупа или какой-нибудь темнейший ритуал ей только не хватало.

— А Варт где?

— Отошел вещи затащить. А ты не пробовала послать его в булочную? Вдруг получится? Будет у тебя, девочка с улицы, настоящий мальчик на посылках с долей в двухэтажном коттедже на окраине Тьена. Не центр, но тоже ничего.

Юлга склонила голову на бок.

— Я вроде не замуж за него собралась, чего же вы так беспокоитесь... Как затащил? А как я уеду?

Ярт пожал плечами и откинулся на спинку кресла.

— А какая мне разница? Ты мне абсолютно параллельна, а как ты собираешься сбежать от моей матери и от моего брата — твои проблемы. Я тебе только рад, наконец-то они перестанут носиться со мной, как с писаной торбой. У них теперь новая игрушка, о которой можно заботиться и подтирать сопли. Так что живи, я не против.

Юлга внезапно поняла, что сидит напротив Ярта, разговаривает с ним, но до сих пор почти не думала про трупы. На лице у него можно увидеть вполне нормальные, человеческие эмоции, а не мертвое спокойствие. Вообще, с прошлого вечера он заметно посвежел: иссиня-черные волосы лежали в роскошном беспорядке, белая футболка выглядела так, как будто ее только надели. Юлга принялась — ну вот, и одеколоном пахнет. Это совсем не как раньше: кровью и землей, это даже вкусно.

Она никогда раньше не слышала, чтобы некроманты тянули силы из живых, так что вряд ли этот вид был следствием ее и Варта головной боли. Хотя... кто его знает? Может, это некромант-энергетический вампир. У них в семье есть чистый эмпат, а где одно чудо чудное, там и другое рождается.

Юлга задумалась — а как ее видит Варт? Наверное, раз уж она показалась ему похожей на Яльсу — то примерно так же. Но в том-то и проблема, Юлга обнаружила, что не может вспомнить, как для Варта выглядела Яльса. Образы, так естественно наслаивающиеся один на другой в Вартовых воспоминаниях, теперь никак не складывались в единое целое у Юлги в голове. Особенно сложно было состыковать проталину и куницу. Получалось что угодно: куница рядом с проталиной, куница в прыжке, куница за проталиной... Но нечто, что и куница и проталина — никак.

Это было похоже на ту блестящую железную головоломку из загогулин, которую однажды притащил в школу Юлгин одноклассник. Он размыкал загогулины единым плавным жестом, и когда он это делал, казалось, что все элементарно просто и делается на раз-два — вот так и так, а потом раз, и загогулины свободны. А потом два — и снова обвились друг вокруг друга, опробуй, расцепи!

У Юлги так и не получилось.

Она решила спросить.

— Ярт... Я правда похожа на эту вашу Яльсу? Скажите, пожалуйста.

Ярт задумался. Юлга поежилась — у нее внезапно появилось ощущение, что ее лицо просвечивают рентгеном.

— Да нет, не особо. — В конце концов ответил Ярт. — На первый взгляд есть какое-то сходство: разрез глаз, губы похожи, скулы... Волосы слегка выются... но потом ты открываешь рот и все исчезает. Хотя... встретить я тебя на улице, мог бы подумать, что ты ее дальняя родственница. В дом бы не потащил, конечно... потому что есть одна маленькая деталь, которую ты так и не поняла, верно? Я скажу тебе по секрету.

— Что за деталь?

— Надо же, ты меня слушаешь! Так вот, Яльсы не хватает не мне. Ее не хватает Варту, потому что она сидела с ним в детстве. Ее не хватает моей матери, потому что она была невесткой ее мечты и восторженно заглядывала ей в рот. Но я это я. Я не замкнулся в себе и не ушел с головой в учебу, как тебе вещает Варт. У меня с тех пор были и другие девушки, и

сейчас есть одна.

Юлга склонила голову на бок. Есть одна, ну и слова же он подбирает. Одна штука девушки, полная комплектация, так, что ли?

— А зачем мне этот секрет?

— Ты единственная в этом доме, кто мне поверит. — Усмехнулся Ярт. — Эффект попутчика.

— О чем это вы? — Взмыленный Варт влетел в гостиную на крыльях паники.

Юлге показалось, что Ярт облизнулся, как огромный довольный сытый котяра. Показалось, потому что элегантный и сдержанный Ярт такого себе позволить просто не мог.

Это же все равно, как если бы он через резиночку прыгал. Юлга представила себе Ярта, сосредоточенно выполняющего «семерочку», и хихикнула в кулачок.

— О том, что Юлга завтра подает документы в Ведомственный и уезжает сегодня же.

— Вовсе нет! — Горячо возразила Юлга.

Говорили-то вовсе не об этом, и никаких документов она никуда не подает, вот еще.

— Верно, я обманул. Не уезжает.

Юлга затрясла головой.

— Не подаю, но уезжаю! — Поправила она.

— А почему не подаешь? — искренне удивился Ярт. — Ты же псионик. Туда, скорее всего, тебя возьмут. Там любят псиоников — вот, даже такого раздолбая как Варт, провалившего выпускные экзамены, взяли без вопросов.

— Эм, я не... — Замешкалась Юлга, сбитая с толку подобным беззастенчивым хамством, — У меня просто с... слабый дар земли, и больше ничего.

Ярт делано удивился.

— Слабый дар земли? Ладно, предположим. Будем считать — поверил.

Все-таки Ярт и Варт были братьями, это точно. Юлга выдохнула, уверенная, что на этом разговор про Ведомственный будет закончен, но Ярт был неумолим.

— Все равно попробуй.

— Ярт! Имей совесть. — Спокойно сказал Варт.

— А что? Девочка с периферии приехала в Тьен поступать, провалилась и не хочет подать в «институт последнего шанса»? Варт, твоя мать нашла на улице какого-то подозрительного ребенка, осторожнее с ней.

— Это наша мать. — Процедил Варт.

— Эй! Я тут решение принимаю! Я туда не хочу. Не-хо-чу. Ни за что не подам доку... Эй, Варт, что ты делаешь?

Ярт как-то очень быстро оказался рядом с Вартом, который отступал в сторону двери, и ухватил того за ухо. Варт не упирался, когда Ярт волок его обратно, но шел я с явной неохотой.

— Если ты проверишь списки заявок на поступление в Ведомственный, ты там себя найдешь. Ты ее подала. — Медовым голосом заявил Ярт. — Потому что сегодня последний день, а один твой знакомый там должен был сидеть в приемке, а не разъезжать с чужими чемоданами. Нет, все правильно, в приемку он заглянул...

— Откуда ты... — просипел Варт.

— Я не эмпат, не телепат и вообще не имею отношения к псионикам. Я просто тебя знаю, Варт.

— Но я же объясняла... — Растеряно сказала Юлга.

Ей почему-то было очень обидно. Она не ожидала, что кто-нибудь будет решать за нее. Варт вообще не казался ей человеком, который был на это способен. Хотя... он же забирал у людей грусть и тревогу, потому что думал, что так лучше. Если так посмотреть, то подай за нее заявку хоть куда-нибудь вполне логично с его стороны. К тому же он был уверен, что никуда она от Ведомственного не убежит, вон, как вчера убежденно об этом говорил.

— Ты бы спросил хотя бы... я же говорила, что не хочу...

Да, и стоило ей уезжать из Хаша, где она знала всех преподав тамошнего Ведомственного в лицо и по именам, а с некоторыми и завтракала, когда мама позволяла себе чуть расслабиться и поиграть в отношения, чтобы поступать в Тъене!

Это настолько глупо...

— Да ладно тебе! — Сказал Варт, изо всех сил выдавливая из себя веселье. — Ты можешь просто не явиться на экзамен, и тебя не примут, как будто бы заявка вообще что-то значит!

Юлга почувствовала, как куда-то исчезает ее растерянность. Действи...

— Не смей! — Завизжала она так громко, насколько хватило воздуха, — Слышишь? Не трогай мои эмоции! Они мои, мои, мои, мои!

Она вскочила и топнула ногой. С ноги слетел тапочек, и Юлга на автомате ее поджала — только б не наступить на пол или на ковер, а то мало ли.

Ярт рассмеялся. Пожалуй, всклокоченная девица в розовой пижаме, резиновых перчатках и стоящая на одной ножке и вправду выглядела смешно, но этот смех окончательно Юлгу добил.

Она была в бешенстве.

— Не смей трогать мои вещи! Не смей трогать мои эмоции! Не смей трогать то, что мое, слышишь!

Варт попятился. Если бы он умел поджимать уши, он бы прижал.

— Ох уж эти семейные скандалы! — Умиленно сказал Ярт, который уже снова устроился поудобнее на диване и наблюдал, подперев щеку кулаком.

Юлгу как будто ударили под дых.

— Я не Яльса! Я не часть вашей дурацкой семьи! Что за бред вообще тут творится?

Она допрыгала до тапочка, сунула в него ногу. Глубоко вздохнула и выдохнула. Она немного успокоилась, но внутри ее все еще бушевал гнев.

— Я ухожу. Чемодан спущу сама — и без твоей помощи, понял?

Проследив взглядом за удаляющейся Юлгой, Ярт обернулся к брату. Варт дышал ртом, прижимая рукав рубашки к носу. Ярт поспешно достал из кармана носовой платок.

— Всё настолько плохо? — Сочувственно спросил он.

— Помнишь, ты разбил ту штуку... вазу, вроде... которую отец собирался матери подарить? Такая была, в разводах? И спросил, как пахнет гнев, а, Ярт?

— Помню. — Спокойно ответил Ярт. — Ты вытащил из аптечки нашатырь и сунул мне под нос пузырек. Я еще удивился, как ты крышку отковырял, она же специальная, чтобы дети не заигрались.

— Вилкой. — Огрызнулся Варт. — Если ты спросишь еще раз, пузырек будет вылит тебе в нос.

— Бедолага.

— Ты этого и добивался, да?

— Э, нет, не перекладывай с больной головы на здоровую. Я просто немного... подтолкнул процесс. Но виноват ты. Ты и только ты. Я тысячу раз говорил, не решай за других, как им будет лучше, но нет, ты же самый умный, хочешь только добра... разгребай теперь свое добро, Варт, сам. — и добавил на полпути к выходу: — и лед уже приложи, а то ковер заляпашь... ночью не жди, я дежурю.

Он ждал ее, прислонившись к стене. Свет в гостиной кто-то выключил, так что Варт казался серой тенью в сумерках. Вспомнился картинно-зловещий некромант из детского телесериала... а потом подумалось, что настоящие некроманты будут пострашнее. А потом — что какой из Варта некромант?

А уж в том, что случилось затем, не было ничего романтического, хотя со стороны, наверное, смотрелось пикантно: запыхавшаяся Юлга тащила вниз по лестнице чемодан, зазевалась, сляясь разглядеть выражение лица Варта, споткнулась, полетела, и, конечно, была поймана. Чемодан докатился до основания лестницы, ушибленный его ручкой Варт зашипел, Юлга как можно скорее отстранилась.

Еще утром она задержалась бы в случайных объятьях подольше, благо поймали ее удачно, как будто специально придержав за рукава, а не за обнажившееся запястье, но не сейчас.

— извини. — Сказал Варт чуть в нос.

— За что? — Удивилась Юлга. — Вы всего-то потрепали мне нервы. Могло быть хуже. К тому же меня накормили вкусным ужином. Просто... слишком много всего, понимаешь? Я не понимаю, зачем я здесь, это пугает. Вот сейчас я почему-то говорю правду; я слишком тебе доверяю, и это настораживает. Так что давай, пропусти. Я попрощаюсь с Талиной и уйду.

— Ладно. — Согласился Варт серьезно. — Хочешь правду за правду? Мама госпитализирована — магическое истощение. Брат знает, что за дар, но молчит. Еще бы он не знал, целая больница знакомых. — Варт неопределенно махнул рукой.

— Ты хочешь обвинить в этом меня? В том, что с твоей матерью не все в порядке? — искренне удивилась Юлга.

— Нет, просто факты. Чтобы сделать что-то, мама использовала магию, которую использовать не могла: ведь считалось, что она утратила свой дар после вторых родов... Значит, она привела тебя не просто так, не случайно.

— Варт, я тебя не понимаю. Ты опять пытаешься надавить мне на сочувствие? Я еще не забыла твое проникновенное: «помоги мне». — Сухо отрезала Юлга. — Я повторяю. Я не хочу вмешиваться в чужие проблемы. То есть в последнее время очень хочу, но почему-то не уверена, что этого хочу именно я.

— Потом оказалось, что в тебе заинтересовано Ведомство. — Продолжил Варт, будто и не услышал. — Узнав, что ты у нас, они вызвали в деканат, настояв на том, чтобы от твоего имени была подана заявка. Слушай, Панда, пойми — не только у тебя не было особого выбора, куда поступать.

— и ты решил, что раз его все равно нет, то можно отобрать у меня надежду?

Варт сказал просто:

— Да. Если тебе хочется, обвиняй. Если ты действительно так считаешь...

Юлга вздохнула.

— Не хочется. Я понимаю. Моя бабушка служила Ведомству, мама... Я в этом котле варюсь всю свою жизнь. Так хотелось попытаться выбраться... но я никогда в это особо не верила. Ты просто добил. Даже не так, ты просто ножик, которым меня добили. Я не хочу тебя обвинять, и поэтому мне трудно находиться рядом.

— Тогда лучше обвиняй. — Пожал плечами Варт. — Не жалко.

— Зачем тебе удерживать меня здесь? — Удивилась Юлга.

— Хм... Влюбился? — Предположил Варт. — Может, парень тебя всю жизнь искал, а потом ты пришла — прекрасная и зареванная, и он влюбился в тебя с первого взгляда. А теперь ты уходишь, разбив ему сердце, о жестокосердная ты Панда.

— Какого цвета у меня глаза? — Юлга немного подождала, отлично понимая, что Варт в любом случае ни за что бы не запомнил, не с его-то образным зрением, и через несколько минут молчания добавила, — Хватит валять дурака. Ты обещал правду.

Варт заговорил: медленно, неохотно, чуть хрипловато.

— Ты не захотела верить в правду. Но я повторю: мама привела тебя сюда. Значит, так было надо. Однажды она привела Яльсу, и потом тоже слегла с истощением. Когда Яльса ушла, все стало плохо. Я трус, Юлга. Не хочу второго круга. Ты что-то умеешь. Что-то... важное.

Юлга хмыкнула. Почему-то то, что в ней нуждаются, грело душу. Но как-то не очень грело. Потому что никогда раньше не грело, а тут вдруг начало.

Она не могла контролировать собственные эмоции. Раньше у нее это тоже получалось не ахти, но это, по крайней мере, было ее собственное неумение с ними справляться. Теперь же, вполне возможно, Варт перехватил у нее управление, и у него получалось лучше, чем у Юлги. Это не пугало, хотя должно было. Вся ситуация была неправильной. И Юлга предприняла отчаянную попытку взять ее под контроль.

— Ты же понимаешь, что помощи за так не бывает? Вас должны были этому учить.

Варт снова пожал плечами. В сумраке Юлга не видела его лица. Она поспешно добавила:

— Только до тех пор, пока не заселюсь в общагу, имей в виду. Поклянись, что не будешь трогать мои эмоции и пытаться узнать, в чем мой дар. Мне этого хватит. Ну и чемодан обратно занеси...

Варт... наверное, улыбнулся — голос у него потеплел.

— Клянусь.

— Нет, ты не понял. Мне не достаточно простых слов. Клянись именем. И род не забудь.

Варт не колебался, хотя теплота из голоса исчезла моментально.

— Я, Варт Хин из рода Хин, сын Талины Хин-Элу и Пекха Хин, клянусь не проводить с эмоциями Юлги Наль из рода Наль, дочери Селии Наль, действий активно-манипулятивного характера с использованием возможностей своего дара, а так же клянусь самостоятельно не предпринимать никаких действий по выяснению направленности ее дара.

Юлга кивнула. Было бы странно, если бы заполнявший за нее заявку Варт не знал ее полного имени, так что он просто подтвердил ее опасения. И когда он успел просмотреть ее документы? Неужели когда она спала?

Как-то он легко согласился на такую серьезную вещь, как клятва. Хотя клятва на то и клятва, чтобы искать в ней дыры и, главное, находить. В конечном итоге все равно все держится на доверии.

— Я, Юлга Наль из рода Наль, дочь Селии Наль, принимаю слово.

Они переплели пальцы: кожа к резине медицинских перчаток. Юлга отсчитала положенные шесть секунд и хотела было высвободить руку. Варт не отпустил.

— Не пойдет. — Серьезно сказал он. — Твоя очередь. Поклянись, что не сбежишь без

предупреждения.

Юлга замялась. Хватка у Варта была железная, в голосе тоже звенел металл. Как будто ее поймали в капкан. В полутьме было не различить выражения лица Варта, и это пугало, как бы не пришлось отгрызать лапу. Вспомнился Ярт: «А как ты собираешься сбежать от моей матери и брата — твои проблемы». Юлга наконец четко осознала ту самую мысль, которая все пыталась пробиться из подсознания.

Это действительно может стать проблемой.

Талина несомненно сумасшедшая. Так кто сказал, что Варт нормален?

Эмпаты не случайно редко переживают свое десятилетие.

— К-какой-то... неравноценный об-бмен. Не находишь? — Спросила Юлга, пытаясь унять дрожь в голосе. Обычно вслед за паникой рядом с Вартом немедленно следовало успокоение. Однако не в этот раз — Варт держал слово.

— Нет. — Просто сказал Варт.

— Это шантаж.

— Вовсе нет. — Варт покачал головой. — С чего ты взяла? Где именно ты увидела шантаж? Клятва за клятву. Так всегда делают. Просто просьба не исчезать без предупреждения. Если захочешь уехать — скажи об этом.

— Я могу пообещать.

— Поклянись. — Это было спокойное, монолитное слово. Каменное. Его было не сдвинуть уговорами.

Варт сначала показался Юлге мягким, уступчивым человеком. Он все время извинялся, все время пытался ей чем-то помочь, развлекал, даже чуточку ухаживал — так, несерьезно, по-приятельски. И его неожиданная твердость... Страшно. Все его уступки оказались ложными, вся его помощь служила в конечном итоге только его целям. А что это были за цели, Юлга никак не могла понять.

Пальцы Юлги были сжаты крепко, совсем не больно, но надежно. Вывернуться? Юлге почему-то не хотелось пробовать. Она больше не знала, чего от Варта ожидать. Она больше ему не доверяла: может, кончилось действие внушенного доверия. Она больше не хотела ему помогать. Она хотела сбежать, но было очевидно, что Варт сильнее, что Варт не выпустит ее руки.

Юлгу учили драться — но не всерьез, она никогда этим особенно не увлекалась. Варт был крупнее, сильнее и на два курса старше.

— Я... Я, Юлга Наль из рода Наль, дочь Селии Наль, клянусь, что прежде чем перееду из этого дома, уведомя об этом мужчину рода Хин, сына...

— Достаточно просто имени, Панда. Не пытайся играть с формулировкой, пожалуйста. Ярт тебе помогать не будет.

Это тоже было сказано спокойно, даже мягко. Юлга поежилась, как от холода. Вздернула подбородок, встретила Вартов взгляд.

— Я скажу об этом тебе, Варт.

Шесть секунд казались вечностью. Потом он выпустил ее пальцы.

— Я принимаю слово.

Это он сказал, уже отступая, он собрался было исчезнуть где-то в глубине дома.

— Эй, а чемодан? — Ужасаясь собственной наглости, спросила Юлга.

— Ну, ты же сказала, что сама справишься. — Все так же спокойно ответил Варт. — А чемодана в клятве не было.

Даже не обернулся, гад.

Юлга пришла к десяти, и это было неправильным решением. Надо было встать пораньше. Очередь была просто огромна. Она закрывала сложенным в несколько раз хвостом целую площадь перед университетом. Было жарко, было пыльно, было громко, было нечем дышать. С час Юлга почитала принесенную с собой книжку, продвинулась на каких-то пару-тройку-четверку метров, а потом не выдержала и достала телефон.

С утра Варт выдал ей свой номер с коротким: «звони, если вдруг что-то понадобится». Позвонить ему — значило признать свою беспомощность, значило опять ему задолжать. Юлга не хотела ему звонить, вовсе не хотела.

Она просто открыла телефонную книгу и стала гипнотизировать номер взглядом. Нет, она не будет звонить, нет, она не будет звонить...

— О, парень? — Спросила какая-то рыжая девчонка, которые последние полчаса с любопытством косила в Юлгину книгу.

Она Юлгу раздражала не меньше, чем вся остальная толпа вместе взятая, потому что Юлга ненавидела, когда ей через плечо кто-то косил. Хотя книга была толстая, основательная, классическая «Ода Добродетели» А. Кзановы и вообще первая, которая попалась Юлге под руку, когда она сегодня с утра собиралась, так что ничего такого девчонка о Юлге подумать не могла. И никакой личной информации о Юлге узнать. Да и вообще, книга была наискучнейшая и Юлге не нравилась. И все равно раздражало, что ее книгу так бесцеремонно и без спросу читают.

А теперь еще и в экран телефона смотрит, не стесняясь в этом признаться.

И Юлга ответила резко:

— Нет.

Девчонка не смутилась, смотрела себе хитро сквозь апельсиновую челку. Огневичка, точно огневичка. Все огневики границ не чувствуют.

— Брат? Просто я не знаю, кто еще может быть подписан как «тот козел, из-за которого я попала». А не длинновато? Наверное, когда он звонит, надпись на весь экран.

— Тот козел, из-за которого я попала — кто же еще? И он мне не звонит. — Огрызнулась Юлга.

— Да ла-а-адно тебе! Не злись. — Воскликнула девчонка, — Я — Майя, а тебя как зовут?

— Юлга.

Она оглядела Майю с головы до ног. Короткие шорты, футболка — голые локти и колени, девчонка будто приехала с далекого юга, где многослойность северных одежд не в почете. Или в Тъене все так ходят? Или только огневики? На ногах у Майи были раздолбанные в хлам сандалии. Юлга перевела взгляд выше: стриженные под мальчика невообразимо-кислотно оранжевые волосы снова бросились в глаза, Юлга с трудом отвела от них взгляд. Круглое веснушчатое лицо, раскосые карие глаза с хитринкой, большой, как у лягушки, рот, уши лопухами, нос лопатой, даже не лопатой — лопатицей, почти полное отсутствие косметики, узкий ворот зеленой футболки, плотно охватывающий шею, и как она только не задыхается... на вид деревенская простушка, даже большая провинциалка, чем Юлга. Но что-то подсказывало Юлге, что за руки с этой девчонкой лучше не держаться, если не хочешь увидеть... лишнее.

— А почему ты решила поступать сюда? Я вот всегда хотела ловить преступников!

Знаешь, как в сериалах — погони, перестрелки, ну, и все такое.

Юлге захотелось куда-нибудь сбежать. Подальше от невозможно жизнерадостной Майи с ее тоненьким голосочком, от которого болели уши. Подальше от ее интереса, от ее вопросов.

— Я никогда сюда не хотела. — Сказала она, — Меня этот козел подписал. А сейчас я ему позвоню.

Юлга, не раздумывая, нажала на кнопку вызова.

— Ало? Варт? Спаси меня, пожалуйста, из очереди, тут жарко-о-о... — Протянула она, надув губы для пущей убедительности. — А? Что? — Юлга моментально сменила тон на серьезный. — Слушай, никто тебя подавать за меня заявку не просил, так что то, что я тут медленно поджариваюсь — твоя вина.

Из трубки слышалось дежурное «прости» и Юлге захотелось Варта придушить. Она прямо представила, как ломается его шея под ее пальцами, но, увы, это было слишком трудновыполнимо. И за такое сажали в тюрьму, а сидеть за решеткой из-за Варта... Ну нет, не дождется.

— Ладно. — Сказала она, тяжело вздохнув. — Но имей в виду, что если я свалюсь тут от теплового удара, никуда я не поступлю и поеду домой.

— Она уже падает. — Доверительно шепнула Майя в трубку прежде, чем Юлга успела ее положить.

— Слушай, тебя вообще элементарной вежливости учили? — Вспыхнула Юлга. — Какого ты встречаешь в чужой разговор?

— Так я помочь хотела! — Невинно воскликнула Майя. — У меня основной дар — дар огня, но побочка вылезла в пси-области, дар убеждения!

Юлга удивилась.

— Кто тебя учил первому встречному свои дары выкладывать?

— А ты не первая встречающая, ты моя подруга! — Уверенно ответила Майя. — Потому что я так хочу. Так-то!

И Майя заплясала на месте, как будто просто не могла стоять спокойно, подвижная, как язычок пламени. Несмотря на жуткую жару кругом и врезавшийся в шею ворот футболки.

Юлга задумалась: определенно, в последнее время она притягивала к себе слишком много гиков. Сложно было сказать, хорошо это или плохо. Жить стало интереснее — это точно.

Пример Майи оказался заразителен, Юлга переступила босыми ногами по горячей земле: с утра не надела обуви, думала, что родная стихия под ногами придаст уверенности, а теперь раскаивалась в своем решении.

Утешало только то, что она не одна такая.

Юлга поймала себя на том, что начала выбивать пятками простенький танец стихии, родом из детсадовских времен. Темп задавали деревянные подошвы Майиных сандалий.

Огонь и земля — далеко не полный круг, но не прошло и трех минут, как синекосая соседка сзади и блондинка откуда-то из глубин очереди присоединились к танцу.

Юлга отлично понимала, что если бы Майе вдруг не захотелось танцевать в полном кругу, этот танец не состоялся бы, но так же чувствовала, что вольна выйти из круга в любой момент, а потому не выходила. Это было удивительно весело, выплясывать с полужнаемыми девчонками танец прохлады.

Ни о чем не думать, ни о чем не печалиться, не анализировать — просто танцевать.

Купол раскрывался, как невидимый цветок, очередь окружила танцующих, стремясь получить лепестки свежего влажного воздуха и прохладной земли: Юлга никогда раньше так полно не чувствовала свою стихию, разве что в далеком-далеком детстве. Пожалуй, Майя не такая уж плохая, а что эксцентричная, так это все огневики такие...

Кто бы мог подумать, что соберется полный круг?

Что Юлга окажется в полном кругу?

Варт смотрел на трубку как на личного врага. После шепотка в конце так и представлялась Юлга, падающая в пыль, суесящиеся медики и прочее, прочее. От шепотка так и разило пси-воздействием, но, все же...

Но он же говорил ей, чтобы она вышла пораньше. Предупреждал, что очередь будет. Она только отмахнулась и перевернулась на другой бок.

А еще он обещал, что проведет окольными путями, если она попросит, и она попросила. Если учесть, что она вчера не него как обиделась, так и до сих пор он ее обиду по телефону чувствует, то это ей нелегко далось.

И тут Варт почувствовал нечто... не то, неправильное, то, что не мог идентифицировать, то, что сам никогда не чувствовал — Юлгино.

— Слушай, Хако, посиди тут, а?

— Что, достала тебя твоя девчонка? — Понимающе спросил Хако, дернув острым ухом.

От него пахло насмешкой: несомненно, он слышал весь телефонный разговор, он вообще все всегда слышал.

— Что-то навроде того. Племяшка поступает. — Неловко соврал Варт.

— Ну, раз племяшка... как я могу тебя подвести? — Улыбнулся Хако. — иди уж... Дядюшка.

Не поверил.

Ну и Окос с ним.

Так Варт оказался на площади перед институтом, когда танец был уже в самом разгаре. Отчаянно ныла переносица, еще немного, и капли крови окрасят пыль под ногами.

Слишком сильные эмоции вокруг: восхищение и радость толпы, Юлгина увлеченность и настоящий пожар энтузиазма из непонятного и незнакомого источника. Варту бы сбежать, закрыться, но слишком любопытно.

Варт с трудом пробился в первые ряды.

Девчонки танцевали самозабвенно. У Варта уже давно не было проблем с нормальным человеческим зрением, но сейчас ему приходилось порядком напрягаться, чтобы не сбиться на эмоциональные образы.

Они танцевали, как настоящий стихийный круг — они и были Кругом. Варту говорили, что нет ничего прекраснее танца инициации, и теперь он знал: не врал.

Рыжая, наверное, огневичка, похожая на уроженку Ялена, громко щелкала по земле деревянными сандалиями, отбивая такт. Земля под ее ногами дымилась, рассыпаясь искрами после каждого притопа. Звенела многочисленными браслетами водяница, плясавшая с ней в паре. Волосы синей волной разлетались за ее плечами, разлетались с каждым позвизгиванием льдинки-капельки и шипели, соприкасаясь с землей. «От противного работают, по наитию, хороши!» — Сказал кто-то за Вартовым плечом.

Юлга плясала с блондинкой: они были как черное и белое, как магнитные полюса. У Юлги глаза светло-серые, волосы темно-русые, почти черные, блондинка черноглазая, как

жук. Юлга замотана в тряпки с ног до головы: многочисленные юбки, многослойные широкие рукава задрались до локтей, белые ажурные перчатки — не зря Варт их сегодня вернул обратно на стол — выделяются на смуглой коже. Блондинка — в чем-то ажурном, как те перчатки, газовом, воздушном, почти незаметном, белокожая, как приведение.

Босые ноги Юлги поднимают пыль — тонкие пальцы рук блондинки разрывают и ткнут что-то из воздуха.

Они повторяли движения друг друга, усиливая чужую магию, резонируя в собственной противоположности. Четыре девушки — как одно целое.

Где-то за спиной послышался коллективный вздох, толпа разделилась надвое: кто-то еще начал свой круг.

Юлгин круг был первым — но не единственным.

Этот феномен назывался «круги по жару». Так всегда бывало: кто-то из поступающих, доведенных специально наколдованными для этих целей жарой и духотой до грани безумия, собирал свой круг и начинал плясать прохладу. Иногда такое случалось раз за неделю поступления, иногда три, но редко когда больше четырех.

После первого круга круги складывались лавинообразно. Потока стихийников всегда было два: один разбитый на группы по кругам, а другой с теми, кто еще свой круг не нашел, или был слишком силен для круга.

Правда, Варт думал, что Юлга врала про то, что ее дар — слабая земля. Ярл был уверен, что у нее какой-то пси-дар. Хотя... одно другому не мешает.

Варт невольно залюбовался синхронностью единого организма, этого сгустка магии, танцующего в четырех телах. Он с трудом, но все-таки смог различить на фоне эмоций толпы и их собственного чистого экстаза инициации медленно накапливающуюся усталость, и когда Юлга начала падать без сил, успел ее подхватить.

Все-таки обошлось без пыли и медиков.

Остальных осторожно подхватили другие, по заведенному порядку потащили в медзалу. Эти четверо точно поступили, так же, как поступили и остальные стихийники, чья пляска еще не закончилась.

Юлга моментально уснула у него на руках, даже не успев узнать его, возмутиться и попытаться отстраниться, испугаться: Варт чувствовал ее эмоциональное истощение.

Он замешкался. Задрал лицо вверх, чтобы не заляпать Юлгу кровью и удивился, когда понял, что в этом нет нужды. Странно. Когда она танцевала, через нее шел слишком большой поток эмоций, и Варту тоже изрядно досталось.

Сверху упала капля... одна, вторая.

Пошел дождь.

Итак, она проходила собеседование.

Юлга проходила собеседование в ВГТУ, за окном был такой ливень, что, казалось, это Дехх, Верховный Бог, решил повторить на бис свою выходку с потопом.

На самом деле в этом ливне была косвенно виновата Юлга, и вбухала она в этот ливень столько сил, что руку проводящему собеседование преподавателю пожимала без всякой опаски. Ни на какое пси-воздействие ее бы сейчас не хватило.

Она определенно слишком увлеклась и не очень понимала, почему.

От родной стихии ее тоже оторвали, комната для собеседований была на втором этаже. Нес ее сюда Варт, усаживал на стул поудобнее ее тоже Варт, и Окос ее побери, если Варт не

шепнул ей на ухо, что теперь ее точно, гарантировано, примут именно сюда и никогда уже не отпустят!

Нет, обычно катание на ручках у сильных и красивых парней вовсе не вызывало у Юлги отрицательных эмоций. Несмотря на то, что Варт ее пугал, он все еще ей нравился, и дело было не в его способностях, клятва тому порукой. В общем-то, не будь она по колено в пыли, не гуди у нее ноги, будь у нее хоть капля магических сил, она бы расслабилась и получала удовольствие.

Но она была в Ведомственном институте.

Совершенно беспомощная. С Кругом разъединили, они даже не успели познакомиться, и отсутствие остальных саднило где-то на границе сознания.

Отвечала на какие-то на редкость дурацкие вопросы.

— Как вас зовут?

— Юлга Наль.

— Род?

— Наль.

— Отец?

— Не знаю.

— Мать?

— Селия «Костяная рука» Наль.

— Родовая магия?

И тут Юлга подумала — а что терять? Она и так в составе круга, ее и так не выпустят, ей и так придется работать здесь. А вдруг ее научат с даром обращаться? Маму научили.

— Одиннадцать поколений магии Земли, женская линия, последний замер — пятый разряд с перспективой перехода на четвертый...

Ну да, не самые лучшие результаты, если разрядов всего-то пять, плюс внекатегориальный. Но для круга самое оно, сильные стихийники от второго и выше просто не могут стать членами круга, человеческое тело не выдерживает таких потоков чистой стихийной энергии.

Юлга замешкалась, собираясь с духом.

— Третье поколение пси-дара, женская линия...

Преподаватель подобрался, как тигр перед прыжком.

— Что за дар?

— Э-э-э... Я не знаю, в курсе ли ваше отделение, я из Хаша... — Смешалась Юлга грубо нарушая протокол.

Единственное, что ее успокаивало — это то, что абитуриентка и не должна знать протокол.

— Говорите.

— Ну... Это... Воспоминания читаю. Сильно эмоционально окрашенные.

— Как классифицировали мать? — Спросил преподаватель терпеливо.

Неужели он не знает? Как так? Юлга почувствовала себя чуть ли не обиженной, как же, она столько скрывала, а он и правда не знает, зачем отправлять на беседу неосведомленного человека... Ну да, и на мамино прозвище не отреагировал... Ну да, это в Хаше ее все знают...

— Ну-у-у... Памятник. По аналогии с предметником. Только... — Юлга понизила тон, — Кажется, как третье поколение, я получила еще и предметно-ориентированный пси-

дар...

— То есть вы предметник?

— Получается... да... Только могу работать с людьми. — Растерянно сказала Юлга.

Как предметника она себя еще не рассматривала. Такой дар был обычным, не то чтобы частым, но людей, которые могли читать прошлое предмета, в Ведомстве было много.

Она отвела глаза и стала рассматривать стены. Стены были грязно-зеленого цвета. А стол был дубовый, Юлга даже поковыряла его ногтем, чтобы определить. На столе были огромные кипы бумаг — анкеты поступающих, и чернильница. Огромная чернильница с зелеными чернилами. Преподаватель делал в блокноте какие-то заметки и сажал кляксы с непривычки. Боги, да него все пальцы зеленые! Новичок! Ну да, писать заговоренными от подмены данных перьями надо уметь, а как наложить заклинания на ручки и пасту в них еще не придумали. Приходится по старинке, перьями.

Преподаватель откашлялся.

— Ладно. Специалисты определяют точнее. Возраст?

— Семнадцать. Четырнадцатое десятого.

— Какое поколение в Ведомстве?

— Третье. Хотите, за вас бумаги заполню?

Преподаватель смешно сдвинул брови.

— Не по протоколу.

Юлга пожала плечами.

— Ладно...

— Табачная, алкогольная, наркотическая зависимость?

— Нет, и не состояла. Допишите еще, что не привлекалась. Зельями не злоупотребляю, в ВГТУ поступила, потому что не поступила в ТГУ, хотя это можете не записывать напишите про то, что я хочу продолжить семейную династию...

Юлга осеклась, обнаружив, что уже откровенно хамит.

Она слишком устала, чтобы здесь сидеть, это вообще, законно, заставлять людей отвечать на вопросы интервью сразу после круговой инициации?

— Давайте я просто заполню ту же анкету, что и люди в очереди? — Попросила она. — Я очень устала, правда. Это будет быстрее.

Преподаватель покачал головой.

— Братья, сестры?

— Нет.

— Близкие родственники?

— Тетя Ато... Простите. Сейчас, попробую вспомнить полное имя...

В голове была пустота. Вакуум. Хорошо, что ее здесь не экзаменуют... Окос, она же не помнит, как зовут тетю Ато на самом деле... Кажется, фамилия у нее Тато... Поэтому Юлга и звала ее все время Тетей Ато, ей в детстве показалось, что первая Т — это от слова Тетя. Так и повелось.

— Эм... Тато.

— имя?

— Род.

— Скажите имя.

— Я не помню. — Юлга была готова провалиться под стол от стыда. — Хоть убейте... такая пустота в голове... Она фольклористка, я не уверена... Подождите, наверное, она мне

все-таки не близкий родственник, двоюродная тетя — это же не близкий?

— Нет, можете не вспоминать. Не могли бы вы перечислить обладательниц вашего психидара по женской линии?

— Юлга Наль, Селия Наль, Ирна Наль. Я, мама, бабушка.

— Что, ни одного мужчины?

— У женщин нашей семьи не складывается с мужчинами.

Вот так. И пусть думает, что хочет.

— Хм, хорошо. Муж, дети?

— Нет.

— В столице впервые? Где остановились на время поступления?

— У... знакомых.

— Языки в школе изучали?..

Из кабинета Юлга вышла выжатая, как лимон. Вроде бы ничего особенного у нее не спрашивали, не выпытывали никаких тайн, задавали только формальные, стандартные вопросы. Но, тем не менее, Юлга очень-очень устала.

Поэтому то, что Варт сидел с многострадальным томиком А. Кзановы в руках у двери и ждал ее, не вызвало в ней какого-то внутреннего протеста, раздражения, эмоционального отклика — только облегчение, что домой одной тащиться не придется.

Она оперлась на Вартову руку — кожа к коже, радуясь, что вымотана до совершенно безобидного состояния и может хоть немного походить без перчаток. Варт просто довел ее до выхода из института. Охранник на проходной Варту совершенно неприлично подмигнул, на что тот оскалился.

Это должно было быть улыбкой, и, глядя на этот оскал, Юлга почему-то совершенно ясно поняла, что Варт тоже очень устал, что он пропустил через себя целый поток абитуриентов, и каждый из этих абитуриентов что-то чувствовал и о чем-то волновался.

И что это Варт поймал ее там, сразу после танца.

Зачем эмпат вообще полез в приемку?

Он больше не казался страшным. Да, он преследовал какие-то свои цели, но, в конце концов, он же не сделал ничего плохого? Может и правда стоит ему помочь, он ведь ей помог.

Когда она просто вошла в его дом вместе с матерью, он ведь помог ей просто так, еще не успев сделать своих странных умозаключений?

Варт, как оказалось, позвонил Ярту, и тот заехал в ВГТУ по пути из своего ГММНУТ на раздолбанной машине, которую ему подарил какой-то благодарный пациент. Конечно, Ярт ворчал, но как-то мирно, без обычной своей желчной злобы. Варт усадил Юлгу на заднее сиденье, сам сел вперед, и они поехали...

Юлга уже засыпала, когда поймала себя на этой мысли, и у нее не было сил, чтобы встревожиться.

Они поехали домой.

...итак, студиозусы! Боги-покровители магов с даром земли, быстро... э-э-э...

Вопрос был элементарный, да и легенду она знала, но на семинарах у Тянно лучше было не высываться, потому она чуть ли не обняла батарею в порыве слиться со стеной. К счастью, в этот раз получилось. Тянно указала крючковатым пальцем на ее соседку.

— Валь! Будьте так добры.

— Окос и Живица! — Бодро отрапортовала Эллрочка Валь. — Боги так же имеют отношения к культу жизни и смерти и...

— Что? — Скрипнула преподавательница, — имеют отношение? Это основные боги Смерти и Жизни, их аналоги есть почти во всех культурах мира. Вы не пробовали читать учебник? Или вас только ваши ногти интересуют?

Эллрочка быстро-быстро растерянно заморгала. Гнев Тянно мог выдержать не каждый, но Эллрочка практиковалась чаще остальных и выработала действенную методику.

Она молчала и хлопала глазами.

Это было все, что можно было предпринять в данной ситуации. Тянно была абсолютно непредсказуема, понять, что творится у нее в голове, не мог никто. Можно было вызубрить учебник и все пять томов методических рекомендаций к нему и получить неуд: Тянно требовала понимания. Так-то оно неплохо, но не когда предмет называется «введение в религиоведение и фольклористику».

Взметнулась вверх худая девичья рука.

— Но в учебнике... так и написано!

Это Ланка, местная самоубийца и блюстительница справедливости. Вечно ей нейдет, вечно нарываясь на проблемы. Лучше бы у Эллры училась.

— Значит, дурацкий учебник. — Неожиданно мирно откликнулась Тянно. — Садитесь, Валь.

Эллрочка села. Чтобы Эллрочку подбодрить, пришлось ткнуть ее локтем в бок и ободряюще улыбнуться. Сработало, та улыбнулась в ответ.

— Хин-Хин, а вам что, нейдет? Ответьте вы. — Тут же сменила тональность Тянно.

Она встала и выпалила, не задумываясь, что именно, чтобы не сбиться:

— В Тъене как бог земли почитается Дарфл, Большой Гном...

— Да боги с Дарфлом! Скучный парень! — Отмахнулась Тянно. — Давайте сказку про Окоса и Живицу. И садитесь, как стоя вообще можно творить фольклор, не понимаю.

Это было настолько Тянно не свойственно, что сбивало с толку. Сказка застряла где-то в сердце и отказалась выходить в большой и опасный мир. Было не то место, не то время и не те люди. Сев, она выиграла себе несколько секунд, но это не помогло.

Она честно попыталась вытолкнуть из себя слова, но получилось только не слишком связанные предложения из учебника по философии.

— Э-э-э... Сказка об Окосе и Живице — это сказка, отражающая дуализм живой природы. Что бы что-то могло жить, что-то должно умереть, от того Окос и Живица изображаются как божественные муж и жена, в других легендах как брат и сестра... и... — Тянно смотрела на нее задумчиво, как на букашку, которую хорошо бы изучить под огромным микроскопом.

Она смешалась и затихла.

— Ну что же вы? И потому идут рука об руку. Что вас так смутило? Инцест в божественных семьях далеко не редкость... Ладно, поставлю вам одиннадцать, Дарфла сегодня у меня еще никто не вспоминал. После семинара подойдете.

Потом семинар кончился, и Эллрочка убежала вместе с остальными: был обед, а в столовке ее ждал ее парень. Он учился на другом факультете, на курс старше, и у него были какие-то проблемы, из-за которых у них с Эллрочкой почти не оставалось времени на свидания. Попроси она только, и Эллрочка подождала бы за дверью... С сожалением пришлось отрицательно покачать головой в ответ на ее немой вопрос, сама справлюсь, мол.

На прощание Эллрочка прищурила глаза и искривила рот, передразнивая Тянно. Это, как ни странно, помогло. К Тянно она подошла уже без дрожи в коленях.

— Скажите, почему вы выбрали именно этот факультет? — Спросила Тянно, стоило только присесть.

— Э-э-э... Н-ну я... У меня слабый дар земли и... Н-ну, я думала, что так смогу себя обеспечить...

— Вы же родились в Тьене, Яльса. — Эта неожиданная фамильярность сбила с толку окончательно, и Яльса заморгала быстро-быстро, совсем как Эллрочка недавно.

— Д-да...

— Так что вы собираетесь делать с Тьене с дипломом почвоведом? — Полюбопытствовала Тянно. — Замуж вот вышли... Распределят вас в какой-нибудь Орехен, и что? Возьмете троих-четверых спиногрызов, сколько вы там к тому времени нарожаете, и поедете, одна?

В голосе Тянно было искреннее сочувствие ее нелегкой судьбе и такая уверенность в том, что так и будет... и это возмутило. Возражение вырвалось почти невольно.

— Почему одна?!

— А что, ваш муж оставит обучение и поедет с вами? Да вы сами не согласитесь, ни за что! Вы слишком бесхребетны, чтобы сломать ему жизнь. Обидно? Можете кивнуть, если обиделись, я никому не скажу, Яльса.

Она даже и не подумала кивнуть, хотя это и было обидно. Замерла, как мышка перед удавом. Почему Тянно вдруг завела этот разговор? Откуда она столько знает?

Откуда она знает про то, в чем сама Яльса себе не признается, о тех мыслях, которые так отчаянно гонит? Фольклористика это же просто... сказочки! Это даже не магия!

Следующая мысль отрезвляла своей логичностью. Конечно же, Тянно просто заглянула в ее личное дело, а уж девиц, недавно вышедших замуж, на своем долгом веку перевидала немало. Естественно они все между собой чем-то схожи.

— Да, похоже, я прошу слишком многого... Яльса, вы никогда не задумывались, чего стоите сами по себе? Без опекающей вас родни... Сами? Вы поступили в какой-то институт и вы неплохо учитесь, но такими темпами вы сами себя похороните, в Орехене, Тьмаверсте, в Хаше, в Альнеге, где-нибудь там, далеко, на границе, среди овсяных полей, со спиногрызами на плечах — хорошо, если со своими... Вы же знаете, что я веду курс религиоведения не только здесь?..

В аудитории воцарилась тишина. Тянно осторожно тронула ее за плечо.

— Я завуч кафедры фольклористики в ТГРУ, я похлопочу, чтобы вас перевели, даже без потери курса — если вы осенью сдадите недостающие зачеты. У вас талант, Яльса.

— Но...

Тянно вслушалась в это «но», однако продолжение так и не последовало. Тянно

поторопила:

— Но?..

— Откуда вы знаете? Что я... Умею?

— Я давно за вами наблюдаю, уж поверьте моему опыту. Даже если взять сегодняшний день. Вы помните Дарфла, и вы очень старались не поморщиться, когда ваша подруга обозвала Живицу богиней земли. Различить богиню плодородия и богиню земли может не каждая, как и объяснить разницу. И вы не рассказали сказку, хотя вас об этом просили.

— Вот именно! — Горячо воскликнула она и тут же, испугавшись, снизила тон до полусшепота, — Просили... же...

— Для каждой сказки есть место и время. И умение не рассказать ее не вовремя — гораздо более ценное, чем умение просто травануть байку из учебника. Боги, да я же не вынуждаю вас бежать под мое крыло прямо сейчас! Просто имейте в виду, что у вас есть такая возможность. Обещайте об этом подумать. Договорились?

Яльса глубоко вздохнула и ухитрилась выговорить без заикания:

— Договорились. Я подумаю.

Последние слова Юлга с трудом выцепила уже на границе яви и сна. Она открыла глаза и уставилась в потолок, пытаясь переварить полученную информацию.

На первый план неизменно вырывалась Тянно. Такая полная пожилая женщина с вроде бы добродушным на первый взгляд лицом... За этим глуповатым лицом, большим мягким ртом и обвислыми щеками, крашеными в не слишком естественный оранжевый цвет волосами, за этим ярким макияжем отчаянно молодящейся женщины за шестьдесят, как нож в масле, скрывался острый и гибкий ум. Однако Юлга не сказала бы, что Тянно желала Яльсе зла. Впечатление о разговоре как о поворотном в судьбе было, а вот чувства надвигающейся беды — нет.

В этом специфика воспоминаний: они всегда эмоционально окрашены, всегда чуть искажены последующей жизнью. Опытная владелица дара, несомненно, выудила бы из этого сна гораздо больше, чем Юлга. А у Юлги в голове крутилась Тянно и только Тянно.

Где-то она про нее слышала. Наверное, тетя Ато что-то говорила? Она же тоже фольклорист, преподает в ХГРУ, ничего удивительного, если они как-то пересеклись...

Юлга заставила себя сесть за стол, хотя больше всего хотелось перевернуться на другой бок и досыпать, достала из чемодана блокнот и стала аккуратно конспектировать сон, стараясь ни о чем не думать. Воспоминания, приходящие во сне, забывались так же быстро, как и обычный сон, так что это было одно из основных правил: сначала запиши все, что помнишь, потом думай. Не стоит примешивать к чужой эмоциональной окраске свою собственную, потом не разберешь, что где и кто наляпал.

Она едва успела дописать, как в комнату постучались. Юлга поспешно закрыла блокнот на замок, а ключ сунула в карман.

— Да-да?

Варт сунул в комнату кончик носа, увидел, что Юлга в пижаме и сунулся уже весь.

— Завтракать будешь?

А сам так и косился на розовый Юлгин блокнот из серии «девичий дневничок». Юлга поспешно сунула его в чемодан. Вряд ли Варт в туда полезет, а если полезет, то без ключа все равно не откроет. Это на обычных блокнотах чары хилые, а этот ей подарила Селия. У нее самой такой был, как раз для записей странных снов.

— Опять сосиски? — Фыркнула Юлга, чтобы как-то Варта отвлечь.

Тот, конечно, оскорбился.

— Мама в больнице, если тебя что-то не устраивает...

— Без проблем.

Через полчаса, умывшись и переодевшись, наспех замотав мокрые волосы в гульку, Юлга двинулась на кухню.

Она не имела ничего против сосисок на завтрак, но вчера, например, они были подгорелые. Как так получилось, если Варт их варил, Юлга не спрашивала, но подозревала, что Варт просто про них забыл. После божественно-идеального ужина от Ярта возвращаться к сосискам не хотелось.

Впрочем, к божественно-идеальному ужину возвращаться не хотелось тоже. Ярт придерживался дальской кухни: пища была очень красивая, очень полезная, но совершенно безвкусная, как идеально сложенное оригами.

А еще Юлга видела, как Ярт обращается с кухонным ножом, и идея держать некроманта рядом с кухней показалась ей несколько сомнительной. Он всего лишь фаршировал баклажаны, а Юлге в голову упорно лезла прозекторская из сериалов. К баклажанам она и не притронулась, обошлась супом и бутербродом.

Привычка обходиться бутербродом у Юлги была от матери — Селия вечно куда-то неслась, куда-то спешила, вечно перехватывала куски на лету. Готовить Юлгу учила тетя Ато, которой Селия обычно скидывала дочь на попечение, упархивая на очередную ведомственную командировку.

Единственное, чему Юлга так и не научилась — напевать песенки для того, чтобы отсчитывать время, как это любила делать тетя. У тети был красивый голос, она рассказывала, что в юности даже пела в какой-то группе, и неограниченный запас всяческих народных детских песенок в репертуаре. Фольклористка, что сказать?

Юлга своего голоса отчаянно стеснялась и никогда не пела на публике, так что время засекала банально и просто — по часам на мультиварке.

Она сварила простую рисовую кашу на молоке, потому что заморачиваться с чем-то более сложным не очень-то хотелось. Да и продуктов тоже было не слишком много, яйца, например, совсем кончились, а то бы Юлга сделала яичницу. В одной из кастрюль Юлга заметила характерные черные пятна и заподозрила, что Варт когда-то пытался варить и их, не слишком успешно.

— Варт! — Позвала она, выглянув в гостиную.

— Здесь?

До этого он пытался заниматься. Наверное. Если он придерживался теории, что когда дрыхнешь рядом с учебником, содержимое перетекает в голову, то занятия точно были в самом разгаре.

— А тебе сегодня в приемку не надо?

— Хочешь сплавить подальше, Панда? Кончилась приемка, теперь распределять будут, не до студентоты.

— Нет, думала, обойдешься ты пустым рисом или еще чего-нибудь сделать. — Фыркнула Юлга.

— О, бедный голодный студент умирает от голода, потому что он очень голодный и не завтракал! — Варт распластался по дивану, картинно положив ладонь на лоб и полуприкрыв глаза.

Потом резко открыл один и вытянул вперед руки, скрючив пальцы:

— Спасай, пока голод еще не взял меня под контроль!

Юлга невольно улыбнулась. Вообще в ходячих, как и в других творениях сорвавшихся некромантов, злобно скалящихся со страниц жутких сказок, не было ничего смешного. Сложно смеяться над кем-то, кто пожирает людей, даже если у него презабавнейшая походка. Начитавшись про них в детстве, Юлга немало ночей провела, укрывшись одеялом с головой. Но Варт как-то ухитрился делать страшное смешным, даже без этой своей эмпатии.

— Рис готов и его много. Сам положишь, сколько тебе надо. Ярт уехал?

— Не вернулся еще.

— То есть? — Не поняла Юлга, — Он же нас домой вез.

Они уже были на кухне, Юлга споласкивала нож.

— По пути в больницу. У него экзамены на десятый месяц, он там днюет и ночует. И... мама там же.

Это было замечательное утро. За окном ярко светило солнце, щебетали птицы. Где-то далеко перекликались тонкими голосами чьи-то дети, если не вслушиваться, то было в этой перекличке что-то уютное. Ветка яблони скребла по стене дома совсем рядом с окном кухни, и на ней уже были яблоки: еще кислые, конечно, но вполне съедобные. Юлга не удержалась, попробовала, пока готовила.

Было.

Пока Варт не вспомнил про Талину.

Тишина давила, где-то на грани слышимости истошно жужжала муха. Подул ветер и яблоня зашелестела, как Юлге показалось — грозно и неодобрительно. Захотелось съежиться, спрятаться, исчезнуть...

Откуда вообще взялось это ощущение вины?

— Что ты там говорил про некромантскую ауру? — Подозрительно спросила Юлга.

— А?

— Зеленый бегемот.

Да, идея была глупая и неуклюжая, но почему бы не попробовать? Варт отреагировал просто идеально, именно так, как от него и ожидалось. Он заинтересовался.

— Что?!

— Знаешь считалочку? Два-четыре-три-пятнадцать...

— Панда, ты чего?

Юлга подняла указательный палец вверх.

— Тс-с-с!

И прислушалась. Муха заткнулась, а в шелесте яблони больше ничего не слышалось, кроме, собственно, шелеста.

— Когда я ем — я глух и нем! — Выдала она нравоучительное и вышла из кухни.

Главное было, чтобы он не вспомнил, о чем был разговор. Наверное, стоит Варта отвлечь... но как? Да если он догадается, что она его отвлекает, то... то что? Юлга не знала, как он отреагирует.

Юлга вообще Варта не знала. То есть знала, но всего три дня — это если сложить огрызки-хвостики сегодняшнего утра и ее первого вечера здесь.

На самом деле разумнее всего, а Юлга всегда предпочитала поступать разумно, было бы просто уйти смотреть Тьен, а Варта оставить здесь наедине с учебником права. У них с учебником есть, о чем пообщаться. Но Селия невольно передала Юлге главный страх

человека ведомства: создать проблемы собственными руками, просто недоглядев.

Юлга отлично понимала, что Варт не самый адекватный представитель человечества. Да боги, разве чистый эмпат вообще может быть адекватом? Они, как правило, погибают еще в детстве или в юности, попав под чужой поток суицидальных настроений, будучи не в состоянии отделить их от своих — это в лучшем случае. А от Варта так и тянет виной. Как там Ярт говорил? Юлга вспомнила, как искривились его губы: «А ты думала, тут только я срываюсь?»

А с другой стороны, разве она не от этого бежала? Не от дурной привычки Селии брать ответственность за чужие жизни, полностью забывая про свою?

Но...

Ей же не удалось убежать. Документы лежат в ВГТУ, и сейчас решается вопрос на какой факультет их круг распределят. А если учесть, что в ВГТУ очень ценится преемственность поколений...

Из кухни снова повеяло виной и Юлга решила: да к черту все, разве она не может просто помочь другу? Это же ничего ей не будет стоить. Наоборот, она даже развлечется.

Она глубоко вздохнула, растянула губы в улыбке и шагнула на кухню. Протянула как можно жизнерадостнее:

— Ва-а-арт! Варт! Слушай, а пока время есть, Тьен покажешь?

— Угу.

— Ура! — Юлга подпрыгнула, — Пойду, накрашусь!

Варт воззрился на нее с немалым удивлением. Юлга потупилась. Да, сегодня с утра она немножко перестаралась с пудрой, вон, даже Варт заметил.

— Ну, столица же... не могу же я в домашнем? А ты пока посуду помой.

И унеслась наверх как можно быстрее, пока Варт не очухался и не возмутился: посуды скопилась огромная гора, еще с прошлого завтрака.

Вдохновленная, она управилась всего за пятнадцать минут, а потом просто сидела на диване, читала Вартов учебник по праву и делала там пометки карандашиком. Все равно же когда-нибудь учить придется. Юлга так увлеклась, что голос Варта застал ее врасплох.

— Я с тобой в таком виде никуда не пойду.

Варт скрестил руки на груди и задрал подбородок повыше: воплощение непоколебимости. Статуя. Камень. Кремень.

Юлга осмотрела свою вполне приличную юбку до щиколотки — Майя вчера была в шортах, значит в Тьене ходят в юбках и покороче. Коснулась длинного рукава, подтянула перчатки.

Может, в Тьене не ходят босыми?

— Ну... Если нужно, я за туфлями схожу, но когда я ногами чувствую землю мне... ну, не знаю... комфортнее как-то? — Робко предложила она.

Юлга как-то уже и забыла, что вся эта кутерьма с осмотром достопримечательностей затевалась, чтобы отвлечь Варта. Теперь ей самой было интересно, и она ждала прогулки с нетерпением. Как будто вернулось чувство, с которым Юлга ехала на поезде через пригороды Тьена.

Тогда она с восхищением рассматривала расписанные баллончиками бетонные заборы, которые нескончаемой пестрой лентой тянулись вдоль железной дороги: некоторые рисунки и надписи были неприличные, некоторые глупые, были корявые и сделанные тяп-ляп, но были вещи абсолютно восхитительные. Рисунки наслаивались на надписи, надписи на

рисунки, и не было ни единого серого зазора, а поезд ехал слишком быстро, чтобы можно было разглядеть хорошенько хоть что-нибудь... Однако все вместе это складывалось в единую картину, нескончаемую, яркую, почти живую, и Юлга была совершенно очарована этим зрелищем.

А потом удобные гладкие заборы кончились, пошли заборы другой формы, квадратно-ребристые, на которых лента попыталась было перекинуться, но, увы, безуспешно. Изредка там появлялись обрывки рисунков, клочки каких-то букв — но это было скорее случайным исключением, и ничего действительно красивого Юлга не заметила, так что на вокзал она приехала уже разочарованной Тьеном и жизнью.

— Да босые ноги — это единственное, что уместно на сорокоградусной жаре! Если ты их не обожжешь, конечно, но тут только твоему дару довериться. — Вздохнул Варт и продолжил уже мягче. — Не то чтобы кто-то действительно настаивал, но, может, все-таки что-нибудь полегче? Не такое... многослойное?

Юлга пожала плечами и снова уткнулась в учебник.

— Либо так, либо никак. Мне нормально.

— Ты уверена, что твое лицо не расплавится и не потечет как воск?

— Я не поняла: почему ты так рвешься меня раздеть? — Юлга сказала это тихо, но так, чтобы Варт услышал.

Варт услышал и тут же возмутился.

— Да потому что если ты сляжешь с тепловым ударом, это будет уже третий раз, когда ты будешь валяться здесь больная. А Ярт обещал, что на третий раз откусит младшему брату голову.

Юлга удивилась.

— А почему тебе-то?

— Больным он их не откусывает. Клятву давал. — Нахмурился Варт. — Так, не забалтывай! Иди и переодейся...

— ...в розовое! — Лягнула Юлга.

— ...в что-нибудь полег... почему розовое?

— Потому что в Хаше, да будет тебе известно, ходят именно так, и ничего другого у меня просто нет! — Безапелляционно заявила Юлга, — и богами клянусь, за наше лето, а в Хаше, для троечников уточняю, летом в среднем на три градуса жарче, чем у вас, я ни разу не падала с тепловым ударом. А вся одежда, которая не моя — одежда Яльсы. И я скорее умру, чем влезу в ее шмотки!

Конечно, с троечниками и градусами она загнула, она понятия не имела какая там в Хаше средняя температура в третьем месяце лета, но надеялась, что прозвучало это убедительно.

Варт присел рядом.

— А можно...

— Нет, спасибо, я сама разберусь со своим раздражением. — Отрезала Юлга.

Они немного посидели. И еще немного. И еще.

— Давай тогда знаешь что? — Наконец несмело предложил Варт.

— Да?

— Давай тогда к ребяткам сходим? Они сейчас играют в ресторане «У реки». Он... ну...

— У реки, я поняла.

— Да, и там неплохой кондиционер. И вид. Это в центре, знаешь, там такой мост...

Варт неопределенно провел руками в воздухе, пытаясь показать, какой именно. Получалось что-то полукруглое и зубчатое. Ступенчатое?

Юлга кивнула и отложила книгу. Мост ее заинтересовал, а остальное... Если Варт ей не верит и ждет, что она упадет в обморок, как кисейная барышня — ну и ладно, не жалко. Успеет еще посмотреть весь Тьен, не с Вартом, так еще с кем-нибудь, ей в Тьене еще учиться и учиться.

— Договорились.

И в этот момент напредила себе Яльсу из сна. Варт дернулся было, и Юлга заставила себя успокоиться.

То, что они используют иногда одни и те же слова ничего не значит.

Совсем ничего.

Ничегошеньки.

Мост Юлке не понравился.

Он был безусловно красив — механической, бездушной красотой. Почти ажурное переплетение железа, кажущаяся хрупкость и подавляющая мощь этой конструкции, тугим поясом схватывающая Акку — речушку, текущую в центре Тьена — все это нависало, давило, душило... К тому же раскалилось и пылало жаром, а зимой, наверное, было холоднее могилы. Юлга отступила на пару шагов.

Она предпочитала камень железу.

Варт нес что-то вдохновенное про неоготику, и про то, что на основе этого моста строили знаменитый мост в Орехене, через могучую Кровь-реку, только в Орехене он еще и разводной, а этот так, макет, тут разве что прогулочные катера плавают...

Однако вдруг перестал говорить, надулся и повел Юлгу в то самое «У реки», в которое обещал. По дороге он молчал, а Юлга размышляла о вреде и пользе эмпатии.

Вот сейчас Варт понял без слов, что его любимый мост Юлке не понравился. Хорошо ли это? Безусловно, Юлга могла провести около этого дурацкого моста еще полчаса своей жизни, и, наверное, это можно было бы назвать впустую проведенным временем, а так Варт ее сам от этого избавил...

Варт обиделся на то, что Юлга не могла контролировать — на эмоцию. Точнее, на отсутствие правильной эмоции, на то, что она не разделила его восхищения.

Как-то неловко получилось.

Чтобы отвлечься, Юлга глядела по сторонам. Они свернули на параллельную реке улицу. Даже не улицу — улочку. Тут были маленькие облупленные домики самых разных форм и расцветок, построенные до того, как ширина улицы стала четко регламентироваться, и пахло рыбой, которую продавали на всех относительно широких участках. Акка была маленькой, но на диво богатой речкой.

Почти все прохожие были зеленоволосы: квартал водников, поклонников Ялы, богини пресной воды. Была парочка «синих» — эти поклонялись Уле, богине воды соленой.

Юлга задумалась, а можно ли назвать Улу и Ялу разными богинями, если они изображаются как двухголовая женщина, а иногда и трехголовая, когда от Ялы отделяется Ола — богиня льда. Она решила обязательно потом спросить у тети Ато.

И тут вспомнила, что так ей и не позвонила. Странно, что тетя до сих пор не забила тревогу или хотя бы не позвонила сама...

— А группа называется — Поющий Мост. — Прервал ее размышления Варт, которому,

наверное, надоело дуться.

Он остановился у какого-то невзрачного на вид домика.

— Знаешь, — Доверительно добавил он, перед тем как толкнуть дверь, — Когда поднимается ветер, мост через Акку поет. А у ребяток получается похоже, поэтому здесь они желанные гости. Водники ненавидят этот мост — у них какая-то нездоровая реакция на текущую воду под железом.

— А зачем им тогда его песни?

— А они каждый раз надеются, что он все-таки развалится. Они называют это Песнями Боли. Так что мой тебе совет: вдохни поглубже и прикрой уши.

И Варт повернул ручку, открывая дверь.

Это был темнющий маленький зальчик, светом который обеспечивала барная стойка, да еще подсветка сцены в противоположном углу.

Когда они вошли, с этой небольшой сцены в глубине зала раздавался такой стук и скрежет, что Юлга порадовалась тому, что восприняла слова Варта всерьез. Варт помахал музыкантам рукой, парень, колотивший по барабанам, мотнул кудлатой головой в ответ. Остальные были слишком заняты. Юлга вежливо кивнула, не отнимая, впрочем, рук от ушей.

Очень скоро Юлга заметила на фоне темного пола темные же столики треугольной формы. Они были явно рассчитаны на то, чтобы их сдвигали: многие посетители так и делали. Юлга прикинула, как много фигур можно сделать из треугольных столиков и невольно восхитилась: это было интереснее, чем обычная квадратная форма. Тут же осознала, что сидеть вдвоем за одним столиком будет неудобно — они же просто будут мешать друг другу есть, пихаясь локтями.

Варт будто прочел ее мысли и приставил второй столик. Народу было не очень много, так что никто не возражал.

Из полутьмы возникла официантка.

— Здравствуйте, что будете заказывать?

— Новенькая? — Протянул Варт. — Ния, да?

Как он ухитрился что-то разглядеть на бейджике официантки в такой темноте, было совершенно непонятно. Вот Юлга не понимала. Он же эмпат, это не входит в круг их умений.

Чтобы не начать опять размышлять про способности Варта, Юлга переключила внимание на официантку — и завизжала от восторга.

— Это же ты! Ты!

Официантка от неожиданности блокнот уронила.

— Подожди, так мы с тобой танцевали? Думала уже, никого из вас не найду до самого распределения! — Всплеснула она руками. — А еще кто-нибудь?

— Нет. Но мы встретились, это уже хорошо.

Стук и скрежет потихоньку стих, так что девушкам пришлось снизить тон. Варт встал и придвинул еще один столик.

— Юлга. — Официально представилась Юлга. — Юлга из рода Наль.

— А я Ния. Ния из рода Улы.

Ого, жреческий род, бывает же такое! Юлга пнула Варта под столом, и тот обаятельно улыбнулся.

— Я Варт из рода Хин.

— А я Керн из рода Ялко. Здесь еще Вахн и Гилт из Хеко и Анген из рода Ялы. Варт, мы

подсядем?

Вот теперь Варт улыбнулся искренне.

— Давайте, ребятки.

«Ребяткам» было под тридцатник каждому, на вид — ровесники Ярта, а на Варта они смотрели как на всеми любимого младшего братишку. Юлга никогда раньше не видела групп, играющих окос-музыку, и сейчас откровенно пялилась на них во все глаза. Ния тоже отвлеклась на то, чтобы испепелить взглядом Ангена из Олы, того самого парня-с-барабанов.

Он не испепелился, только подмигнул Ние. Юлга постаралась сдержать улыбку.

Порицающие статьи в газетах нагло ввали. У «ребятки» не было пирсингов во всяких неожиданных местах, одежда была — простые черные футболки и брюки, ничего кричащего. Даже лица были раскрашены в черно-белый скорее ритуально, чем вызывающе: как будто над ними работал фольклорист, старательно переплетавший ничего не значащие, но красивые символы так, чтобы выглядело внушительно.

— Так ты Юлга Наль? Как тебя угораздило встретиться с Вартом? — Спросил Керн, и хлопнул Юлгу по плечу.

Юлга напряглась, убеждая себя, что между рукой и плечом несколько слоев ткани и ничего не случится. Хватило ее на несколько секунд, потом она постаралась вывернуться.

— Я с ним живу. — Не подумав, брякнула она.

И тут же спохватилась, когда увидела, как заинтересованно рассматривает Варта Ния: так когда-то ее бывшая лучшая подруга рассматривала ее первого парня, как под микроскопом. Сейчас с Нией и Яртом бы не потягался.

— Не в этом смысле! — Поспешно поправились Юлга, — Я его дальняя родственница. Поступать приехала.

— и как?

— Ведомственный! — Гордо заявила Ния. — Будем вместе учиться. Мы с ней в одном стихийном Круге.

И снова испепеляющий взгляд на Ангена, который поспешно соорудил самое невинное-пренебрежительное лицо.

Ния покачала головой и нахмурилась.

Ангел сделал вид, что запирает себе в рот, хорошенько размахнулся и выбросил невидимый ключ.

Увлеченная этой пантомимой, Юлга только кивнула.

— Да-да, Ведомственный.

— А куда распределят — предположения есть? Ния вот пищит, что обязательно на следственное дело. — Керн наседавал, и за его беззаботно-дружеским тоном Юлге слышались какие-то дознавательские нотки.

Юлга пожала плечами. Вот вечно она себе что-то надумает про совершенно посторонних людей, которые ничего не сделали! Она постаралась быть как можно более открытой.

— Знать не знаю. У меня мать из следящих-сопровождающих, но я туда не хочу. Наверное, действительно на следственное.

Керн нахмурился.

— То есть вы не знаете? Обе?

— Откуда мы можем знать? Ну не на военное же, ей боги! — Горячо перебила

начавшую было говорить Юлгу Ния.

— Я не собиралась поступать в Ведомственный, а мама в командировке, так что она даже не знает, куда я поступила. Увы, мне неоткуда узнать. Варт зеленый еще, он тоже никак не поможет...

— А кем тебе Варт приходится, что-то я запамятовал? — Вдруг вклинился Вахн... или Гилт, Юлга еще не очень поняла, как их различать.

— Братом мужа двоюродной тети! — Не задумываясь, выпалила Юлга.

Варт поперхнулся пивом и замолк посреди разговора с Гилтом... или Вахном. Посмотрел на Юлгу, как на огромное чудовищное чудовище, вылезшее из тюбика с зубной пастой и потребовавшее первенца на обед.

Юлга попыталась слиться со стулом. А что она такого сказала?

— То есть Ярты второй раз женился, что ли? — Удивился кто-то из окосов-близнецов.

— или так и не развелся? — Спросил второй.

Ния попыталась встать на защиту растерянной Юлги. Она нахмурила тонкие бровки и грозно спросила:

— Вам не кажется, что вы лезете в чужую личную жизнь?

На нее не обратили ровным счетом никакого внимания.

— Похожа. — Протянул Керн. — извини, Варт, не признали сразу, что родственница. — и снова обернулся к Юлге. — Как там Хин-Хин?

— Хин-Хин?

Юлга точно слышала это во сне.

— Это ее кличка. Потом она взяла ее как имя... сменила, да? Она одно время с нами пела, такой голос, так жаль, что ей пришлось уехать... куда, кстати?

Юлга задумалась.

Спрашивали-то ее про Яльсу, это точно... Надо что-то ответить, раз уж ввязалась в это все. Что она про нее знает? Фольклористка, между Хин и Хин должно быть имя рода, но... Яльса похожа на нее, как родственница...

Ангел барабанил пальцами по столу один и тот же мотив, по кругу, и это никак не давало сосредоточиться. Раз-Два-и-Раз, Пшшшш. Раз-Два-и-Раз, пшшшш...

— Да в Хаш вроде. — Наконец вышел он из задумчивости. — Хин-Тато-Хин, Хаш... Как-то так играется.

И тут пасьянс сложился. Юлга стукнула себя по лбу, как она вообще могла не понять это раньше, как она не поняла это с первой секунды! Талантливая фольклористка, хорошо поет, возраст под тридцатник, похожа на нее, на Юлгу, любила розовое, теперь-то перешла на оттенки фиолетового, но когда-то любила розовое... В Хаш приехала где-то лет в девятнадцать... Вот говорила мама — смотри на детали, присматривайся, рассматривай несколько версий сразу, а она уперлась в то, что с Яльсой незнакома и даже забыла, что фольклористки меняют имя чаще, чем Юлга перчатки!

— Ее теперь зовут Ато. — Улыбнулась Юлга. — У нее все хорошо. Передать привет?

Кто бы мог подумать, что она совершенно случайно ляпнет истинную правду? Юлга посмотрела на Варта: да уж, объяснения не избежать.

Но пусть только попробует сделать вид, что он сюда ее привел не ради этого!

Остаток дня прошел скомкано. Юлга болтала с Нией о каких-то пустяках, потом к ним присоединился Анген с его байками про то, как он выбивал в посольстве разрешение съездить в Валлоу и потом целое лето ловил там редких змей. Варт беззаботно перешучивался с Керном и близнецами. Однако между собой Юлга с Вартом и парой слов не перебросились: это вышло как-то естественно и просто, компания друзей просто распалась на две группки помельче.

Юлга поняла это уже позже, когда они с Вартом распрощались с ребятами и вышли из кафе на свежий воздух. Она вдохнула этот воздух полной грудью, вместе со всеми запахами реки и тухлой рыбы, и это было наслаждением: в кафе-то она дышала концентрированным табачным дымом. Кто бы мог подумать, что водники тоже курят? Вдохнула — и в голове как-то прояснилось.

Они шли домой молча.

Наверное, надо было бы заговорить? Но Юлга слишком хорошо представляла себе этот разговор. Она скажет: «Ты сделал вид, что заботишься о моем самочувствии только чтобы привести меня сюда?» А он ответит: «Ты все это время знала, кто она, где она, но молчала?»

А если первым заговорит Варт, реплики просто поменяются местами.

Юлга и вправду только догадалась о том, что Яльса — это тетя Ато. Сложно поверить, что у доброй и милой тети был такой муж как Ярт, да и вообще тетя Ато не походила на кого-то, с кем может быть связана какая-то интересная история. Тетя Ато так старательно прятала эту историю в бесформенных фиолетовых юбках, заботе о Юлге и Селии, проверке ученических работ, что у нее почти получилось. Да и чужие истории, которые она рассказывала Юлге, были слишком яркие и интересные, чтобы Юлга начала допытываться о ее собственной.

А Варт, возможно, просто повел ее посмотреть на мост и зашел в кафе, которое было рядом. Однако Юлга понимала, что как бы он ее в этом не убеждал, как бы она сама себя в этом не убеждала, она не сможет поверить. А Варт не поверит ей.

Она скосила глаза на Варта в тот самый момент, когда он покосился на нее. И тут он сделал неожиданное: он улыбнулся и подмигнул.

— А у вас в Хаше есть окос-музыканты?

— Я не видела. Я не большая любительница такой музыки...

Неужели он хочет свести все в пустой треп? Пожалуй, правильно. Это лучше, чем устраивать разборки на пустом месте...

— Та же история, но Ярт когда-то с ними играл, и пришлось расти под их репетиции. По-моему, хорошо, когда люди настолько чем-то увлечены.

— Они познакомились в институте? — Спросила Юлга рассеянно, просто чтобы поддержать разговор.

— Не совсем. Керн одно время учился с Яртом, потом на восьмом году они выбрали разные специализации и их пути окончательно разошлись. Хотя, если так подумать, теперь они идут параллельно... — Варт задумался. — На третьем году обучения Ярт заинтересовался протезированием. Он в основном некромант, целительного дара у него чуточка, — Варт почти соединил указательный и большой пальцы, показывая «чуточку», — поэтому начал изучать вариант некроконструкта на основе собственной плоти пациента...

Юлга удивилась.

— Правда? Целительный дар у некроманта?

Варт отмахнулся.

— Достаточно часто бывает, знаешь ли. Но обычно исчезает к совершеннолетию, по мере раскрытия основного дара... а Ярту повезло. Ну так вот, они тогда были с Керном не разлей вода... Керн водник по матери, но слабый, у него как раз стихию подавил дар целителя... ну так Керн сейчас занимается возможностью регенерации новой здоровой конечности на месте старой. У обоих методов свои недостатки, конечно.

В чем в чем, а в этом Юлга более-менее разбиралась.

— Так отрачивают же сейчас новые конечности, разве нет?

— Для ног метод, в том виде, в котором он есть сейчас, может и сгодится. — Варт фыркнул, и Юлга прямо таки увидела, как то же самое говорит Ярт. — и то, возможности использования дара через тот же ритуальный танец ограничены. Пониженная чувствительность, нарушенная циркуляция энергий...

— Что? — Юлга где-то среди этой огромной кучи слов потеряла мысль.

— В общем, есть недостатки, и там, и там. Например, собственная плоть у пациента тоже далеко не всегда остается, — Варт пожал плечами. — Хочешь больше — спроси у Ярта, он всем этим медицинским штучкам уже одиннадцать лет учится, на двенадцатом, уверен, сдаст экзамен, получит лицензию, и сможет забавать рабочий некроконструкт на законных основаниях. Зря он что ли в своей больнице ночует? А как мы на некроконструкты перешли?

— Ты рассказывал, как Ярт попал в окос-группу.

— А, ну да. Так вот, Керн по матери водник, а близнецы Хеко ему дальняя родня. Хеко еще со школы дружили с Ангеном, у клана водников же целый город в городе, школа своя, там все друг друга по именам знают... так и познакомились.

— Ясно... Знаешь, Варт... — Юлга замолчала, с трудом подбирая слова.

Все-таки Варт изящно перевел тему, и Юлга была ему за это очень благодарна. Даже не упомянул Яльсу, которая пела в этой злосчастной группе. Однако неразрешенное недоразумение будет свербеть, подобно занозе, еще долго. И еще долго отравлять общение. Юлга отлично об этом знала, как на собственном опыте, так и на опыте приобретенном, а Варт ей нравился, несмотря на все его заскоки. Иногда от него веяло потусторонней жутью, иногда сумасшествием, но он все равно ей нравился. Надо было объяснить так, чтобы и не оправдываться, и чтобы поверил... Она доверится первой — кто-то должен довериться первым. А тут речь как раз о некроконструктах...

Юлге почему-то вспомнилась рука матери. Сухая, обычно застывшая, но когда надо — вполне себе рабочая рука. Ее осенило. Задача решалась элементарно после того, как сошлось основное уравнение и была найдена первая неизвестная. Конечно же!

— Знаешь... Моя мама, Селия Наль... прозвище у нее, «костяная рука». Она не то чтобы совсем костяная, просто... В детстве, в моем детстве, сколько я помню, она висела плетью. Знаешь, моя мама из следящих-сопровождающих...

Говорить было тяжело: перед глазами опять вставал телекинетик, его безумный взгляд и шарики. Юлга сделала маленькую паузу, перевести дух.

— Подожди. — Вдруг серьезно сказал Варт. — Понятно, к чему ты клонишь. Но...

— Ты пытался перевести тему. Я это ценю, правда, ценю.

Они шли по набережной вдоль реки, и Юлга вдруг остановилась, оперлась о литые перила, устремила взгляд на медленно текущую Акку. Теперь она понимала, почему Яльса

всегда плакала под мостом: по сравнению с этой огромной массой лениво текущей воды, похожей на влажную спину гигантского, мощного, дышащего и живого зверя, собственное смущение, нежелание идти на компромисс, страх перед тем, что было когда-то давно — все это отошло на второй план.

Варт остановился рядом.

— Ты согласишься? Что это была не хитрая манипуляция, а простая попытка отложить разговор на потом? — Спросил он чуть холодно.

— За кого ты меня держишь? — Улыбнулась Юлга. — Я Юлга из рода Налъ, мы никому не верим... Почти никому. Но ты вроде как получаешься мой родич? Если я сейчас скажу: «Нет, не поверю», то ты будешь таким родичем, с которым видишься раз в год, на чьей-нибудь свадьбе или, того хуже, похоронах, и расплевываешься до следующих похорон. А потом приходишь на похороны этого родича...

— Эй, это еще кто на чьи похороны придет! — Делано возмутился Варт.

— Конечно, ты умрешь раньше, ты же старый. — Безапелляционно заявила Юлга. — Не перебивай. Так вот, приходишь и думаешь: а вот если бы я тогда ему поверила, что бы было? А я не хочу думать о таких вещах на похоронах, это всегда как-то очень грустно. И плевать на тебя не хочу.

— Ну спаси-и-ибо.

— Так что я решила рассказать тебе то, о чем только что подумала. Когда мне было лет семь, приехала тетя Ато. Теперь-то я знаю, что из столицы, но тогда-то не знала... Она приехала как будто неоткуда... Дай руку, я попробую показать...

Юлга сняла перчатки, аккуратно сложила и сунула их в карман. Да, не так она представляла то, как они с Вартом когда-нибудь будут держаться за руки, реальность всегда жестока. Кожа к коже... Сосредоточиться — хотя это сложно, потому что накатывает смущение и теплеют почему-то уши... Кожа к коже, глаза в глаза. Варт в недоумении — теперь Юлга чувствует это ясно, будто сама стала эмпатом. Сосредоточиться — не на реке, не на Варте, на воспоминаниях, которыми хочешь поделиться.

Юлга помнила, как Селия показала ей письмо, написанное большими, красивыми круглыми буквами. Т ато, читает Юлга, потому что между заглавной «Т» и прописными «ато» — маленький зазор. Она внимательно смотрит на письмо — не только своими глазами, но и глазами Варта.

Мама говорит: «Радуйся, Юли, к нам на поезде приедет тетя...» А Юлга перебивает, она хочет показать, как хорошо умеет читать: «Тетя Ато, да?» и мама смеется, не поправляет.

А потом — огромный перрон, на нем огромные люди, огромный поезд пыхтит совсем рядом, и куда-то делась мама. Юлга потерялась, Юлга ищет маму: ведь только что она держалась за ее руку, и тут она зазевалась, кто-то толкнул, кто-то пихнул, она куда-то отступила, и мама куда-то исчезла. А ведь мама ничегошеньки не чувствует этой рукой, вдруг она не заметила, как Юлга потерялась?

И Юлга паникует, начинает реветь, и слезы размывают картинку вокруг, Юлга ничего не видит, трет, трет, трет глаза, и те болят, а она стоит на месте, потому что мама же говорила, что если потеряешься, надо стоять на месте...

И тут почти мамин голос — почти, но не мамин, скорее какая-то неудачная пародия: «Девочка, ты потерялась?» — и она поднимает глаза, а там — почти мамино лицо, только молодое совсем, и она начинает реветь еще сильнее, потому что как так...

И тетенька не знает что делать, спрашивает, как зовут Юлгу, чтобы отвести ее в комнату патрульных и объявить ее имя по громкой связи, а Юлга доревелась до икоты и не может нормально ответить даже свое имя, она пытается выговорить: «Юл... Юл... Г-га!» А потом, в отчаянии, почти нормально: «Наль». И тетя расплывается в улыбке, пытается взять ее за руку, Юлга уворачивается, прячет руки за спину.

«Я знаю твою маму, ее зовут Селия, правда?»

И Юлга вдруг понимает.

«А ты тетя Ато, да?»

Тетя Ато смеется, как мама. Не поправляет.

И Юлга-сегодняшняя говорит себе: хватит, это всего лишь воспоминание.

И все заканчивается.

Юлга снова смотрит на реку и натягивает перчатки. Варт молчит. Юлга подумала было, что ничего не получилось, но она же точно осознавала, что там еще и Варт... и тут Варт говорит куда-то в сторону, хрипло.

— Извини.

И в этом «извини» веса больше, чем в ста его предыдущих «извини». Юлга отвечает поспешно:

— Зато ты знаешь теперь, что у меня за дар. Я впервые показываю кому-то... свое прошлое. Кроме мамы. Обычно я вижу чужое. Вот. Как-то так. — Она пожимает плечами. — Я действительно и подумать не могла, что Яльса — это тетя Ато, потому что тетя Ато — она всегда была тетя Ато. Понимаешь?

— Неприятно, наверное... показывать. Так вот откуда ты столько знаешь... Подумать только, эти перчатки — не просто так... Я взял и забрал, помнишь, они исчезли? Перед тем, как Ярт тебя из ступора выводил. А что ты...

— Увидела тогда? Всего лишь сказку, Варт. Но, думаю, мы в расчете за перчатки: это была сказка для тебя.

Они еще немного помолчали, не глядя друг на друга. Юлга думала: а что скажет Варт? Ведь Яльса уехала от него, чтобы рассказывать свои сказки ей, Юлге. Он ведь так был привязан к Яльсе. Что же он скажет?

Но он ничего не говорит, и Юлга решает: добивать, так добивать.

— А потом, где-то через полгода... Да, где-то через полгода... Мама стала носить в правой руке вещи. То есть рука стала работать. Не очень хорошо, но однажды мама попросила меня уколоть ее палец иглой, пока она не видит, и почувствовала боль. С закрытыми глазами. Ты говорил про то, что Ярт на третьем курсе заинтересовался некроконструкциями? Я думаю, он виделся с моей матерью... Много раз, сейчас мама может даже играть на пианино, с каждым годом она владеет рукой все лучше и лучше. Значит, Ярт неоднократно ездил в Хаш, или мама встречалась с ним в своих ведомственных командировках, но зачем Ярту мама? Вывод один. Варт, Ярт знал, кто я такая, Ярт знал, где Яльса. Только поэтому он позволил оставить меня у вас дома.

— Да, понятно. Думаю, он знает больше, чем мы оба вместе. У него и спросим детали. У меня есть план.

Варт улыбнулся: это была страшная, мертвая улыбка. Юлга несмело тронула его за рукав.

— Мы не знаем, что случилось. Тяжело осознавать, что тебя водили за нос, но ты же не знаешь, зачем, правда? Вряд ли просто для того, чтобы помучить одного маленького

мальчика.

Варт как-то... ожил. Распрямился, улыбнулся уже живее, чуть приобнял Юлгу за плечи: в обычной ситуации она бы вывернулась из-под его руки, она не любила внезапных прикосновений, но сейчас она понимала — отстранись она, и то тонкое, хрупкое доверие, которое они друг к другу испытывают, куда-то денется, исчезнет во мгновение ока, как первый осенний ледок под лучами солнца.

— Не беспокойся. Этот план не очень кровавый.

— Признайся, ты только что выкинул из него часть с пытками. — Фыркнула Юлга.

Шутка была глупая, но они засмеялись. Вместе.

Когда они вернулись, Ярт был дома. Наворачивал остатки риса, закусывая незрелым яблоком, читал при этом какую-то толстенную книгу. План был прост, как дважды два: Юлга прошла на кухню, потянулась за кружкой и сказала в коридор, чуть поотставшему Варту:

— А потом тетя Ато поцеловала его и заявила, что никогда не видела такого храброго воина. — Выдержала паузу и добавила задумчиво, — О, привет, Ярт... Отобрала пластмассовую саблю, шуганула гуся, утерла бедняге соплю и подарила конфетку.

— Ты коварна. Кто-нибудь догадался, что это ты подстроила? — Варт вошел в кухню следом и втянул носом воздух, как гончая. — Ага!

— Не-а. Разве что мама через пару лет случайно вытянула. Ох, и смеялась же она. Ну и поделом, он дергал меня за косички, дразнился и врал.

Юлга искоса взглянула на Ярта: тот был невозмутим, но раз Варт что-то почуял...

— Помирились, голубки? — Спросил Ярт насмешливо, отложив книгу.

— Что-то типа того. — Улыбнулась Юлга. — Мы и не ссорились... Надо бы тете позвонить, кстати. Что-то она все не звонит и не звонит, не случилось ли чего... Рассказать про здешних классных парней... Варт мне немножко рассказал про вашу девушку...

— Ваши провокации настолько бездарны, что я начинаю беспокоиться за будущее Ведомства, — поморщился Ярт. — Девочка, ты заработаешь косоглазие, право слово... Варт, забыл, где лежит нашатырь?

— Ревность пахнет железом. — Невозмутимо ответил Варт.

— Одолжить тебе вилку?

— Зачем?

— Раз тебе так захотелось понюхать железа. Дети, нам не до разборок. Мне звонил Анген: отец Нии будет настаивать на следственном. А знаете, почему он позвонил? Решил, раз девчонка из ее Круга — моя родственница, лучше предупредить. Официально. А на самом деле все сложнее... Так что...

— В чем проблема? — Сухо спросила Юлга, понимая, что эффекта неожиданности уже не получится. — Позвоните маме и доложите.

Ярт возвел глаза в горе.

— Да, Юлга, да я тебя страшно обманул. Я сделал вид, что тебя не узнал, что я вообще посторонний — я и был посторонним, знаешь ли. Кстати, ты копия Селии. Увидел тебя, сразу понял, кого ты напоминаешь матери, мне и Варту и тут же позвонил Селии. Да, твое пребывание в этом доме было чуть менее опасным, чем ты себе, наверное, возмнила. Хотя я, Окос свидетель, и подумать не мог, что мать тебя сюда притащит, ты свалилась как снег на голову. Я даже не знал, что ты в городе. Ты не должна была пересечься с Хинами, Селия

не предупреждала, что ее дочь приедет в столицу. Но раз уж пересеклась... Эту ситуацию Селия одобрила, сказала, чтобы я не смел помогать тебе разбираться и засек время, сама же сообщила Яли — поэтому-то тебе никто из дома и не звонил... Забавно, Селия ни капли не сомневалась, что ты сунешь нос в дела нашей семьи, что не сбежишь из подозрительного места... Да, у меня нет девушки, нет, мне нельзя верить, кто тебя вообще учил верить незнакомым некромантам? Ну не Селия же, она такой глупости в жизни бы не сделала... мне просто было забавно смотреть, как ты заботливо укутываешь свои уши в мою лапшу.

— Ну и дурацкие же у вас шутки. — Обиженно буркнула Юлга.

Голос Ярта действовал на нее гипнотически. Она никак не могла сосредоточиться на предмете разговора, у нее было жуткое ощущение, что он сказал кучу всего, но то, что было действительно полезно, сказал так невнятно, что она ничего и не поняла.

Ярт пожал плечами.

— Но мне-то было смешно. Кого заботишь ты?

— Я все тете расскажу.

— Валяй. — Ярт махнул рукой. — Можешь еще маме пожаловаться, когда она приедет. А она настучит по твоей пустой голове, что так долго догадывалась.

Варт встал рядом с Юлгой и теперь испытующе глядел на брата.

— Я с места не сдвинусь, пока ты мне не объяснишь.

— А как ты ее защищал! — Ярт в притворном восторге закатил глаза: его это все немало забавляло, — «Это Юлга, теперь она будет жить с нами», — передразнил он, — и я подумал: мальчик вырос, не буду портить голубкам удовольствие. Какая любовная история без мерзких родственников, мешающих счастью? А потом ты еще и документы за нее подал. Молодец! Слушай, Варт. Я не собираюсь тебе ничего объяснять, стой здесь хоть до самой своей смерти.

— Потому что слишком долго врал, а правду сказать язык не поворачивается? — Вмешалась Юлга.

— Можно и так. — Согласился Ярт. — Хотя я назову иную причину: так неинтересно. К тому же, я уже говорил, твоя, Юлга, мать мне запретила, а если я расскажу только Варту, он с тобой поделится...

Юлга наконец осознала одну простую вещь, и эта вещь ей совершенно не понравилась.

— Подожди, так мама скоро приедет?

— Завтрашним поездом. — Кивнул Ярт.

— Но... как? Она же не собиралась мне помогать! — Не поверила Юлга, — Принципиально не собиралась.

Ярт неопределенно махнул вилкой в воздухе.

— А ты влипла в интересную ситуацию, племяшка. Понимаешь ли, некая Ния из рода Улы должна выйти замуж за Ангена из рода Ялы. Освященная веками традиция договорного брака в жреческих семьях, славься Многогранная Богиня во веки веков и во всех своих гранях. Отец у твоей подружки очень интересный парень, его почему-то крайне заботит безопасность его дочери: мертвая дочь замуж выйти не сможет, наследника родить — тем более. А дочь возьми да подай в Ведомственный втихаря! Он бы забрал ее документы, как глава рода, извинился за беспокойство, да открутил бы своей дочери голову за самоволку, но та влипла в стихийный Круг из сиротки, дочки известной в узких ведомственных кругах бой-бабы с покалеченной рукой, и дочки некого военного, так же известного своей вспыльчивостью и максимализмом. А никто еще не научился рвать такие связи, даже жрец

Храма Многогранной Богини: вы теперь всю жизнь вместе будете идти, неудачницы. Налей молока, в горле пересохло.

Юлга, не споря, налила Ярту молока — он точно назло прервался на самом интересном месте. Медленно пил, смакуя каждый глоток, и посматривал этак хитро. Ждите мол, ждите. Нет, подумала Юлга, все некроманты садисты, без исключения.

Наконец Ярт допил. Посмотрел в кружку, будто надеялся увидеть что-то интересное на дне, вздохнул разочарованно, и продолжил.

— На чем я остановился? А, точно. Итак, четыре девицы поступили в Ведомственный через инициацию стихийного Круга: сама знаешь, в этом случае распределение уже не от желания девиц зависит, всех четырех надо сунуть в одно место и группу. И, как назло, у троих из них живые родители! И эти родители, как лебедь, рак и щука из известной басни, настаивают на разных направлениях! Деканат хватается за голову. У военного куча бывших друзей-сослуживцев сидит, преподает на военном деле, бой-баба может накопать на человека компромат, просто пожав ему руку — как думаешь, хочет ли бывший член городского совета с такой связываться и конфликтовать? А деканат маленького ВГТУ с бывшим членом городского совета, главой рода и прочее и прочее? Так что они предложили Вио, тому самому жрецу, решить дело миром.... через Ангена, моего старого друга и своего будущего тестя, Вио попросил меня устроить встречу с Селией.

— Вот тут мы и подошли к сути дела. — Кивнула Юлга. — Как получилось, что вы знакомы с моей матерью? Как получилось, что Яльса... Она была влюблена в вас, Ярт, по уши, мне ли не знать, оказалась в Хаше?

Варт снова принялся.

— Самодовольство пахнет яблоками, кстати. — Как бы ненароком проронил он.

Ярт откинулся на спинку стула.

— Я не скажу. Вот не скажу и все. Просто так. На самом деле я тебе уже говорил, почему не скажу, но кто меня слушает?

— Вы лечили ей руку. — Утвердительно сказала Юлга.

— Ну что ты. Как я мог кого-то лечить без лицензии? — Удивился Ярт. — Ладно, ладно, догадалась, молодец. Яблочко хочешь? Нет? Ну как хочешь. Я, знаешь ли, говорил недавно по телефону с твоей матерью. «Да что ты, Ярт!» — говорила она, — «Моя дочь такая сообразительная, она сама обо всем догадается, не рассказывай ей ничего!» Так что если я тебе расскажу, лишусь благоволения главы рода, пусть и такого захудалого родишки, как ваш. И, заметь, я тебе это разными словами повторил уже раза три. Кроме глаз, которые видят, неплохо бы иметь уши, которые слышат — ты так не думаешь?

Варт шепнул Юлге на ухо.

— Он раздражен.

— Я заметила. — Ответила Юлга.

— Ты очень наблюдательная. — Выплюнул Ярт. — Слушай, единственная причина, по которой ты здесь — кроме всех тех, что я уже назвал, это та, что я предполагал, что возиться с тобой будет Варт, а мне позволят сидеть себе спокойно. Но я почему-то улаживаю вопросы твоей учебы. Отстань от меня, умоляю. — перевел взгляд на Варта. — А ты, герой-любовник, защитник слабых, зубная фея-благотельница, делай то, что от тебя требуется. Возись с ней. А то я натравлю на тебя Селию, а эта женщина как паук, который любит откусывать неудобным головы.

— Эй! — Возмутилась Юлга.

— На твоём месте я бы поостерегся. — зло хмыкнул Варт. — Если так, то Юлга — её личинка, которая вырастет и с радостью откусит твою.

И получил болезненный тычок в бок.

— Я сама решу, кому и что откусывать! — Нахмурилась Юлга.

— О! — Улыбнулся Ярт, — Как думаешь, брат, кто из нас ближе? Удачно тебе познакомиться с матерью!

— Я одного не понимаю. — Сказала Юлга позже, когда они с Вартом сидели в её комнате и убивали время игрой в шашки, — Почему он постоянно намекает, что между нами что-то любовное?

Юлга чуть смягчила формулировку. Ярт не намекал, он говорил прямым текстом.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Честно говоря, она бы не отказалась от какого-нибудь романтического ответа Варта на этот вопрос: известие о том, что Ярт её двоюродный дядюшка, позволило ей совсем перестать бояться Варта. Что он ей сделает?

Даже то, что он вынудил её остаться в этом доме, ушло куда-то на второй план. Она ведь просто остановилась у родни?

Да и одержимость Варта Яльсой потихоньку сходила на нет, как будто без постоянных напоминаний Талины он о ней подзабыл. Вот, с тех пор как Ярт прогнал их с кухни, он ни разу о ней не заговорил: не то что недавно, когда имя «Яльса» всплывало в каждой третьей его фразе, если не в каждой второй.

Юлга склонялась к мысли, что Талина, которая была несомненно безумна, заражала своим безумием Варта — сильного эмпата, весьма восприимчивого с сильным эмоциям. Стоило убрать Талину подальше, и с Вартом стало можно спокойно поболтать.

Варт ответил нейтральным тоном.

— Думаю, он мстит.

— То есть?

— С того самого момента, как Яльса попала в наш дом, мама прочила её Ярту в невесты. Она забила этим её голову, она доводила его... Мне Яльса нравилась, так что Ярт и у младшего брата не мог найти поддержки, разве что новую вариацию дразнилки про жениха и невесту.

— Ты был ребенком. — Сказала Юлга, но тут же добавила, — и все равно жестоко.

— Да, их смущение можно было почуять с другого конца улицы. — Согласился Варт. — Но ещё чувствовалась их влюбленность, и не было понимания, почему Ярт постоянно отворачивается от Яльсы с лицом мороженой рыбы, а Яльса молчит в ответ. К тому над ними было весело издеваться, они так забавно реагировали. До сих пор стыдно. Я... Виноват в том, что сделал.

— Что ты сделал?

— Ты поделилась со мной тайной своего драгоценного дара, с которой носилась как с писаной торбой... — Задумчиво протянул Варт, размышляя вслух. — Думаю, за мной должок.

— Ты можешь не говорить, если не хочешь.

— Нет, почему же? Скажу. Даже покажу немного... Только сначала все-таки скажу, а то ты не поймешь, что именно я сделал не так. Сам далеко не сразу понял... Ты знаешь, когда Яльса и Ярт поженились?

Юлга задумалась: на момент подсмотренного эпизода с Тянно Яльса училась на первом курсе, судя по виду за окном была где-то середина зимы. А день рождения тети Ато всегда отмечался в начале зимы, на двенадцатый день первого месяца.

— Зимой, когда ей исполнилось восемнадцать? — Предположила она.

— В яблочко. На четырнадцатый день первого зимнего месяца, если быть точным. Мама бы так долго не тянула, если бы тринадцатое число не считалось крайне несчастливым для заключения брака. Помнится, церемония была скромнее некуда... К тому времени они уже год как встречались, но держали это в секрете от мамы. Угадаешь, почему?

Юлга неопределенно пожала плечами. Ответ был очевиден: Талина явно слишком уж рьяно относилась к женитьбе своего сына.

— Тут какой-то подвох? — Спросила она на всякий случай.

— Нет, скорее всего ты подумала правильно. — Кивнул Варт. — Потому что мама очень рвалась их поженить, а они хотели немного подождать.

— Да, я бы тоже не торопилась связывать себя узами брака в восемнадцать-то лет, под таким-то давлением. — Согласилась Юлга. — Все-таки как-то...

Юлга бы предпочла принимать подобное решение сама, и это давление скорее всего заставило бы ее убежать из излишне гостеприимного дома так быстро, что только пятки бы засверкали, но этого Юлга решила Варту не говорить. В конце концов, в чем-то он был похож на мать: решит что-то, и на этом будет настаивать до последнего. Этого Юлга тоже не сказала.

Он и так рассказывал эту историю с осязательным трудом. Смотрел на шашки, глаз не поднимал: от него опять отчаянно сквозило застарелой виной. Юлга несмело тронула его за плечо, пытаясь показать, что нисколько его не осуждает.

— Так что они скрывали свои отношения от мамы. Ну и от меня тоже, как-то так получилось. Однажды что мама с папой уехали на неделю отдохнуть... Меня оставили с Яртом. И они немного... расслабились. Ярт чувствует живое поблизости, до сих пор не понимаю, как он не заметил брата... В общем — смотри.

Варт накрыл ее руку своей, и Юлга и пикнуть не успела: провалилась в его воспоминание.

За окном — осенняя серая хлябь. Тикают висящие на стенке часы. Тихо, на грани слышимости, отмеряют время. Стучат по окну капли, не в такт, не так. На всем лежит отпечаток серого осеннего дня, отпечаток скуки.

Варт откладывает книжку, книжка тоже скучная. Надо найти брата и заставить с собой играть, а то что это такое, мама же сказала: «позаботься о младшем брате», и где она, забота? Ярт совсем не обращает на него внимания. Ярт редко обращает на него внимание, и Варт не был бы в обиде... но в этот раз Ярт забрал у него Яльсу. Даже когда Яльса говорит с Вартом, она мыслями не с ним, по губам ее блуждает мечтательная улыбка.

Варт рад за Яльсу, ему нравится греться у ее огромного тихого счастья, поэтому на старшего брата Варт сердится совсем несерьезно, скорее для порядка.

Он прислушивается-принюхивается к тому, что происходит внизу, и понимает, что там, внизу, на первом этаже, совсем не осень. Варт ложится на пол и уже тщательнее принюхивается к ковро. Пахнет сырой землей, какими-то тропическими цветами, жизнью, это точно запах весны. Он не ошибся.

Тогда Варт спускается вниз. Пускай они поделятся с ним своей весной! А то совсем-

совсем про него забыли, как так!

В гостиной их нет. Он осторожно тянет вниз ручку двери кухни и заглядывает в образовавшуюся щель. Запах весны сбивает с ног и заставляет слезиться глаза: Ярты жадно целует Яльсу, и Варт отчаянно краснеет, пятится, отступает, закрывает дверь, несется в свою комнату, пока не заметили, пока не прогнали, пока не сказали вслух то, что он и сам уже понял.

Он лишний, лишний, лишний, никто с ним не поделится, никогда никто с ним этим не поделится, не поделится, не поделится!

Проходит день за днем, проходят осенние каникулы, самые длинные и кошмарные осенние каникулы в его жизни, потому что он не может сбежать в школу, а дома весна буквально преследует Варта. За окном — холод и осень, сквозняки блуждают по дому на правах хозяев, а Варту жарко. Он высовывается из окна как можно дальше и глотает холодные капли, вода пропитывает его футболку, его волосы, струится по шее, но ее надолго не хватит. За окном пахнет водой и червями, пахнет смертью, и Варт не может этим запахом надыхаться.

Это была самая нескончаемая неделя в его жизни.

А потом была неделя пролады: вернулась мама, и от нее душно и пряно веяло заботой, и цветы ненадолго увяли, и Варт снова чувствовал осень за окном, и он почти уже забыл, как жарился в чужом тепле.

Однажды он возвращается домой из школы и дом снова пахнет цветами. С тех пор он каждый день сбегает от цветов в школу, каждый день он возвращается обратно. Ярты не обращает на него внимания. Он слишком счастлив — лицо-то обычное, каменная маска, а не лицо, никто кроме Варта этого не почувствует, но Варт знает: от Ярты пахнет цветами. Яльса смотрит сквозь Варта даже когда говорит с ним и улыбается куда-то в пустоту. Она счастлива. От нее тоже пахнет цветами. Цветы, цветы, цветы, везде этот дурацкий запах, и Варт тут лишний, лишний, ненужный, забытый, утонувший в цветах.

Варт не выдерживает.

Варт рассказывает маме. Только про цветы: увиденный им поцелуй слишком сокровенный, слишком не его, про поцелуй он никому никогда... Ни за что! Но маме этого хватает.

Он знает, что Ярты обидится, он знает, что Яльсе будет грустно... Но, может, хоть тогда они снова вспомнят про его существование?

Юлга вывалилась из чужих воспоминаний кубарем.

— Все-таки рассказал... — Шепчет она, осторожно его обнимая.

Это дружеское объятие. Это то, что сейчас необходимо. Варт утыкается лбом ей в плечо.

В ладони Варта трещит, сминаемая, пластмассовая шапка.

— Я же говорил: я твой должник.

— Опаздывает. — Сказал высокий мужчина в красных одеждах. — Предлагаю начать...

— Зенек Хаок, если не ошибаюсь? Я Вио из рода Улы.

Мужчина в красном по-военному четко кивнул, щелкнул каблуками — с церемониальных шпор сорвалась пара искр.

— Будем знакомы. Мы здесь собрались...

— ...вдвоем решать судьбу четверых детей? Прошу вас, умерьте свой пыл: дождемся хотя бы представителя рода Наль, раз уж старших представителей рода Есса могут лицезреть лишь боги, и разделим эту тяжкую ношу на троих.

Вио из рода Улы был чуть полноват, бородат и насмешлив. Голос его был мягок и чуть высоковат для мужчины, ухоженные руки с аккуратными ногтями лежали без дела на коленях. Ожидание ничуть не тяготило Вио из Улы: он наблюдал за Зеноком и находил это интересным развлечением.

Зенек из рода Хаока был военным. Военным неудачливым: Кетт уже тридцать лет как не вел ни с кем войны, и Зенек все оставался в низких чинах. На войне его неспособность вовремя козырнуть командиру не была бы помехой продвижению по службе, но в мирное время у него не было шансов подняться выше реррея. Он и был рерреем, и нес это звание гордо, даже на встречу с родителями тех детей, что основали круг с его дочерью, надел полное парадное облачение.

Он был нетерпелив, и, в противоположность Вио, буквально растекшемуся по гостевому диванчику, мерял шагами ковер.

За дверью послышались стремительные шаги, она распахнулась, как будто ее открыли ногой, и предстала та, кого все столько ждали. Если бы Вио не навел специально справок и не слышал из весьма надежных источников, что этой женщине чужда театральность, он бы решил что опоздание затеяно исключительно ради эффектного появления.

Женщина была хороша: на вид и не дашь ее сорока лет. На ее работе нетрудно сохранить фигуру, а ей было что хранить. Она не была красавицей, но каждое ее движение — энергичное, точное, рассчитанное до миллиметра, выдавало долгие часы тренировок и радовало искушенный взгляд Вио.

— Селия из рода Наль. — Сухо отрекомендовалась она. — Простите за опоздание, задержка поезда.

— Надеюсь, путь из Хаша был легок и приятен. — Вио улыбнулся в усы. — Вио из рода Улы.

— Мое почтение жрецу Многогранной Улы. — Селия склонила голову.

Зенек недовольно цыкнул.

— Зенек из рода Хаок! — и прищелкнул каблуками.

— Селия из рода Наль. — Зачем-то повторила Селия, оглядывая Зенока с ног до головы. — Так это вы настаиваете на военном факультете?

— Я. — Зенек не отвел взгляда.

Вио с интересом наблюдал за их противостоянием.

Селия тоже прибыла в форменном: аккуратно подогнанный по фигуре серый пиджак, серые брюки, ни грамма косметики на суховатом лице, темные с проседью волосы пострижены очень коротко, по-мужски, идеально белая рубашка, ни складочки — трудно

поверить, что Селия, сойдя с поезда, направилась прямо сюда. А еще она была обута! Мягкие мокасины в любой момент можно было сбросить, но все равно для женщины силы Земли жертва немалая.

На фоне пламенеющего алой рубашкой огневика Зенoka она почти терялась.

Голос у нее был тверд и холоден: такой мог бы быть у разгневанной Олы.

— Вы так жаждете стоять в одном строю со своей дочерью, в одной форме со своей дочерью, что забываете, что в том же строю и той же форме будут и наши дочери? Женщина в армии, без связей, без протекции... а если, не дай Боги, война?

— Послужат на благо Кетта.

— Если хотите убить Майю Хаок, вам это ничего не будет стоить. Моя же дочь на военное дело не пойдет.

Зенок был мощным мужчиной, он нависал над маленькой Селией как раскаленная докрасна скала: лицо его пламенело не хуже рубашки.

— А на чем настаиваете вы? На... — Это он выплюнул, — Следящих-сопровождающих? Как будто там вы можете составить протекцию. В Хаше может быть, но в Тьене вас никто не знает, будь вы хоть трижды костяная рука! Хотите сказать, в этом отделе безопасно, вы, сухоручка?

Слова, необходимые Вио, сказаны. Пришло время направить разговор в правильное русло прежде, чем эти двое начнут драться.

— Не забывайте про меня. — Мурлыкнул с дивана Вио, — Я бы предпочел следственное дело.

Они оба обернулись к нему. Селия — с облегчением, а Зенок — с гневом. Вио выставил вперед ладони — жест примирения.

— У меня есть тому причины. Я жрец; моя дочь — дочь жреца, она так же имеет некоторые... обязанности. Они необременительны, не помешают ее будущей работе, но лишь при одном условии: ей не следует надолго покидать родные воды, воды Акки, она связана с Тьеном. Боюсь, если Ния попадет на факультет военного дела, после учебы ее, скорее всего, распределят в какой-нибудь весьма далекий от столицы гарнизон... Дабы этого не случилось, в этой ситуации я буду вынужден отозвать ее документы на правах главы рода Улы и главы храма Многогранной Богини до того, как она окончит университет и будет обязана выполнять приказы командования. — Зенок хотел было перебить, но Вио предостерегающе поднял руку, — Прошу вас, Зенок, дайте осветить еще одну немаловажную грань. Дело в том, что досадная особенность дара Нии... моей дочери... в том, что сила стихии у нее связана с лунным циклом. Проще говоря, в полнолуние замеры Нии будут показывать силу вне категорий... но в новолуние она... если можно так выразиться... бездарна.

Селия первая поняла, к чему он клонит. Склонила голову в притворном сожалении.

— Другими словами, как Круг Стихий наши дети смогут работать крайне ограниченное время месяца?

— Я не могу позволить моей дочери перегореть. Она скоро выйдет замуж, и мне необходимо будет передать ее мужу обязанности жреца Улы-Ялы-Олы: как он справится со всеми гранями Богини без поддержки Нии? Не забывайте: в первую очередь она дочь жреца.

— Вы всегда можете уповать на вашу Богиню. — Отрубил Зенок. — Как-нибудь да справится.

Селия возразила вместо Вио, и голос ее был тих и ласков: таким разговаривают с

идиотами и маленькими детьми.

— Какой толк в армии от Круга, который может работать в полную силу лишь несколько дней месяца? Неужели вы думаете, что перед тем, как войска будут брошены в бой, хоть кого-нибудь будет волновать, способна Ния выдержать энергию Круга или нет?

— Войны не было больше тридцати лет! И не будет! А вы работаете с психами!

— В трус или дурак? Вы просто не можете быть настолько идеалистичны! — Селия повысила голос. — Вы когда-нибудь задавали себе вопрос: «а вдруг»?

— Это именно тот вопрос, который я задаю себе, когда думаю о Майе среди следящих-сопровождающих! В армии сейчас безопасно!

— Вы можете поручиться за сегодня, но за завтра?.. Армия может выглядеть спокойным супчиком, но этот супчик в любой момент закипит!

— Не будем об этом, прошу. — Примиряюще проворковал Вио. — Это материи столь же далекие, сколь и высокие; мы же говорим лишь о будущем наших детей. Оставим Кетт Правителю. Я бы хотел возразить вам, любезный Зенек из рода Хаок, как раз Селия может составить наилучшую протекцию в рядах следящих-сопровождающих...

Тут он сделал паузу, позволяя Селии вмешаться. Но Селия молчала, выжидая. Наверное, думала, чем грозит ей эта внезапная уступка Вио — все следящие-сопровождающие недоверчивы. Селия не исключение.

— ...ибо она связана узами сколь крепкими, столь и запутанными, с неким человеком по имени Пекх. Пекх из рода Хин, если быть точным...

Селия выпрямилась, как будто проглотила палку. Вио чуть улыбнулся, давая понять, что не скажет более необходимого.

— Хин — известная в кругах следящих-сопровождающих Тьена фамилия...

— Да, моя дочь водит дружбу с его младшим сыном. — Перебила Селия сухо. — Но не кокетничайте, Вио, вы-то дружны с самим Пекхом.

Что-то пошло не так. Она укусила руку, дары приносящую, и сделала это на редкость бестактно. Иначе бы он не рискнул вызвать ее раздражение ответной репликой, сказав больше, чем следовало говорить при постороннем — Зенке.

— Дружен? — Голос Вио остался ровен и безмятежен. — Не то слово, «дружен»... Скорее мы давно знакомы; некоторые религиозные разногласия не позволяют укрепить нашего přátельства... однако же эти разногласия сильнее в стариках, нежели в молодежи. Ваша двоюродная сестра, Яльса Хин-Тато-Хин, не только была принята в род Хин, но и вышла замуж за старшего сына Пекха, Ярта Хин. А ведь она пела для Храма Живицы... Куда же она исчезла потом? Не в Хаш ли?

— Не думаю, что многоуважаемому Зенуку будет интересна трескотня о чужих родичах. — Процедила Селия. — Вы сказали: «предпочел бы». Вы имели в виду?..

— То, что сказал. Раз уж у одной из девочек Круга моей дочери есть мать, которая может обеспечить карьеру в отделе следящих-сопровождающих, то почему бы мне не довериться судьбе?

Вио вел партию ради этих слов. Он знал от Нии, что принципиальная Селия не собиралась помогать дочери, более того, даже не знала до последнего момента, куда именно дочь поступает. Его осведомители так же доложили о железных убеждениях этой женщины. Сам он был в опале: Храм Вио никто отнять не мог, как и его род, но возможности его были сильно ограничены. Еще лет десять назад он бы и не думал пытаться просить кого-то поспособствовать его дочери продвинуться по карьерной лестнице. Все бы сделало его

имя... и, может, немного вовремя розданных денег. Теперь же его имя могло лишь помешать, и Вио сделал все, что мог, чтобы заполучить чужое, раз уж по счастливой случайности представилась такая возможность. Селия колебалась, он видел, она почти согласилась...

Однако он забыл про третьего участника переговоров. Недооценил, да какой слуга Улы не сделал бы этой ошибки? Зенек оказался не таким уж и дураком: он тоже навел справки, прежде чем идти на встречу. А так как он был настоящим огневином, то выбор стороны в этом странном противостоянии был для него очевидным. Он сделал ход за Селию в пику Вио.

— Пожалуй, это неплохое предложение. Я согласен отдать свою дочь на факультет следящих-сопровождающих. Только вот есть затруднение. Я не готов доверить свою дочь протекции женщины-инвалида, потерявшей на службе руку. Не в обиду вам будет сказано, Селия...

Селия мигом почуяла, что ситуация изменилась, улыбнулась не без кокетства. Поняла, к чему Зенек клонит. Кивнула.

— Я не в обиде, вы правы. Одиноким женщинам без связей так тяжело в наши дни... Масло дорожает, поезда опаздывают... На работе — сплошные психи...

И еще вздохнула этак волнительно, чтобы ткань пиджака почетче обрисовала то, что должна бы скрывать. А Зенек рад стараться, хотя от мысли про психов его порядком перекосило.

— Так вот, как слуга Храма Многогранной Богини и бывший член совета города, вы, Вио, можете составить протекцию понадежнее, в самых далеких верхах и в самых высоких далях. Можете. Но ваша протекция мне тоже не нужна. Если окажется, что вы все-таки смогли что-то сделать на вашей нынешней весьма зыбкой позиции, я заберу свою дочь из ВГТУ. Разрушу Круг, и пусть Ярост рассудит, был ли я прав. Селия?

— Я тоже. И пусть Божественная Четра рассудит, был ли мой поступок верен.

Удивительное согласие, особенно если учесть, как они собачились в начале. Еще и подчеркнули, что не имеют касательства к его церкви: бог огня Ярост, Око с Живицей... Волевым усилием Вио скрыл раздражение.

— Насколько я знаю, ваши дочери весьма своевольны... — «и вряд ли вам удастся их просто так взять и забрать», — хотел бы добавить он, но позволил додумать эту фразу самим.

— Я Селия Нал. Я глава рода Нал, и имею все права главы рода, хоть в моем роду и всего два человека.

Она задрала подбородок. Гордячка. Было бы чем гордиться: отца не знает, род материнский, основан после того как ее мать с позором изгнали из рода Дварфла, после отказа избавляться от прижитого незнамо от кого ребенка. Сама родила без мужа, профурсетка. Вио был в бешенстве: это она-то будет гордиться статусом главы рода? Такого рода?

Еще и Зенек посмотрел на нее не без уважения и горячо поддержал.

— Моя дочь уйдет сама... она своевольна, она не позволит, чтобы кто-то... составлял ей протекцию. А я ей передам сказанное, будьте уверены. В армии без протекции никуда, но в следящих-сопровождающих пусть пробивается сама. Это достаточно молодая структура.

Селия перехватила взгляд Вио и попыталась подсластить пилюлю.

— Ваши сомнения естественны для родителя, но не волнуйтесь, — Мягко сказала

она. — У девочек есть их род и они сами... Кстати, нужно будет собраться ее раз, чтобы решить, что делать с Жаннэй из рода Есса. Кто возьмет над ней опеку?

— Над этим стоит поразмыслить. — Кивнул Зенок.

— Что же, решено. — Вио дернул уголок рта, единственное проявление раздражения, которое он мог себе позволить. — Единогласно за следящих-сопровождающих, поддержка рода ограничивается моральной. О следующей встрече я извещу письмом или вам позвонит мой секретарь: будем решать судьбу Жаннэй из рода Есса.

Хотя бы эту его привилегию никто не стал оспаривать. И Селия, и Зенок склонили головы в согласии. Селия предложила:

— Раз уж решили, пожмем друг другу руки?

Вио рассмеялся, неплохая шуточка! Неужели она думает, что кто-то в этой комнате не знает о сути ее дара? А если знает, то рискнет?

— Простите уж. — Вио развел руками. — Храм Многогранной Богини не поддерживает этой традиции.

Зенок пожал плечами и протянул Селии руку. Та присвистнула насмешливо, будто подначивая: «Вы уверены»?

Зенок был непоколебим.

«Мне нечего скрывать»

Селия протянула здоровую, левую руку.

«Тогда я не буду спрашивать».

В детстве Варт был совой, совой же был, когда закончил школу, но два курса ВГТУ легко и непринужденно сделали из него жаворонка.

Вот и сейчас он встал рано, часов в шесть, и к тому моменту, как увидел Жаннэй, уже заканчивал комплекс упражнений, которые про себя называл «способ не сдохнуть на первой же физподготовке».

Жаннэй явилась к домику семьи Хин не одна, а вместе с Лин и ее Ходячим Энни, которого та все никак не могла положить обратно. Ходячий был специальным трупом для тренировки детей: надлежаще забальзамированным, спеленутым всяческими предохранительными заклетьями, и с аккуратно расчесанными остатками кудрявой бороды.

Маленькие некроманты частенько поднимали трупы: сначала это были крысы и любимые хомячки, потом кошки, потом собаки, а потом доходило до людей. Любой маленький некромант должен был пройти по ступеням раскрытия дара, это был абсолютно нормальный ход вещей, а если малыш вдруг задерживался на крысах слишком долго, это было поводом для беспокойства. Так что взрослые заранее нивелировали конфликт с магами другой направленности тем, что покупали для детских забав тела у бродяг и бездомных. Это было дешево, то есть дешевле, чем выплачивать штраф за чьего-то дедушку, ушедшего с кладбища поиграть с малюткой в шашки, и практично. Да и безопаснее, чем незнакомый труп: эти обрабатывались специальным составом, не разносили заразы и были застрахованы от превращения в Ходячего-Кровопийцу. С необработанными трупами такое случалось: дети действовали инстинктивно, и не всегда у них все получалось правильно.

Некроманты в целом были тактичными людьми и отлично знали, что не все воспринимают мертвых так же спокойно, поэтому всегда просили своих детей не играть с трупами на виду у посторонних, случайно зашедших в некромантский квартал. Но Лин было семь лет, она была очень общительна и просто обожала знакомиться с новыми людьми. А

вот люди... Крошка Лин Ван была премилой маленькой девочкой: две тугие черные косички торчат под смешными углами, на носу — россыпь веснушек, доставшихся от прабабки-огневички, огромные синющие глаза и, что особенно умиляет женщин определенного возраста, выпавший передний зуб. Да вот только за плечом Лин всегда стоял Ходячий Энни, и это обычно нервировало далеких от некромантии людей.

Так что Варт подорвался встречать Жаннэй, как только разглядел с турника в конце улицы смутно знакомую зыбко-белую фигуру, а рядом — Энни с Лин.

Первым делом он отвесил Лин легкий подзатыльник. Он мог это делать на правах дальнего родственника. А он точно был ей дальним родственником: в этом квартале жило шесть некромантских родов, это около тридцати семей, и все они были в каком-никаком, но родстве с Хинами. Лин обиделась.

— А что я сде-е-елала?! — Взыла она.

Варт поморщился, обида Лин осела на языке горечью.

— Тебе говорили не беспокоить гостей квартала? — Спросил он строго. — Встречу Янь Ван, обязательно расскажу, что ты опять принялась за свое.

— Ну и ябеда! — Лин показала Варту язык.

— Зря вы... Варт из рода Хин, если не ошибаюсь? — Вступилась за Лин девушка, — Я сама спросила у Лин дорогу. Я Жаннэй. Жаннэй из рода Есса.

— Энни вас не испугал? — На всякий случай спросил Варт, хотя не чувствовал испуга Жаннэй.

Он вообще не чувствовал ее эмоций, и это было... непривычно. Он чуть прищурился, переходя на образное зрение.

Рядом с Лин не было ничего. Даже Энни можно было разглядеть, в нем сохранялось почти незаметное эхо прижизненных эмоций. Жаннэй он просто не видел.

Он не понимал, почему Юлга начинает так предвзято относиться к Ярту, стоит тому хоть немного расслабиться и выпустить на волю свою некромантскую энергию. Но теперь, впервые столкнувшись с человеком, чьи эмоции не смог почувствовать, он тоже испытал эту иррациональную неприязнь. Он моргнул и вернулся к нормальному зрению.

Девушка-то была премилая, в позапрошлом веке ее бы вообще считали первой красавицей. Подчеркнутая тоненьким полупрозрачным платьем высокая грудь, длинная белая шея, красивая голова с остреньким подбородком, уложенные в сложную прическу белые волосы, тонкие, четко очерченные губы, маленькие прижатые к голове ушки, будто выточенный из мрамора нос с истинно валарской горбинкой, высокие скулы и черные, как у жука, глаза. Варт не мог никак различить, где радужка, а где зрачок.

Несколько раз, как мантру, повторил себе, что Жаннэй — часть Круга Юлги, а значит, опасности не представляет, но все равно не мог успокоиться. Рядом с ней было холодно, хотя солнце припекало по-летнему. Он решил как можно быстрее сдать ее с рук на руки Юлге, пока они будут знакомиться-радоваться тихонечко самоустраниться, и стараться больше с ней не пересекаться.

— Почему он должен был меня испугать? — Спросила Жаннэй простодушно. — Вряд ли ребенка отправили бы гулять с чем-то опасным. Я в квартале некромантов; любой встреченный здесь Ходячий находится под контролем. Вот встретить я Ходячего у каких-нибудь прогнозистов...

Она пожала плечами. Варт перевел тему.

— Вы к Юлге?

— Ее зовут Юлга? Нашу подругу силы Земли? Ко мне можно на ты.

Варта покорило слово «нашу». Не хотел он иметь с этой бледной немочью ничего общего, его бесила ее фамильярность... но внешне он этого никак не показал. Улыбнулся вежливо, сказал:

— Пойдемте, доведу вас до дома Хин и разбужу Юлгу, если она до сих пор не встала.

Развернулся к ней спиной, стараясь забыть, что взгляд черных глаз наверняка теперь устремлен ему в затылок, бездонный, как дуло пистолета.

Когда Варт постучался, Юлга была уже одета. Перечитывала запись своего сна про Тянно, пытаясь вытащить побольше информации. Позавчера Ярт сказал, что Селия выехала из Хаши. Поезд до столицы идет двое с половиной суток, так что скоро мама придет и обязательно устроит ей экзамен. А Юлга же совсем ничего не успела выяснить! Перетрогала всех зверюшек, все ковры, штормы, даже шкаф — и ни-че-го, как будто дар отказал.

Варт вломился как раз тогда, когда Юлга топила себя в самоуничтожении. Он был какой-то... слишком уж жизнерадостный.

— Там твоя подруга из Круга пришла. Воздушница, зовут Жаннэй... Знакомиться. Спускайся. Она очень просила поторопиться.

Юлга встала из-за стола, захлопнув блокнот.

— Ты со мной?

— Не как-нибудь сами посекретничайте, мне надо в душ.

И правда, на спортивной майке Варта расплывались огромные пятна пота, да и пахло от него соответствующе. Он еще ни разу не являлся Юлге в таком виде: видать, Жаннэй застала его врасплох.

Жаннэй и Юлгу застала врасплох. Юлга спустилась в гостиную и увидела Жаннэй держащей ладони над большим стеклянным шаром, наполненным разноцветным дымом.

Применять дар в чужих домах без разрешения хозяина было, по меньшей мере, бестактно и Юлга замерла в недоумении.

— Привет, я Юлга На...

— Тс-с-с! — Шикнула Жаннэй, — Знаю. Жаннэй из рода Есса. Садись и смотри.

Юлга подумала, что вряд ли сокружница причинит ей хоть какой-то вред, и села на диван рядом с Жаннэй. Вгляделась в шар.

Мужчина в красном по-военному четко кивнул, щелкнул каблуками — с церемониальных шпор сорвалась пара искр...

Когда люди в шаре говорили, Жаннэй их озвучивала. Она умела читать по губам.

Когда Селия пожала руку Зенуку, Жаннэй отняла руки от шара.

— Сеанс окончен. Предвосхищая вопросы: это была прямая трансляция.

Руки у нее дрожали, на бледном лице выступили капли пота.

Юлга не знала, что и думать. В голове мысли о том, что Зенок, этот забавный рыжий мужик, маму-то явно зацепил, сменялись мыслями о том, что Жаннэй наверняка знает слишком много о ней и о других, с такой-то способностью. И что подобный дар для следящей-сопровождающей даже лучше, чем ее, Юлгин, дар, и что она не понимает, зачем Жаннэй пришла сюда и провела трансляцию...

— Зачем...

— За опеку надо мной, скорее всего, не будет борьбы, если я о том позабочусь. — Сказала Жаннэй ровным тоном, ни единой эмоции не было в ее речи, даже голос не дрожал

от усталости, — В роду Есса сейчас только один человек, это я. Именно поэтому встал вопрос, кто возьмет меня под опеку.

Юлга кивнула, устроилась на диване поудобнее. Приготовилась к долгому объяснению.
— Продолжай.

— Если бы я ничего не решилась предпринять, я бы досталась Вио из рода Улы. Ты, Юлга, из Хаша, Ведомственного городка захудалых только что возникших родов и полукровок.

Юлга чуть обиделась, но спорить не стала. На правду не обижаются. Жаннэй продолжала.

— Ты не знаешь родовой системы Тьена... Взять хотя бы квартал, где ты сейчас живешь. Тут семей рода Хин, наверное, шесть, и та, к которой принадлежат твои родственники — далеко не старшая. А над родами Хин, Ван, Дах, Фан и Мин стоит род Окоса, который является главным родом некромантов в Тьене. А главный в этом роду — Кеххен из рода Окоса, но, к счастью, он совершенно не интересуется властью, регулируя лишь вопросы частные, не пытаясь действительно управлять некромантами. Некроманты всегда славились свободой нравов и готовностью перенимать новое, иначе бы они просто не выжили. Стил Кеххена — единственный возможный стиль управления людьми с подобным даром.

Юлга вздохнула.

— Ты не могла бы подождать, пока я сбегая за блокнотом? Если я не запишу, я запутаюсь. Можешь пока сделать себе чая, кухня там...

Через десять минут Юлга старательно конспектировала то, что говорила Жаннэй. Жаннэй иногда делала паузы, чтобы Юлга успевала, и чтобы глотнуть чая и ополоснуть пересохшее горло.

— После инициации Круга я знала, что мне придется перейти под опеку другого рода, даже не так, меня обязаны будут взять, потому как обеспечивать себя сама во время учебы я буду не в состоянии, а стипендию дают только одиночкам. Я тщательно изучила вопрос. Вио из рода Улы — главный в роду Улы. У водников род-исток, или, как у вас говорят, корневой род — это род, к которому в данный момент принадлежит жрец Многогранной Богини. После женитьбы на Ние, помнишь, Вио об этом упоминал? Анген станет помощником старшего жреца, после смерти Вио главным родом водников Тьена станет род Ялы... К сожалению, это случится не скоро, а в случае, если меня возьмет под опеку Вио, я попаду в род Улы. У водников достаточно патриархальный уклад, они крепко держатся за традиции, а род Улы — крепче остальных. Я буду чужачкой в этом роду, разменной монетой чужой крови, которую не жаль подбросить врагу... У водников гораздо больше родов чем у некромантов, поверь, и то, как они грызутся за власть... Я не хочу попасть в это гнездо ядовитых змей.

Юлга хмыкнула.

— А Зенок реррей, ему такое ярмо на шею тем более ни к чему? И ты намекаешь на то, что хочешь в род... — Жаннэй хотела что-то сказать, но Юлга перебила, — Нет-нет, сейчас сама догадаюсь! Вряд ли род Наль, потому что наш род захудалый и в нем всего-то двое человек, я да мама, Зенок и то имеет больше поддержки. Но род Хин — идеальный вариант, так? Это не род твоей сокружницы, но достаточно близкий ей по крови род.

— Нет. — Жаннэй покачала головой. — Я хочу в твой род, Юлга. Хочу быть Наль.

— Почему?

— Все просто. Род Наль пользуется поддержкой рода Хин, таким образом я убью двух зайцев одновременно. К тому же ваш род свежееиспеченный, и я не буду чужой кровью, потому что у вас своей-то всего пара капель. Я не нужна никому, кроме водников, а надо, чтобы была нужна твоему роду.

— Ты моя сокружница, Жаннэй. Но тебе не кажется...

Жаннэй пожала плечами.

— Нет, не кажется. У меня нет выхода, либо я ухвачу кус не по зубам, либо погибну. Поверь, я найду, что предложить твоей матери. Просто.... Представь меня как свою сокружницу. Тебе, Юлга, ничего не надо решать, можешь просто плыть по течению, как плывешь всю свою жизнь, но не смей осуждать других за то, что им приходится барахтаться.

Юлга протянула руку и коснулась плеча Жаннэй.

Тьма и подзатыльник: впервые кто-то смог поставить блок! Юлга потеряла мигом заболевшие виски. Жаннэй смотрела холодно и спокойно, ее черные глаза, казалось, высасывали душу.

Юлга скривилась.

— Жаннэй, я верю, ты многое пережила. Ты потеряла родителей. У тебя на лбу во-о-от такая надпись: «девица в беде, спасайте». Я понимаю, что тебе трудно. Но если просишь — проси вежливо.

— Я была предельно честна. Что тебе еще надо? Расшаркиваний? — Жаннэй спрашивала это без капли раздражения, нейтральным тоном.

Ни тени эмоций. С ней что-то не так. Она как будто не понимала, какую реакцию могут вызвать ее слова, и говорила то, что действительно думала. Это было... непривычно. Юлге понравилось: впервые кто-то был с ней настолько прямолинеен.

— Я не говорю, что отказываюсь. — Юлга пожала плечами. — Я представлю тебя матери и так далее, я даже скажу, что всю жизнь мечтала о такой сестре. Но если ты думаешь, что я смогу скрыть от нее хоть одно сказанное тобой мне слово — ты ошибаешься.

— Я не ошибаюсь. Но вам нравится, когда говорят то, что думают.

— Откуда ты знаешь?

— Я наблюдала за вами.

Юлга поежилась. Вот как теперь избавиться от ощущения, что пристальный взгляд Жаннэй сверлит ее спину?

— Вам не кажется, что за нами кто-то следит? — Селия поежилась.

Зенек ответил, не задумываясь:

— Казалось, когда мы были в гостинной у Вио. В следующий раз стоит подобрать более... нейтральную территорию, не находите?

— Не нахожу. — Селия улыбнулась, самую чуточку кокетливо, — Я вообще понятия не имею, где нахожусь, я никогда не была в Тъене, мне что дом жреца Улы, что Дом Заседаний... — Она махнула в воздухе здоровой кистью, — одинаково незнакомы.

Она покривила душой: была, конечно, была и не раз, и в ведомственных командировках, и на ковер являлась... но это была безобидная ложь, игра. И Зенек мог принять ее, согласиться на роль радушного хозяина, а мог не принять. Он принял.

— О, здесь неподалеку есть отличное местечко. Не хотите ли прогуляться?

— Давайте перейдем на ты... Все-таки, почти родственники... теперь-то. Конечно, я не против.

Они медленно шли по набережной. Тишина затягивалась, и Селия, чтобы сказать хоть что-нибудь, сказала банальность.

— Я и не думала, что Юлга окажется в Кругу.

Зенек оглянулся на нее с интересом.

— Вы... Ты так говоришь, как будто и не рады... рада.

— Конечно, я не рада! — Возмущенно ответила Селия. — Круг — это слишком тяжелое ярмо, чтобы цеплять его на шею в семнадцать лет. Никогда не одобряла этой практики. Духовное единение, полноправный союз четырех личностей, сокружницы ближе сестер, потому что сестер не выбирают и ближе подруг, потому что подруги предают... Какой феерический бред! Да у них еще и личности-то не до конца сформировались, там гормонов больше, чем личностей, а туда же... единый круг и на всю жизнь. Не думаю, что увеличение чистой силы того стоит.

Зенек пожал плечами.

— Я никогда не разбирался в духовных практиках, но я видел, как работают ребята-сокружники. Мощь!

— Вам, воякам, лишь бы бахало погромче. — Ворчливо ответствовала Селия. — А с том, что будет после «бах» вы и не думаете. А после взрыва всегда бывает чья-то смерть.

— Так уж и всегда? — В голосе Зенка слышалась насмешка.

— Всегда. — Серьезно ответила Селия. — Войны не было давно, мальчишки-добровольцы просто сидят по шесть лет в казармах, где учатся обращаться с ружьем и шагать строем... А те, что с военного, все эти шесть лет ничего не делают, разве что старательно забывают все то, что дало им Ведомство, возвращаются домой и числятся в запасе... Но однажды что-нибудь, кто-нибудь взорвется. Всегда что-нибудь взрывается.

— Ты мало знаешь об армии. Нет, ты ничего о ней не знаешь.

— Где уж мне? Я подчищаю последствия взрывов, мне не до политики и не до смежных областей. Я сорвалась сюда из ведомственной командировки, хорошо, удалось повязать беднягу быстрее, чем рассчитывали. — Селия машинально сунула искалеченную руку в карман, крепко сжав кулак.

Она всегда так делала, не позволяя чужим воспоминаниям вырваться на волю.

— А куда они попадают потом? Психи? — Спросил Зенек с жадным, каким-то совсем детским любопытством.

Селия отвернулась.

— Ведомственная тайна. — Соврала она и поспешно перевела тему. — Как бы то ни было, я хотела сказать тебе, что рада, что именно твоя дочь начала танец. Ты не самый неприятный вояка из тех, кого я знаю...

— Прибереги эту фразу для Вио из Улы: он любит длинные, запутанные, лживые речи.

— Я ее ненавижу. — Согласилась Селия. — Я ненавижу твою дочь за то, что она искалечила жизнь моей дочери.

— Так-то лучше.

— Но могло быть хуже.

Зенек улыбнулся.

— Вот теперь — правда.

— Насчет протекции...

— Я был серьезен. У вас, следящих-сопровождающих, чем выше чин, тем больше ответственность. А более безответственной девчонки, чем Майя, не найти во всем Кетте. Пусть уж носит кофе, пока может. — Зенек пожал плечами. — Авось, повзрослеть успеет. Твое искушение побольше: о твоей дочери отзывались как о достойной замене.

Селия чуть склонила голову на бок.

— Кто, если не секрет?

Зенек замялся, но все же выдал товарища.

— Йелх из рода Выя... — и запунцовел, как школьник.

Селия беззаботно рассмеялась над его смущением, от чего тот покраснел еще больше.

— А я, конечно, — Селия перестала смеяться и вытерла выступившие слезы, — могла бы сказать: «Юлга, лапочка, вот тебе непыльная работенка на всю оставшуюся жизнь». Могла бы устроить ее так, чтобы ей почти ничего не пришлось делать. Да только я — не вечная. Однажды я умру, и, если учесть род моих занятий, — Селия повела в воздухе искалеченной рукой, — скорее рано, чем поздно. И тогда она останется одна. Если ее работа, ее доходы, ее признание — если все это будет подарено мной, то что будет, когда Окос заберет меня? Окос заберет и их: кому нужно имя мертвого, слава мертвого, поручительство мертвого? Нет, лучше пусть она сама всего добьется, а я просто направлю ее на верный путь. Тогда это будет ее имя и ее слава. Тогда она действительно будет достойной заменой. Только вот Круг никак не входил в мои планы... в нашем деле проще быть одиночкой. Хотя я не знаю, возможно, оно и к лучшему... да кому я вру, я не верю, что это к лучшему.

Зенек ничего не ответил: он явно не ожидал такой откровенности.

Они как раз вышли из квартала водников и попали в земляной квартал. Рядом с широким тротуаром, подальше от заасфальтированной дороги была полоска мягкой земли, поросшая травой. Травой свежей, несмотря на разгар лета: за ней явно ухаживали, поливали. Селия сняла мокасины и взяла их в здоровую руку, пошла по траве, не боясь ее помять. Трава за ней сразу же распрямлялась.

Вздумай Зенек повторить этот фокус, он бы порядком травы вытоптал, но он был не дурак и не ребенок, а потому не пытался. Зато, лениво думала Селия, Зенек может ходить по углям, а она — нет. А некоторые водники, говорят, умеют ходить по воде... Вио, хитрый змей, скорее всего скользит животом, извиваясь всем телом...

А Зенек-то женат, в личном деле была пометка. Правда, с женой давно уже не живет, разошелся, но мало ли, хранит чувства: при этакон забавнон смесн наивности, грубоватости и юношеского максимализма во взрослом сорокалетнем мужике все может быть.

Впрочем, не стоит забывать, что сейчас он общается с приятной женщиной, можно сказать, отдыхает, а с сослуживцами вряд ли так открыт. Она тоже очень давно не ходила босиком...

Глупые мысли, летние мысли, нужно говорить о деле.

И Селия говорит.

— Что насчет Жаннэй?

— А что насчет Жаннэй? Ее возьмет Вио.

Видно было, что об ином исходе Зенек и не задумывался. Селия, в общем-то, знала, что он отреагирует именно так. Как бы наивен и добр этот великан не был, мысль о том, чтобы просто так взять на воспитание чужую девчонку, вряд ли пришла бы ему в голову.

— Если она не глупа, то придет проситься в мой род. — Наткнулась на непонимающий взгляд Зенека и объяснила как можно проще. — Всякие женские законы вроде «не хочется замуж по расчету» в голову ударят — и придет. Так вот, если мне девчонка понравится, я скажу об этом на следующей встрече... Ты не мог бы оказать мне одну маленькую услугу? Поддержи меня.

— Не понимаю, зачем. — Пожал плечами Зенек. — Но раз ты просишь...

Потом они вовсе перестали говорить о делах, перебрасываясь малозначащими репликами. Они поужинали в неплохом ресторанчике в квартале огневииков, из тех, которые открыты чисто для своих, было чуть островато, но вкусно, а когда начали спускаться сумерки, Селия извинилась и сказала, что она бы и еще посидела, но ей пора к дочери.

Чуточку подвыпивший Зенек вызвался проводить ее к некромантам, а она подумала — а почему нет? И согласилась.

В прихожую Хинов, боги, так вот где Ато жила всю свою юность, она прокралась тихонечко, на цыпочках... но, кто бы сомневался, попала под серьезный взгляд дочери, как под прицел.

Как-то сразу поняла, что Юлга-то видит и ее красные щеки, и припухшие губы, и понимает, что бокалов вина было на парочку больше, чем надо, но только чуть глуповато улыбнулась. Не, ну а что, не только же дочерины проблемы в столице решать? Она тоже имеет право чуть расслабиться. К тому же она провела время не без пользы, обзаведясь решающим большинством голосов в родительском совете.

Юлга и не думала осуждать, она улыбнулась в ответ, сорвалась с места и повисла на матери...

Юлга почти не спала ночью.

Нет, она честно легла: проводила мать до гостевой комнаты, показала, где что, ушла к себе и легла. Варт, кстати, исчез в неизвестном направлении вместе с Жаннэй как только Селия оказалась на пороге, предоставив Юлге втаскивать это счастливое тело вверх по лестнице в одиночку.

Легла, проворочалась час, а потом забылась сном на несколько минут и проснулась от того, что мимо дома проехала машина. Юлга проводила взглядом пятно света от фар, проползшее по потолку и почему-то вспомнила, как ездила в далеком детстве с матерью в горы и несколько недель жила в деревне. Юлге тогда было пять или шесть... и точно так же

гудел проезжавший в предрассветных сумерках в сторону коровника молоковоз.

У Селии была одна дурная привычка: на новом месте она всегда находила себе ухажера и абсолютно искренне в него влюблялась. Вот куда бы Юлга с матерью на отдых не ездила — всегда так было, и вряд ли иначе бывало в командировках, куда Юлгу никто не брал. Юлга всех этих разномастных мужчин даже не запоминала, называла про себя по имени города или деревни, потому что по сути Селия влюблялась скорее в место, чем в мужчину, влюблялась как кошка; и теперь Юлге было крайне интересно, каков из себя дядя Тьен.

Наверняка это ухоженный и велеречивый мужчина, который сорит деньгами направо и налево, погряз в интригах по самую макушку, и... и... Тут Юлга задумалась о точном значении слова «велеречивый», всплывшего откуда-то из глубин школьной программы по литературе, и как-то внезапно вспомнила, что завтра Селия потребует от нее отчета, а она почти ничего и не узнала!

Она встала и стала лихорадочно перебирать голыми руками Яльсины безделушки: те молчали. Вообще никакого отклика. Совсем никак. Молчали косоглазые собачки, молчали пастушки, молчал плюшевый тигр с пожеванным ухом, который был просто обязан знать парочку Яльсиных детских тайн.

Юлга испугалась.

Может, Жаннэй в ней что-то поломала? Но сокружница не может причинить вреда сокружнице, даже нечаянно! Не может, не может — Юлга сама не заметила, как начала шептать эти слова под нос, как заклинание.

Юлга испугалась настолько, что решилась взяться за ручки шкафа и еще раз посмотреть на падение дома — просто чтобы знать, что может смотреть.

Она уже протянула трясущиеся руки, и тут в дверь постучались. Юлга бросила взгляд на часы: четыре десять утра. Таким жаворонком мог быть только Варт.

— Ты отвратительно выглядишь. — Выдал он с порога. — Просто отвратительно.

— Эй! — Возмутилась Юлга.

Варт окинул взглядом комнату. Расширенные зрачки его блеснули в сумерках зеленым. Юлга не включала свет, все равно для работы предметы нужно было ощупывать, а не рассматривать, к тому же ее глаза уже привыкли к сумеркам, но Варт, Юлга была точно в этом уверена, заметил тот кавардак, который она успела устроить, когда обыскивала комнату. И ничего не сказал, за что она была ему крайне благодарна.

Варт принялся. Всклоченные волосы, напряженные плечи: он был похож на худющего помойного кошака, учуявшего проблемы. Вот еще бы зашипел...

— Представляешь, — Сказал он таким светским тоном, как будто они сидели в кафе за чашечкой горячего шоколада и на улице был белый день, — Послезавтра возвращается отец.

— ...и?

Должно же быть какое-то продолжение, какой-то логический вывод? Ну, приезжает и приезжает, Юлга здесь причем?

— Ничего, подумал, вдруг тебе будет интересно... ну... помочь. С уборкой. — и уточнил. — Мне. Дома. Мама в больнице, Яр в больнице... Отец любит, чтобы дом блестел по ушам надает...

И чуть пригнулся: мог бы прижать уши, прижал бы. Юлга кивнула: действительно, не Жаннэй же ему об этом просить.

— А что так рано?

— Так ты же не спишь. — Варт пожал плечами. — и... Как показывает практика —

лучше начать пораньше. Сама понимаешь: два этажа, восемь комнат, а еще гостиная и кухня, есть где развернуться, а?

Юлге оставалось только кивнуть.

— А-а-атлично! Вот и начнем!

Это Варт сказал преувеличенно жизнерадостно, увлекая ее по коридору, а потом вниз по лестнице. Когда она оказалась посреди гостиной, он хлопнул себя по лбу:

— Точно! Воды набрать! — и испарился куда-то в сторону ванной, оставив недоумевающую Юлгу одну.

У нее было странное ощущение, что Варт ломает комедию. Вообще-то Варт был крайне склонен ломать комедии и на пустом месте, но иногда он ломал их просто так, из любви к искусству, а иногда с какой-то целью, и вот эту-то разницу Юлга пыталась научиться различать.

Пока получалось не очень.

Юлга обошла гостиную в поисках выключателя: Варт тоже не потрудился включить свет. В процессе обхода она наткнулась на огромную дубовую дверь. Ну, то есть как «наткнулась», эту дверь было сложно не заметить.

Кажется, Варт говорил, что это дверь в отцовский кабинет. Выглядела дверь солидно: дерево наверняка было очень старым, когда его рубили, охранная резьба выглядела скорее произведением искусства, чем просто охранной резьбой, и массивная литая дверная ручка была сделана из явно непростого сплава. Она оказалась теплая на ощупь...

...Варт вернулся с пустыми руками. Осторожно тронул за плечо стоящую у двери в трансе Юлгу, удовлетворенно хмыкнул. Этого-то он и добивался.

Он тоже плохо спал и в какой-то момент просто не выдержал и пошел исправлять ситуацию. Конечно, повинен в его бессоннице был не только страх Юлги провалиться перед матерью. Свою лепту вносила и Селия, и Жаннэй... Но только Юлгу Варт знал достаточно, чтобы пойти исправлять все с утра пораньше.

Варт подумывал оставить этот дом до тех пор, пока здесь все не подуспокоится. Если к постоянным скачкам настроения Юлги он еще мог привыкнуть, то остальных терпеть просто не видел смысла. С ними-то он ничего сделать не сможет. Пожалуй, стоило напроситься к Керну... А с Селией пусть Ярт разбирается.

Варт притащил себе из кухни табурет, уселся поудобнее, прислонившись спиной к двери и призадумался, как бы половчее исчезнуть — хотя бы до отъезда Юлгиной матери.

Огонек.

Далеко-далеко теплился огонек.

И Юлга пошла к нему, преодолевая плотный, как вата, воздух, взяла его в руки. Он расцвел, окружая Юлгу огненными лепестками, и в темноте заплясали две тени — еще более темные, чем темнота.

Мальчик — нет, не мальчик, юноша.

Девочка — нет, не девочка, девушка.

Голоса — сначала тихие, тени голосов, они становились громче, пока не стали почти реальными. Тени становились ярче и ярче, пока Юлга не смогла различить молоденькую тетю Ато и Ярта, у которого было такое юное, такое живое лицо, что Юлга узнала его не сразу. Узнала не по лицу — по язвительным интонациям его голоса.

— Подслушиваешь? — Спросил Ярт.

Яльса вспыхнула, смешалась, спрятала лицо в ладонях: ей было очень стыдно. Ярт же продолжил этак барственно:

— Ничего ты так не услышишь. Тут стакан нужен и знать, куда прислонять. Давай, мухой на кухню за стаканами!

Огонек мигнул; Яльса стояла в той же позе, но в руках у нее было два высоких стеклянных стакана из под сока. Она несмело протянула их Ярту, руки у нее дрожали.

— А...

— Если ты хочешь знать, как я обошел защиту — я проставился подмастерью! — Хвастливо ответил Ярт на невысказанный вопрос. — Прислоняй во-о-от сюда, слушай!

«Да он же рисуется перед ней!» — Восхитилась Юлга. — «В жизни бы не подумала, что Ярт может вот так вот по павлиньи распускать перед девушкой хвост».

Огонек снова мигнул.

Яльса сидела на полу, обняв колени, и почти шептала.

— Они... такие добрые... — Уже чуть громче. — Они хотят меня принять, но у них же будут проблемы!

— Тише ты, не ори! — Отрезал Ярт, присаживаясь рядом с Яльсой на корточки. — Ничего у них не будет, папа знаешь какой влиятельный! Скажет слово, и этот старый пердун Орку Дафл рот-то и захлопнет.

— Я не понимаю, зачем они так...

Ярт махнул рукой.

— Тут все просто: мама думает, что мы поженимся.

«Действительно просто», — подумала Юлга, — «только он как-то странно к этому относится для парня, который недавно отказал.»

Яльса, наверное, подумала то же самое.

— Но ты же меня не любишь!

Ярт пожал плечами.

— Угу. Я никого не люблю, так что какая мне разница?

Яльса зло свернула глазами, и Юлга наконец узнала в этой потерянной девчонке будущую тетю Ато.

— Мне не нужен муж, который меня не любит! Тебе-то, может, разницы нет, а мне есть! — Твердо сказала она. — Я тебя обязательно разлюблю и полюблю кого-нибудь другого. Доброго и хорошего, вот! Который не будет меня оскорблять через слово, будет пылинки сдувать, ясно тебе?

Ярт ухмыльнулся — и Юлга будто увидела взрослого Ярта.

— Ну, попробуй. Посмотрим, как получится.

И резко встал, отряхивая брюки.

— А тете Талине я так и скажу. — Яльса встала тоже. — Скажу, что подслушивала, скажу, что замуж за тебя выходить не буду... Поблагодарю... Я не хочу, чтобы у вас из-за меня были проблемы...

Ярт вцепился Яльсе в плечи: лицо у него было бешеное.

— Дура, да? Дура? Ты вообще знаешь, что это за род такой, Дафл? Да они хуже водников, застряли в каменном веке, до сих пор братьев на сестрах женят, чтобы чистоту крови сохранить! Ты там грязью будешь, прибудышем — этого хочешь, дура? Наши проблемы тебя вообще беспокоить не должны, их старшие разрулят! Наши проблемы — не твоего ума дело, дура! Свои решай, раз уж есть возможность, хоть раз в жизни займись

собственными проблемами, поняла?

— Я врать не хочу, debil! — Огрызнулась Яльса. — Ясно тебе? Противно мне врать! Противно сидеть на чужой шее!

— А придется! — Рывкнул Ярт. — Придется, поняла? Раз уж приперлась в этот дом, так тут и оставайся! Только попробуй с шеи слезть, я лично к Дафлам в родовое гнездо пойду, тебя заберу и отведу в храм!

— Хочешь сказать, что иначе тетя Талина...

— Да. — Тихо ответил Ярт. — Тетя Талина — это не добрый дух из сопливых историй. За будущую невестку она глотку любому вырвет. За девчонку-сиротку с улицы... тебе очень повезло, что она как-то узнала о твоём признании, не отказывайся от подарков судьбы. Ну, или можешь вернуться и попросить кого-нибудь завалить тебя бетонной плитой. Только выбирай побольше, чтобы наверняка.

Он отпустил ее плечи, сунул большие пальцы в карманы брюк.

— и что делать?

— Что-что. Ты отлично справляешься: продолжай смотреть на меня влюбленными глазами и будет тебе счастье. — Фыркнул Ярт. — Приставка «Хин» к имени рода: Хин-Тато. Звучит? И врать не придется, ты ж меня влюблена. Просто немного... недоговоришь. Дай маме помечтать. А не дашь, так маме и мечтать не придется, я сам все сделаю.

Яльса смотрела на Ярта... Юлга тоже на него смотрела: худой угловатый подросток, который изо всех сил старается смотреть на Яльсу сверху вниз. Вообще-то получается, он выше ее на добрую голову. Указательные пальцы выбивают по ткани какой-то сложный ритм: он нервничает, но изо всех сил старается это скрыть. И в случае не менее взвинченной Яльсы его старания не проходят даром — она смотрит на него так, как будто верит в то, что он знает, что делает.

Но почему Ярт это делает, почему рискует собственной судьбой? Неужели связало неудачное признание, комплекс вины? Пожалел? Юлга спросить не может, но, к счастью, Яльсу мучают те же вопросы. Ей терять нечего.

— А ты что, как раз добрый дух? Пожалел сиротку? Настолько пожалел, что аж жениться готов, так что ли?

— Хочешь так думать — думай. — Ярт пожал плечами. — Твое дело. Я тебе ничего объяснять не обязан. И не буду. И вообще, я спать пошел.

Развернулся и утопал в сторону лестницы. Яльса, чуть поколебавшись, последовала за ним.

Огонек снова мигнул, пожирая собственную иллюзию, а потом вдруг вывернулся наизнанку и окутал Юлгу липкой тьмой.

В сердце тьмы плакал ребенок, и этот плач становился все сильнее и сильнее, переходил в нечеловеческий вой.

«...третью няньку уморил...»

«...жаль, что он не родился девочкой...»

«...если ничего не предпринять, он погибнет...»

«...он все равно умрет; какой толк...»

«...не трогайте его, он должен научиться справляться сам...»

«...лучше оставить его одного...»

«Варт? Варт, ты меня слышишь? Не бойся, это я... тут нет никаких монстров... ш-ш-ш, не бойся, только не бойся, я здесь, здесь, рядом»

И тьма отступила.

Мальчик сидел на кровати, а рядом с ним, на полу, сидела Яльса. Ее трясло, как в лихорадке. Впрочем, рука, которой она гладила маленького Варта по волосам, не дрожала.

— Ш-ш-ш, маленький, под кроватью никого-никого нет, совсем никого. Только не бойся, ладно?

Варт длинно, протяжно всхлипнул.

— Ну вот чего ты боишься? — Спросила Яльса, — Скажи. Если поймешь, чего боишься сразу поймешь, как это победить.

Варт молчал.

Яльса склонила голову на бок.

— Вот как... Ты совсем-совсем не говоришь? Не сделаешь исключение для меня?

Варт замотал головой. Его неплохо было бы подстричь: неровная челка доходила до кончика носа.

— Давай пойдем и умоемся. — Решительно сказала Яльса, подхватывая Варта на руки. — Страх липкий, обязательно умыться надо. Мне бабушка говорила. А бабушка разбиралась! Знаешь, какие сказки бабушка рассказывала? К ней со всего дома сбегались дети, послушать. Она выходила из дома и ей говорили: «здравствуйте, мудрая Яо, не посидите сегодня с нашими детьми?» и у меня всегда было много друзей, всегда-всегда, и все они приходили играть к нам, и слушали бабушкины сказки...

Она и сама не заметила, что плачет. Не заметила, как затих Варт, зачарованно следящий за слезой, бегущей по ее щеке. Протянул руку и потрогал щеку пальцем. И вдруг что-то изменилось, что-то неуловимое в Яльсином лице. Наблюдавшая со стороны Юлга вдруг поняла одну простую вещь.

Больше Яльса никогда не заплачет по бабушке.

Видение опять свернулось в черный клубок, выплевывая ее обратно в реальность. Шепнуло на прощание строгим голосом Тянно: «Сказочники всегда живут на отшибе, ибо нет такого сказочника, что не сделал бы однажды роковой ошибки».

Юлга осознала себя сидящей на диване в очень неудачной позе. Она высвободила из-под головы собственную руку, которая ощущалась чужой и резиновой. Затекла.

Рядом дремал Варт. Впрочем, стоило ей неловко пошевелить затекшей рукой, он открыл глаза.

— Как оно, много узнала?

— Ты за этим уборку и придумал? — Спросила Юлга строго.

— Нет, почему же? Вон ведра, вон тряпки; просто будить не хотел. — Варт махнул рукой в сторону. Там действительно лежали сложенные аккуратной кучкой тряпки, веники и швабры и стояли два алых пластиковых ведра, почти загородившие маленький пылесос. Все это вместе напоминало какой-то алтарь богу уборки.

Юлга невольно улыбнулась и тут же посерьезнела, вспомнив липкую тьму.

— Скажи мне, Варт, почему ты не говорил?

— Что не говорил?

— Не говорил до семи... или до шести?

— Не видел смысла. Слушай, разве твое задание — не Ярт и Яльса?

— Они мое задание, но ты-то мой друг.

Варт отвернулся. Юлга забеспокоилась.

— Мы же друзья, правда? — Спросила она.

А то мало ли, вдруг она приняла хорошее к себе отношение за дружеское, и сейчас навязывается? Ну да, Варт рассказал ей то, что людям с улицы не рассказывают, ну и что? Может, это эффект попутчика, о котором говорил Ярт, и Варт рассказал только потому, что думал, что Юлга в этом доме не задержится? Или рассказал, потому что для того, чтобы понять, что именно случилось с Яльсой, это надо было знать? Или...

— Друзья, конечно... Панда. — Поспешно ответил Варт, пресекая ее лихорадочные размышления. — Просто неожиданно ты это сказала, у меня не так много друзей, на которых не было... воздействия. Тебе-то можно признаться.

На это неожиданное и неловкое «панда» было невозможно обижаться. Надо же, А Юлга и не заметила, как соскучилась по этому прозвищу.

— То есть и на Яльсу...

— С таким сопляком никто никогда занимался. Мелкий эмпат не особо понимает, какие эмоции его, а какие — чужие, и рядом с ним старались не задерживаться, чтобы не путать еще больше... Думаю. Яльса просто прониклась к сопляку сочувствием, она была одинока, а когда женщина такого типа одинока, она всегда ищет ответственность, которую могла бы взять. Я ее не... я не мог... я тогда просто не умел манипулировать чужими эмоциями, так что нет. Слушай, это не то, о чем хочется вспоминать, поганое было детство. Можно я не буду?

— Яльсу приняли в род...

— Естественно.

— Нет, я не об этом. Я видела, как решали, принимать ли Яльсу в род.

Варт оживился.

— Рассказывай!

— Ну, то есть я не видела Талину и... Окос, я не знаю, как зовут твоего отца, представляешь? То есть ты называл его имя, когда клялся, но я, честно говоря, забыла уже...

— Пекх Хин... — Варт предостерегающе поднял ладонь, — Прошу, без шуточек про кашель! Он от этого впадает в буйство и поднимает пару трупов.

Юлга рассмеялась, вспомнив Омо, злого некроманта из сериала для детей. Там еще была парочка из Ведомства, блондинка-воздушница Ала и рыжий огневик Ере, в которого были влюблены все семилетние девочки Кетта, и собака. В конце серии некроманта всегда побеждали... Хотя была пара серий, когда все трое работали вместе — когда в Тармыша, овчарку Алы и Ере вселился дух пса Окоса, и ее надо было поймать, чтобы предотвратить конец света.

Вряд ли Пекх из рода Хин носил готичный черный плащ и высокие резиновые сапоги, как некромант из сериала, но если у Юлги и были какие-то смутные опасения, связанные с его приездом, то они испарились.

— Всегда думала, что они поженятся в конце. Ала и Ере. — Сказала Юлга, отсмеявшись.

— Да ладно, Омо лучше. — Отмахнулся Варт. — Он же был влюблен в Алу.

— Да ну? И поэтому вечно натравливал на нее всякую пакость?

— Не смертельную же. Считай, за косички дергал: поверь человеку, живущему в некромантском районе, именно так мелкие некроманты за девочками и ухаживают.

— Какой ужас! — Заломила руки в притворном возмущении Юлга. — Не хотела бы я, чтобы в меня влюбился некромант.

— Ничеговы, девчонки, не понимаете! — Вздохнул Варт. — Они же от всей души! А

потом вырастают, и прекращают заниматься всякими глупостями, вроде мертвых крыс в портфеле... Вот мой знакомый невесте на свадьбу подарил настоящего костяного коня!

— Невеста хоть из ваших была?

— Нет. — Рассмеялся Варт. — Но она-то к жениху была привычная, они со школы встречались, так что она и крыс помнит... а вот как теща визжала!

— Ржете тут с утра пораньше, да? — Прошипела незнамо как подкравшаяся Селия. — Развлекаетесь? Людей будите?

Всклоченные волосы и круги под глазами выдавали легкое похмелье.

— Был бы тут Ярт, он бы вам головную боль снял, Селия. По знакомству — Вежливс отвечал Варт.

Каким-то не менее непостижимым образом он внезапно оказался на противоположном от Юлги конце дивана. Иногда Юлге казалось, что все кроме нее знают секрет телепортации и злорадно переихихиваются у нее за спиной, когда она топает куда-то пешком.

— Но и ты легко можешь исправить мне настроение, — оскалилась Селия. — если выметешься отсюда как можно быстрее, я буду с дочерью говорить. — и как будто забыла про его существование вовсе. — Привет, Юлга, разговор у нас будет долгий...

— Вчера ты мне как-то больше нравилась. — Робко сказала Юлга. — Он красивый, да?

Вообще-то это был вернейший способ отвлечь Селию от роли злобной мамыши. Все равно на то, чтобы долго распекать Юлгу, Селии никогда не хватало. Однажды Селия призналась дочери, что та ни разу не сделала ничего такого ужасного, чего бы в свое время не делала бы Селия... ну, или, по крайней мере, ни на чем таком не попалась.

Так что сейчас Селия повелась моментально.

— Ну не то чтобы очень красивый... — Протянула она. — Но очень, знаешь, такой... мужественный.

— Мужественный?

Образ ухоженного интригана лопнул, как мыльный пузырь.

— Огневик. Военный... и... — Тут пришел уже черед Селии отводить глаза, — Так совпало, что отец твоей сокружницы. — Признавать собственные косяки Селия не любила, так что снова ринулась в наступление. — Так, ладно, что это мы обо мне и обо мне. Ты куда ехала поступать?

— Ну, в ТГУ...

— Не «нукай»! А куда поступила?

— В ВГТУ?!

— А теперь ответь, дочь моя, как тебя угораздило?

— Ну... — Юлга смешалась.

— Она не поступила в ТГУ, пришлось подать заявку в ВГТУ за нее. — Встрял Варт. — Я это сделал, потому что мог, конечно.

Селия подняла бровь, всем своим видом вопрошая, что этот наглец здесь все еще делает. Смерила Варта уничижительным взглядом с ног до головы. Юлга молчала: она не понимала, зачем Варт вообще полез в их с матерью разговор. Ладно бы она запаниковала, Варт всегда в таких случаях шел на выручку, но сейчас-то чего?

— А, так это тебя на нее выделил деканат?

— А вас Ведомство приставило к Яльсе? — Улыбнулся Варт так обаятельно, что Юлге очень-очень захотелось потихонечку сползти вниз, под диван.

Она совершенно не планировала, что Варт ввяжется в ссору, ей вообще казалось, что

эмпаты ссор должны избегать. И вместо того, чтобы спрятаться подальше от эпицентра взрыва, она встала между спорщиками.

— Варт, спасибо тебе за твою неоценимую помощь, но с мамой я разберусь как-нибудь сама. Ладно? Мама, это Варт, он мой друг и с ним я тоже как-нибудь сама разберусь, ну?

Селия медленно кивнула.

— Договорились. Пошли в твою комнату, я покажу, как прошла вчерашняя встреча. Если этот...

— Варт, пожалуйста?..

Варт пожал плечами, мол, не очень-то и хотелось. Он выглядел обиженным. Ну вот, а ведь так хорошо сидели! А мама пришла и все испортила. Юлга чувствовала себя маленькой провинившейся девочкой... Он терпеть не могла это чувство. А, главное, ну в чем она виновата-то?

Конечно же, Варт подслушивал. Да в такой ситуации любой бы подслушал: Юлга с матерью за тоненькой стенкой и, несомненно, разговаривают о важных вещах.

Подслушивал, правда, не один. Он не заметил, когда в его комнате оказалась Жаннэй, и испугался, когда увидел ее бледное лицо с провалами-глазами. Кто бы не испугался, впервые кто-то смог подкрасться совершенно неожиданно! Однако ничего с ней поделать не смог. Ей было абсолютно плевать, что он о ней думает, и она ясно дала понять, что либо он ее терпит, либо она поднимет такой крик, что только глухой не догадается, чем Варт с Жаннэй за стенкой занимаются. А Селия — о, Селия далеко не глухая.

Сначала поймет, а потом очень постарается, чтобы Юлга поняла все неправильно.

Варт предвидел, что так и будет. Естественно, Селия Костяная Рука бесится, что за ее дочерью присматривают... Если бы Варт был важной шишкой или хотя бы профессионалом, вряд ли факт слежки и сопровождения так бы Селию раздражал, скорее, она восприняла его как должное. Но он был второкурсником, мелкой сошкой — можно сказать, плевком в лицо Селии от ее столичных коллег.

Уже вторым плевком, если учесть, сколько времени Юлга стояла в общей очереди на поступление, и кто принимал у нее анкету. Вряд ли сама Юлга это понимала, по крайней мере, Варт тогда не чуял ее обиды или раздражения, разве что легкое недоумение, но Селия не понять не могла.

Правда, Варт не думал, что такая личность как Селия будет размениваться на ссоры с ним, все-таки Варт человек подневольный... Он очень надеялся, что она в это поверит. Однако тут он просчитался.

Да, он действительно выбил Юлгу в качестве своей летней практики, увел непыльное дельце у одnogруппника буквально из под носа, и в деканат он тоже явился сам... Однако Селии стоило бы чуть поменьше демонстрировать свое раздражение, все-таки, они почти родичи, и он, Варт, вариант оптимальный. Он не будет болтать лишнего, он не вынесет семейные проблемы на всеобщее обозрение. В конце концов, она и сама присматривает за Яльсой — женщиной, заменившей ему если не мать, то сестру. Яльса стала Селии верным другом: только другу Селия могла доверить воспитание собственной дочери, ну так и ему, Варту, Юлга как-то быстро стала другом, почему Селия не хочет этого понять?

Когда Варт клялся не манипулировать эмоциями Юлги, он был не слишком-то честен. Да, он лишал себя возможности манипулировать ее настроением напрямую... но он думал, что достаточно наблюдал за людьми и сможет обойтись без прямого вмешательства. Он думал, что привяжет ее к себе общей тайной и общим делом.

Варт забыл, что такие связи обычно работают в обе стороны. А что поделать — после спешного отъезда-бегства Яльсы он старался как можно меньше связываться людьми, и в том, что касалось дружбы, был неопытен. Все его друзья были скорее друзьями Ярта, опекавшими его еще с тех пор, когда Варт хвостиком бегал за братом. Кроме них у него была еще целая куча приятелей, но у этих приятелей были свои друзья, и Варта это полностью устраивало.

Юлга как-то слишком быстро стала Варту другом, влезла душу, стоило ему на секунду отвлечься. Наверное, во всем был виноват ее дар... и его дар.

У Варта появился новый друг, первый человек после Яльсы, озаботившийся тем, чтобы

хорошенько в нем покопаться, и ему определенно это нравилось, он хотел, чтобы Юлга дружила с ним как можно дольше. Все бы хорошо, но Юлга была склонна к паранойе, Варт устал закрываться от ее постоянных вспышек паники, устал убеждать ее, что не сделает ей ничего плохого. И вот она начала немного успокаиваться, расслабляться, вот она почувствовала себя почти как дома... и тут приезжает Селия и вся работа Варта насмарку? А вдруг Селия задушит дружбу, пока она в зародыше? Просто чтобы отомстить за неуважение, пристрелить принесшего дурную весть гонца.

Варт был уверен: именно Селия лишила Юлгу веры в людей. Лишила и лишила, ее дочь и ее дело, как Селия дочь воспитывает. Варту было плевать, верит ли Юлга в людей, верит ли Юлга людям. Ему было не плевать, верит ли Юлга ему.

А еще он понимал, что против авторитета Селии потянет вряд ли.

О том, чтобы вмешаться в эмоции Селии он даже думать не хотел. Если она его за этим раскусит, ему крайне не поздоровится, совершенно неоправданный риск.

За стенкой молчали: скорее всего, обменивались воспоминаниями напрямую. Варт даже заскучал было. Секундная стрелка на наручных часах с видимым усилием преодолевала деление за делением, клонило в сон — недосып сказывался.

Потом Юлга сказала, заставив Варта дернуться от неожиданности, чуть не стукнуться локтем о спинку кровати и получить укоряющий взгляд Жаннэй:

— Ну, вот как-то так.

— и что ты поняла? — Спросила Селия строго.

— Ну... Во-первых...

Варт представил, как Юлга наматывает на палец темную прядь волос: она всегда так делала, когда была без перчаток и в растерянности.

— Во-первых? — Поторопила Селия.

— Все началось с того... Я не успела проверить, но Тато — это же род силы Земли корня Дафл?

— Не угадала. Корня Живицы.

— Ну, тогда мать у нее была из ветвей Дафлов... Сестра бабушки, верно? Очевидно. Тогда понятно, почему Дафл должны были Яльсу принять неласково... ну да ладно, если по порядку: в какой-то момент Яльса осиротела и оказалась под опекой бабки... по отцу, получается... Яо Тато...

— Тато-Лад. — Подсказала Селия.

— Тато-Лад... и жила себе спокойненько, пока на ее бабушку не обрушился дом... То есть не так. Если по порядку: она призналась однокласснику в любви, он ей отказал. Он ей отказал, она пошла домой кружным путем, и поэтому спаслась. Она видела, как рушился дом... представляешь? Тут целая куча пятиэтажек, и они могут вот раз... и в пыль...

Варт прикинул, когда Юлга могла это увидеть. По всему выходило, что это была одна из вспышек Юлгиной паники... но которая из? Надо будет спросить.

— Представляю. Нет, не делись! Это твой груз. Твое дело. Ты сама за себя теперь, я так, разве что рядом постою. Не забывай.

— Ла-а-адно. Ну, в общем, призналась она Ярту из рода Хин, сыну Пекха Хина... и его мать, Талина Хин-Элу... как-то об этом узнала... в тот же день. Вот тут, честно говоря, что-то не сходится. По воспоминаниям Яльсы Талина примчалась почти сразу же. Ярт даже тогда не производил впечатления человека, который треплется о школьных делах мамочке... — Юлга сделала паузу, наверное, ждала подсказки, но Селия молчала, и Юлге

пришлось продолжить, — ну и... примчалась и оформила опеку. За Яльсу началась грызня... Почему? У нее же слабенький уровень силы Земли, зачем роду Дафл за нее грызться с некромантами? Она же, считай, ничего не стоит для богатого рода, корня кучи других родов... Я правильно рассуждаю? Никак не привыкну к этой родовой системе, думала, так только в книжках и бывает... Ну да ладно, все равно, как не посмотри, причина Талины какая-то натянутая. Ну, хочет она Яльсу в невестки, ну так зачем тащить ее в свой род? Просто заключила бы этот... как его... брачный договор. Хотя, наверное, Дафлы не очень горели желанием отдавать своих роду Хин корня Окоса... Корневой род — младшей ветви, да еще и чужой силы...

— Мда-а-а... Юлга, милая, а ты не думала, что все может быть проще? Ты вечно забываешь про родственные связи... Кто Варт по силе?

— Ну, эмпат.

— А его отец кто?

— Некромант... Кажется...

— А его брат?

— Некромант-целитель.

— Вспомни генетику. Если в семье есть эмпат, но отец некромант...

— Пекх Варту не отец? — Выпалила Юлга, и Варт громко закашлялся.

Жаннэй ткнула его кулаком в бок и страшно округлила глаза: сейчас выдашь, мол.

— А мать что, уже не в счет? — Фыркнула Селия.

— «Лучше бы он родился девочкой»... — Протянула Юлга задумчиво. — Все были уверены, что Варт не проживет долго... и мать потеряла львиную долю силы после родов... какого корня семья Элу?

— Корня Живицы.

— А-а-а... Корень Живицы с корнем Окоса... мда-а-а... Неудивительно, что у младшего сына проблемы... Ярту просто повезло. И чем они думали, когда заводили второго? Что повезет? Еще раз? Надеялись на девочку? Почему именно девочку? Только девочка может унаследовать дар Талины в полной мере? То есть, Варт унаследовал часть дара, эмпатию, та гипертрофировалась, заняв все место сложного составного дара... Талина тоже эмпат. Наверное, не такой сильный, как Варт, потому что не чистый эмпат, но часть эмпатии в ее даре присутствует. Так она узнала о признании, не спрашивая сына: думаю, эмоции в таких случаях достаточно специфичные. В сцене у двери... ничего, что я ее тебе просто ключевыми моментами скинула? Яльса с Яртом болтали как давние знакомые, возможно, о том, что Яльса может признаться, Талина тоже знала... Но Яльса не знала, кто такая Талина, до того, как та увела ее с развалин. Талина следила за сыном?

За стеной кто-то захлопал в ладоши: наверное, Селия. Варт вспомнил про Жаннэй. Он постоянно о ней забывал, потому что не чувствовал ее рядом, и это жутко напрягало.

Он шепнул:

— Слушай, тут дела семейные. Я клянусь именем, позову, когда заговорят о тебе: очень прошу, выйди, а?

Жаннэй склонила голову на бок.

— Да кому вообще нужны ваши унылые семейные тайны кроме вас самих? — Фыркнула она презрительно, но от стены все-таки отошла. Старательно искривила губы в подобии усмешки: любая эмоция на ее кукольном лице казалась Варту специально отрепетированной перед зеркалами маской. Возможно потому, что при внешних признаках эмоции самой

эмоции он не чувствовал.

Варт заставил себя благодарно улыбнуться и вернулся к прерванному занятию.

— Да, молодец. Сложно было догадаться?

— Да нет, вовсе нет. Ты подсказала, и как-то сразу все сложилось... но зачем слезка?

Что у Талины за дар? Я поймаю Ярта и обязательно у него выясню, Варт говорил, что он знает. Но почему не знает Варт?

Жаннэй зашелестела из своего угла:

— Если старший брат знает, а младший нет, помнят ли вообще о существовании младшего брата? — В ее голосе можно было различить старательную обеспокоенность.

— Не лезь не в свое дело. — Спокойно сказал Варт. — Как ты вообще что-то оттуда слышишь?

Определенно эта девушка пугала. Не будь она Юлгиной сокружницей, Варт бы ее и на порог отпустил, и Лин бы строго-настрого запретил к ней приближаться. Пожалуй, Лин еще запретит.

— Я воздушница, забыл? У нас хороший слух.

— Тебя, кажется, просили.

— Юлга моя сокружница.

— Я тебе никто. — Варт пожал плечами. — Хочешь излагать свои соображения? Ты явно это любишь, Жаннэй из рода Есса. Не пора ли поставить ребром вопрос о том, станешь ли ты Наль-Есса или нет? Мне кажется, пора.

Жаннэй вжалась в угол спиной, сгорбилась, съежилась.

— Я не хотела тебя обидеть.

— Ты не обидела, Жаннэй. Просто действительно, пора.

Жаннэй спросила с сочувствием в голосе, которое звучало как искреннее.

— Не хочешь, чтобы Юлга поделилась с матерью тем, чем ты поделился с ней, и выставлешь меня как щит? Разве это хорошо — так использовать людей?

Варт ничего не ответил — аккуратно взял ее за руку и потащил к Селии. Именно потому, что Жаннэй оказалась права, и он разрывался между желанием выставить ее куда подальше или сбежать самому. Никто не любит тех, кто говорит правду в глаза... Жаннэй не умела останавливаться.

Он даже не постучался.

— У этой девушки к вам какое-то дело, мудрая Селия из рода Наль.

Наверное, не стоило использовать обращение, которое обычно употреблялось по отношению к пожилым женщинам, потому что от Селии потянуло густой волной раздражения. Жаннэй съежилась, и впервые Варт уловил эмоцию... хотя какую эмоцию, так, намека, тень эмоции и от нее: она была в растерянности. По ее безмятежному кукольному лицу этого было не заметить, но она совершенно не знала, что делать. Варт даже почувствовал легкий укол совести.

— О, да, мам, я за. Ты знаешь.

От Юлги повеяло облегчением. Экзамен закончился, не надо было мучиться и решать, что можно говорить, а чего не стоит.

— Разберемся. Тебе не кажется, что представитель рода Хин здесь лишний? — Холодно спросила Селия.

Юлга рассеянно дернула себя за волосы.

— Варт? Варт свой. Мам, в чем проблема? Ты же всегда мне говорила, что все эти

заморочки с родами — это просто формальность.

Варт чувствовал ее решимость и еще что-то, чему никак не мог подобрать названия, хотя и не очень понимал, чего именно Юлга хочет добиться.

— Юли, для него это не формально...

— Мам, я столько времени жила в Хаше, воспитывалась, как оказалась, некой Яльсой Хин-Тато-Хин, женщиной, уже растившей ребенка. Варт мне, считай, брат — нравится тебе это или нет. Раз уж мы вспомнили про родовую систему, раз уж это оказалось важно помнить... хотя не ты ли мне говорила, что родовая система сохранилась только в книжках? А оказалось? Я понимаю, что ты всегда советовала мне жить своим умом и не верить всему, что говорят. Но раньше я думала, что ты исключение — и я ошибалась.

От Селии повеяло горечью. У Варта защипало в носу. Он закатил глаза: то, что Юлга сейчас несла, просто нельзя было воспринимать всерьез, как и все, что может быть сказано на волне иррационального подросткового протеста. Варт не понимал, протеста против чего... но, чуть задумавшись над этим вопросом, нашел ответ достаточно быстро, благо, Юлга озвучила причину прямым текстом: Селия была одной из немногих людей, которым Юлга доверяла. Вторым таким человеком была тетя Ато — она же Яльса. Доверяла — и тут наткнулась на тщательно скрываемую от нее тайну.

Вряд ли Юлга сама осознавала, почему это ее настолько задело, но сейчас она чувствовала себя преданной всеми, кому раньше верила, и инстинктивно защищалась, прячась почему-то за его, Варта, спину — фигурально выражаясь, конечно.

Это было неплохим развитием событий — вряд ли Селия теперь представляла для Варта хоть какую-то угрозу, но все равно он бы предпочел какой-нибудь менее травматичный для Юлги вариант.

Варт мог сейчас отступить, как он собирался это сделать всего минуту назад, но это значило оставить Юлгу без поддержки, а как она на это отреагирует — одному Окосу известно. Сделать за Селию всю грязную работу по собственному очернению? Да не дождется! Он Селию раздражает? Ну так пусть хотя бы это будет небезосновательная неприязнь.

— Панда. — Фыркнул Варт. — Это действительно скучно. Думаю, мудрая Селия, — Легкий поклон в сторону Юлгиной матери, главное не задумываться, как именно она ему отомстит за его выходки, — разберется с милой Жаннэй самостоятельно... как глава рода.

Юлга, умница, зацепилась за его подсказку.

— Ты прав. Жаннэй, удачи тебе.

Она встала со стула, на котором только что сидела, и решительно проследовала мимо Варта в коридор, по пути прихватив его двумя пальцами за рукав.

У кого-нибудь другого это был бы жест презрения, но для Юлги подобное было демонстрацией доверия, хватала-то она голыми руками. Это понимал любой, кто хоть сколько-нибудь Юлгу знал. Варту захотелось пригнуться, он злобный взгляд Селии спиной чувствовал.

Нос заломило. Он запрокинул голову: все-таки эмоции женщин клана Наль были страшной силой.

Они вышли в гостиную, и только тогда Юлга остановилась.

Ощувив ее беспокойство, Варт понял, что запрокидывание головы не очень помогло. Он чуть пожал плечами, извиняясь.

— Твоя мать не очень любит парня, который запихнул ее дочь в ВГТУ. Ее можно

понять.

Юлга достала из одного из многочисленных карманов своей жилетки платок и протянула его Варту. Отвела глаза.

— Прости. Я ее спровоцировала.

— Ничего. — Он не удержался и чуть ее подколот, — Привычный уже, у вас это семейное.

Юлга смутилась еще больше.

— Тебе, наверное, она не очень понравилась. Ну, она кажется легкомысленной на первый взгляд, и это ее возвращение... под утро... и она почему-то тебя невзлюбила... — Юлга развела руками.

Варт улыбнулся.

— Когда она возвращалась, от нее пахло... цветами, но слишком слабо для той степени увлеченности, которую она изображает. Расчета в твоей матери гораздо больше, чем легкомыслия. — и сменил тему. — Говорил уже, что уезжаю в поход на байдарках прямо сегодня? С утра ощущение, как будто что-то забыл.

— На байдарках?

Юлга явно этого не ожидала.

Варт прикинул, что скоро Ярт встретится с Селией, а это наверняка будет совершенно отдельная история, и страшная битва характеров, потому что Жаннэй, скорее всего, получит вожденное «Наль» в придачу к своей собственной фамилии, и практически стопроцентно поселится здесь же. А значит, Селия будет уговаривать Ярта, чтобы тот замолвил слово перед Пекхом... да Окос заberi, она же здесь будет жить как минимум до следующего собрания родителей сокружниц, и все это время будет Варта тихо ненавидеть и разбираться с Яртом. С одной стороны бешеные эмоции Налей, с другой — некромантские выбросы Ярта, да еще и эта фарфоровая кукла Жаннэй будет все время неожиданно появляться из-за угла, ну нет, оставаться тут — гиблое дело.

Кивнул, прижимая платок к носу.

— Да. На байдарках.

— и... когда вернешься? — Юлга искренне огорчилась.

— Не знаю. Как река отпустит — я пойду с водниками, у них какие-то странные критерии. — Пожал плечами, стараясь врать как можно убедительнее.

На самом деле он просто собирался завалиться в Керново холостяцкое жилище. Это было место, где можно было пожить несколько дней, пока не разрешатся проблемы. Керн никогда не отказывал. Не так уж часто он ночевал этой квартире, гораздо чаще оставался в родовом гнезде, двухэтажном доме в квартале водников, так что ему это было несложно.

Может, конечно, там кроме Варта сейчас еще кто-нибудь кантуется, но тут уж ничего не поделаешь.

— Ну, тогда... удачи тебе.

Юлга сказала это как-то потерянно.

— Тут будет Ярт, тут будет Селия, с Жаннэй пообщаетесь, обещаю, ты вообще забудешь, что здесь еще кто-то был, Панда. Не вешай нос, ладно?

Варт не понимал, почему чувствует себя виноватым. В конце концов, он же не Юлгу не одну бросал, и даже байдарки эти вспомнил, чтобы Юлга не думала, что это ее мать причина его бегства, и не пыталась что-то с этим делать и как-то что-то налаживать.

— Да... не буду. И обязательно во всем разберусь.

На лице у нее была написана решимость, да и вообще — от нее просто таки разлило решимостью. Варт посмотрел на ее нахмуренные брови, и дал ей три дня. Максимум дня через три она раскусит его ложь про байдарки.

Она уже сейчас что-то подозревает. И в кого она такой параноик? А, точно...

А что будет, когда она его раскусит? Нет, ей сейчас нельзя врать, даже из самых лучших побуждений нельзя, расценит как предательство. Варт попытался исправить ситуацию.

— На самом деле... На самом деле, не байдарки. Соврал. Думал, совру, ты не будешь беспокоиться, но ты беспокоишься, ну и...

— Давай договоримся. Либо молчи, либо говори правду.

— Не могу обещать. — Честно сказал Варт. — Но постараюсь.

— и куда же ты?

— К Керну, помнишь же Керна? Это спальный район около квартала водников.

— Я с... — Юлга осеклась, смутилась. — В смысле, ничего если я с тобой схожу, помогу переехать? Просто чтобы знать, где тебя искать, если вдруг что...

— А маме не проболтаешься? — Как можно более серьезным тоном спросил Варт.

Юлга поддержала шутку.

— Буду молчать, как дохлая рыба! Вот те клятва!

— Тогда ладно...

Если бы кто-нибудь еще вчера спросил у Жаннэй, что она чувствует, она бы ответила: «Ничего» и это была бы правда.

Одна дочь каждого поколения рода Есса всегда была откупом, уезжала жить в земли корневого рода — рода Лаллей, богини воздуха и связей, и в этом поколении Жаннэй была этой дочерью. Род Лаллей жил в Валлоу, маленькой стране, граничащей с Кеттом, род Есса переехал оттуда в Кетт около двух веков назад. Основатель его Кеттской ветви, Вольхемар Есса, официально приехал в Кетт по работе: тогда род Есса занимался разведением почтовых голубей. Вольхемар был четвертым сыном, и на родной земле у него почти не было шансов заработать достаточно, чтобы прокормить семью — просто потому, что и так небольшие доходы от семейных голубятен растаскивались по карманам старших сыновей.

Валлоу всегда был закрытой страной, и чтобы получить разрешение на выезд, Вольхемару пришлось оббить немало порогов. В результате он добился своего, но при нескольких условиях. Не считая мелкого шпионажа, он обязывал свою ветвь рода отдавать одну девочку поколения обратно, на родину, на воспитание своих дальних родственников. Так в Валлоу всегда оставался заложник Кеттской ветви рода Есса, из-за чего было гораздо проще требовать от тех, кто остался в Кетте, безоговорочной верности давно уже не родине.

Впрочем, это никогда не казалось никому таким уж сложным условием. Современники отзывались о Вольхемаре как о неотзывчивом, черством человеке, и именно таким он и был. К тому же, его жена была плодовита и подарила ему двенадцать детей, из которых восемь были девочки. Одна-единственная дочь не показалась ему большой ценой, что уж говорить о внучке... Жаннэй была пра-пра-пра-пра-правнучкой, и все с рождения знали, что именно она будет седьмой Есса, которая отправится в Валлоу.

Однако Жаннэй это не устраивало.

В Кетте были рода, соблюдавшие радикально-патриархальные традиции, но, в общем и целом, у женщин в Кетте были определенные права, и этих прав было гораздо больше, чем у женщин Валлоу. Жаннэй с детства приучали к тамошним порядкам: не смеяться. Не

демонстрировать эмоций на публику. Не смотреть в глаза старшим. Не носить слишком открытого.

Жаннэй почти не чувствовала эмоций, так что ей пришлось очень постараться, чтобы научиться их изображать — просто назло воспитателям. Она не понимала, почему ее сестры могут носить красивые платья и брюки, а она вечно должна носить одну и ту же традиционную хламиду. Ей никто так и не потрудился объяснить, ограничившись простым «надо». Она не чувствовала себя обиженной, но своим логичным и острым умом понимала, что здесь кроется какая-то несправедливость, и если она ее стерпит, то ей будет еще хуже.

В первый раз она подожгла родной дом, когда ей было шесть лет.

Во второй — когда ей было восемь.

Когда она подожгла дом в третий раз, тогда ей как раз исполнилось одиннадцать, ее впервые застукали за этим занятием. Отобрали спички, лишили ужинов на месяц, перестали позволять есть то же, что и остальным девочкам, потому что в Валлоу существовал некий список запрещенных продуктов, и отныне Жаннэй нужно было его соблюдать.

Жаннэй трепела полгода, но когда ей объяснили, что теперь она будет соблюдать все посты во славу богини Лаллей, и что в Валлоу ее отдадут в храм, она впервые сбежала. С тех пор она сбегала из дому каждые два месяца — как только кончалась ее отсидка за прошлые побеги в карцере, устроенном в порядке обгорелом подвале родного дома.

Из школы ее забрали в седьмом классе, обосновав это тем, что ей не нужно учиться, чтобы танцевать в храме. И тогда Жаннэй сорвалась окончательно, потому что единственным, что доставляло ей хоть какое-то удовольствие, были новые знания. В семье Есса началась череда несчастных случаев.

Самый старший из братьев Жаннэй, в отличие от сестры не унаследовавший фамильной невозмутимости рода Есса, зато получивший от матери-огневички страстный холерический темперамент, узнал о измене жены. Пришедшие разбираться специалисты констатировали убийство из ревности на бытовой почве, брата Жаннэй забрали в ведомственное учреждение.

Жаннэй понимала, что если она ошибется, в учреждение заберут уже ее, а этот вариант устраивал ее не больше, чем поездка в Валлоу.

Поэтому она не ошибалась.

Ее бабушка выпила слишком много сердечных капель, у нее поднялось давление, а из-за того, что младший брат Жаннэй, Атан, в этот момент обсуждал по домашнему телефону со своим другом новую линейку коллекционных карт, домашняя линия оказалась занята, и она не смогла вызвать врача.

Старшая сестра поскользнулась на брошенной на лестнице детальке от конструктора. Ее уронила маленькая племянка Жаннэй, Малена, которая как раз приобрела откуда-то привычку таскать конструктор в кармашках платья.

Автокатастрофа избавила Жаннэй сразу от пятерых членов семьи.

Несчастные случаи преследовали семейство Есса до победного, пока не осталось никого старше Жаннэй, никого, кто имел бы над ней власть.

У Жаннэй не было силы прогнозистки, но постоянные наблюдения в реальном времени позволяли ей просчитывать действия остальных вручную. Она не торопилась, растянув свою «подготовку к свободе» на три года, подгадав последнее к поступлению в институт.

Сейчас на Жаннэй висело пятеро младших детей рода Есса. Некоторые из них были добры к ней и воспринимали ее своей семьей. Она не видела от младших дурного, в отличие от старших, поставивших на ней крест еще до ее рождения. Так что всех младших детей —

малыша-Кальена трех лет, Малену пяти, девочек-близняшек Алласси и Элесси девяти и старшего из всех, родного брата, двенадцатилетнего Атана, она собиралась втянуть в род Наль, так сказать, прицепом.

Все зависело от того, согласится ли Селия. Если бы речь шла только о Жаннэй, беспокоиться было бы не о чем. Но повесить на себя шестерых сирот...

К тому же, Селию приглашали расследовать одну из последних смертей — смерть старшего брата Жаннэй, Оеротто Есса, а там Жаннэй слегка прокололась, и ей показалось, что Костяная Рука что-то заподозрила. К счастью, рукопожатия удалось избежать.

Однако сейчас Селия была в гневе. Варт Жаннэй подставил: Жаннэй казалось, что со стороны она выглядит как нормальный человек, но к сильному эмпату готова не была и он тоже что-то заподозрил. Потому что он ее не боялся, но относился с опаской. Готов был ей пожертвовать.

Варт Жаннэй очень не понравился.

Селия сказала.

— Ты сокружница моей дочери.

Жаннэй кивнула.

— Да. Мне посчастливилось.

— Ты же понимаешь, что тебе действительно очень, очень повезло? — Спросила Селия. — Если бы не это, я бы уже подавала на тебя рапорт, девочка. Такие как ты... не должны ходить свободно. По твоей вине умерло пятнадцать человек...

Она не подозревала. Она знала. Знала точно. Но почему не сдала тут же, как только поняла? Дело Оеротто было закрыто около трех месяцев назад.

Жаннэй пожала плечами.

— Они все делали сами. Я никого не убивала сама. К тому же... это была самозащита.

— Объясни?

— Моя семья шпионила на Валлоу.

— Это нам известно. Почему ты извела свою семью под корень?

— Я не тронула младших детей. — Жаннэй вздернула подбородок. — Я виновата, но я не тронула детей!

— Поэтому я и молчала. Я знала, что тебя должны были отправить в Валлоу, я знала, что мотив есть только у тебя, но у меня не было доказательств. Я сомневалась — до твоего сегодняшнего признания. Прими мое восхищение, ты работала очень чисто. Ты не безнадёжна. Но твой брат будет винить себя в смерти бабушки всю свою жизнь, Жаннэй. Всю. Свою. Жизнь. — Холодно сказала Селия. — Ты сумасшедшая. Ты ненормальная. То, что ты сделала — ненормально. То, что ты этого не понимаешь — ненормально.

— Я защищалась.

Впервые за всю свою жизнь Жаннэй чувствовала так ярко и остро. Растерянность. Вину. Правоту. Круг дал ей эмоции — она не ожидала, что так будет. С Кругом ей повезло. Она не хотела терять Круг, и готова была за него убивать.

— Пожалуй, ты действительно защищалась... если можно назвать защитой целенаправленное выбивание всех способных тебе навредить. — Селия машинально скользнула рукой к поясу и поморщилась, когда пальцы не нашли кобуры. — Но как мне защититься?

— Что?

— Где гарантии, что мой род не пострадает? Что не пострадают Хины? В особенности

тот мальчик, который сейчас подставил тебя, подкинув на растерзание вместо себя. Этот мальчик нравится моей дочери и твоей сокружнице. Что я скажу, если он погибнет от рук ее же подруги? «Я знала»? «Я могла это предотвратить»? Скажи мне, Жаннэй, почему ты рассчитываешь на мою защиту? Я могу отдать тебя водникам...

— Тогда вам придется говорить то же самое — но водникам, а не Юлге.

— То есть ты признаешь, что хотела навредить Варту рода Хин?

— Нет.

— Но ты хотела.

— Я не признаюсь. Второй раз я этой ошибки не совершу. — Жаннэй впервые подняла голову и попыталась выдержать, испытующий взгляд Селии. — и я не хотела.

Однако долго тягаться с ней не получилось, и Жаннэй продолжила говорить.

— Я... у меня нет тяги к убийствам.

— Докажи.

— Я не могу этого доказать.

— Тогда я не могу принять тебя в род. У тебя за плечами пятнадцать трупов. Пятнадцать! Я сомневаюсь, что здешние стены видели больше, а это дом некромантов. Либо ты докажешь, что не опасна, либо я сплавлю тебя водникам и сдам после первого же подозрения на твою выходку.

Селия протянула Жаннэй руку. Сухая, безжизненная рука. Намек был более чем понятен, но Жаннэй не знала, сможет ли раскрыться. И как Селия отреагирует, если не сможет пробиться через ее защиту. И вообще — может, это такая ловушка, чтобы получить доказательства и загрести Жаннэй в учреждение? Кто знает? Кто скажет?

— Это рука помощи, Жаннэй. Я готова поверить в то, что Круг может стабилизировать твою психику. Ты умная девочка с интересной силой, Ведомству было бы жалко тебя так просто потерять. Я готова принять тебя в род. Но для этого ты должна принять мою помощь. И я позабочусь о младших Есса.

— Обо всех?

— Если ты готова к их переезду в Хаш, то обо всех. Иначе никак. Я бы выдвинула еще условие: отказала бы младшим Есса в общении с тобой. Но я понимаю, что лучше этого не делать. Я не хочу однажды поскользнуться на детали от конструктора... я бы не была так лояльна, если бы не проверяла твоего брата. Он тоже готов сорваться. А в том, что он сейчас за тобой наблюдает... Почти уверена, что он многое знал и знает. Тебе придется с ним объясниться однажды, иначе мы тебя все-таки потеряем. Ваша сила как-то странно на вас влияет. У вас в роду не было близкородственных браков?

Жаннэй покачала головой.

— Мы не вырожда. Я бы знала.

Она коснулась протянутой руки, готовая пережить все снова. Она думала, это будет как кино, весьма неприятное кино, но что уж поделать, но она совсем ничего не увидела, она даже не знала, считала Селия что-то или нет. По сравнению с матерью Юлга была желторотым птенцом. Действовала даром, как дубиной, так что от нее было легко закрыться. Но Селия...

Селия задумалась. Видно было, она принимает непростое решение.

— Младшими Есса займутся специалисты. Не смей спорить! Если можно что-то исправить, то это нужно делать сейчас. Ты действовала в одиночку, и ты не подстраивала смертей напрямую, все шло через вторые, третьи руки, даже если кто докопается, доказать

они... без меня... не смогут. Но как только случится хоть одна — слышишь? Хоть одна! Подозрительная смерть поблизости от тебя, знай, я тебя прикрывать не буду. Сдам тут же.

Селия спрятала лицо в ладонях. Видно было, как она устала. Она брала на себя огромную ответственность и отлично это понимала. И Жаннэй это понимала тоже.

Жаннэй впервые в жизни почувствовала что-то, что-то теплое... что-то...

— Почему?

— Тебе цены не будет в Ведомстве. Ты себе подобных сразу почувешь... и... у каждого должен быть шанс, у каждого должен быть выбор. Тебя выбора лишили. Мы становимся точно такими, какими нас делают. И ты стала тем, кого из тебя старательно лепили: бездушной куклой, не понимающей истинной ценности семьи и связей. Такую не жалко отдать. Какое было бы кощунство, служи ты Лаллей!

Селия говорила это тихо, спокойно, сочувственно, без насмешки. Она и вправду обосновывала, почему готова взять Жаннэй и ее выводы были логичны. Впервые Жаннэй не устраивала голая логика.

— То есть, вы меня пожалели?

— Скорее, я пожалела то, что еще может из тебя получиться. Про тебя же даже нельзя сказать, что ты убивала свою семью. Они делали все, чтобы не стать твоей семьей. Ты убила пятнадцать чужаков, готовых откупиться тобой от собственных проблем. Я знаю пару человек, которые бы сказали, что ты поступила правильно.

— А что бы сказали вы?

— Я бы сказала, что от тебя-живой будет больше толку, чем от тебя-ме... тебя в учреждении. К тому же, теперь я за тобой слежу, я тебя сопровождаю. А ты... а ты, если что, защити Юлгу, ладно? Я не смогу стать тебе матерью, но она сможет стать тебе сестрой. Договорились, Жаннэй Наль-Есса?

Жаннэй разревелась. Наверное, впервые в жизни. Ей не было грустно или плохо, слезы почему-то просто полились и все.

— Я... Я не упущу этот шанс, мудрая Селия рода Наль! Я правда... я постараюсь!

— Вот только без мудрой, прошу.

И Селия неловко приобняла Жаннэй, давая той прореветься — это искреннее сочувствие что-то стронуло в Жаннэй. Она наконец нашла своему новому чувству название.

Благодарность.

— Керн несколько... Керн может показаться... Странноват, ты только не пугайся. Ты же уже отлично знакома с Яртом, и знаешь, насколько он долбанутый, когда речь заходит о лечении всяких там людей. Ну так они все, медики, долбанутые, и Керн из рода Ялко — в том числе.

Варт тащил в одной руке огромную сумку, как будто это не огромная сумка, а так, сумочка. Дамская. Вроде того самого бесполезного фасона сумочек, в которые, кажется, и помада-то не вместится.

Второй рукой он жестикулировал. Даже если бы Юлга вдруг оглохла, она все равно поняла бы о чем речь, очень уж выразительно Варт это делал. Рукой с сумкой он тоже пытался жестикулировать, но чуть не снес при этом Юлгу, долго извинялся и теперь был осторожен.

Юлга не знала, насколько Ярт странно ведет себя с пациентами, потому что при ней он никогда не лечил людей, если, конечно, забыть, что он вроде как однажды пытался лечить ее. Но она думала, что Ярт вообще не самый адекватный человек в мире, потому охотно Варту верила.

— Когда Ярт только с Керном познакомился — они ходили сначала на одни подготовительные курсы, знаешь? Рассказывал вроде... он еще был совершенно нормальный. Такой... среднестатистический зануда-заучка.

— В окос-группе? Заучка? Похоже на дурацкое кино... ну, про серую мышку, которая вдруг открыла свое истинное я и обрела популярность. Она еще приходит на бал вся такая на шпильках, и оказывается, что если снять с нее очки...

— Эй, подожди, не ты ж историю рассказываешь? При чем здесь очки вообще? Керн никогда не носил очков, какой дурак будет носить очки, если зрение корректируется за пару минут?

— Ну конечно, корректируется, если ты живешь в столице, и брат в медунивере учится, так вообще без проблем. — Обиженно пробубнила Юлга.

Варт неопределенно махнул свободной рукой.

— Да какая разница? Я вообще не о том. Так вот, Ярт Керна, можно сказать, совратил с пути истинного, он как идеей загорится, так горы свернет, не то что ботана в группу затащит... Ботан же был настолько крут, что закончил музыкалку по классу гитары, представляешь? А Ярт тогда вообще... горел.

Нет, дуться на Варта было решительно невозможно: Юлга не удержалась и хихикнула, уловив намек. Варт назидательно поднял палец.

— Им-мен-но. Ну так вот, а потом у Керна, такого brutального окос-музыканта, раз — и появилась прекрасная дама. Курсе... на третьем он на нее запал, на эту даму. Главное, никто не знает, что за дама, откуда она вообще появилась, может, он вообще ее не в Тьене встретил, но точно знают, что она старше и сначала ему дала, так сказать, почувствовать и вспылать, а потом он ей надоел. И она такая: «прости, у нас ничего не получится, прощай, не пиши мне больше, наша история подошла к концу, огонь наш угас...» э-э-э...

— Мосты догорели? — Подказала Юлга.

— Мосты дого... Это, кажется, уже не то. Ну да ладно. Думаю, ты поняла ситуацию? Керна бросила его дама, и он грустил. Грустил, грустил, а тут — Ярт. Тоже грустит, и

тоже, заметь, потому, что от него уехала дама. И вот они свою энергию грусти направили на учебу. Сначала они разрабатывали одно и то же направление. Потом у братца возникла идея некроконструкта, а Керн чистый целитель. Ему и пятый уровень силы воды только из уважения к роду натягивают каждый раз при замерах, а так у него все, что могло, в целительство ушло. Что ему чисто некромантский метод разрабатывать? Ты не подумай, он парень честолобивый, хоть и зануда. Так и получилось, что они вроде специализации сейчас разные получают, а работают над одним и тем же. По мне, так лучше бы они снова объединились, хоть бы информацией менялись... наработки-то с обеих сторон нехилые... но они поссорились.

— А что так?

— Да вроде как Ярт брякнул что-то про эту Кернову даму, а тот же на ней действительно помешан. Не то что бы после нее у него никого не было, но это такая первая, чистая и священная любовь. Ты же знаешь моего брата, он иногда как сказанет, так отмыться хочется, а на такие воспоминания иногда можно посмотреть непредвзято, и они как-то сами запачкаются...

Юлга кивнула. Ярт мог сказануть. Она бы поверила, даже если бы Варт сказал, что Ярту достаточно просто скорчить свою обычно-презрительную рожу, чтобы в радиусе десяти километров начали рыдать от осознания своей никчемности младенцы, маленькие девочки и суровые мужики за сорок.

— Что, он до сих пор по ней убивается?

— Ну, как... вспоминает. Как-то раз говорил, что забыть ее просто невозможно. Песня у него есть в ее честь... Фронтмен у них Анген, и только эту целиком Керн поет. Просто при нем лучше обходить эту любовную тему стороной — в этом была суть истории. Это как гнойная заноза, стоит Керну о ней вспомнить, и все, спекся интересный собеседник. Грусть, печаль, обида, нотка сожаления, стандартный вроде бы букет, но пропорции... знала бы ты, насколько гадкий получается запах.

— Ладно, я поняла. — Юлга не удержалась от того, чтобы Варта чуть подколоть. — А вот то, что Ярт Яльсу до сих пор помнит, тебе странным не кажется?

— Конечно, нет. — Фыркнул Варт. — Они ж поженились, к тому же, если подумать, эти его постоянные командировки на практику в далекий Тмаверст, возможно, были очень даже в Хаш. То-то от него цветами пахло... Билеты-то он мне не показывал. К тому же, Ярт чистенько горит до сих пор, а вот в Керне отвратительный торфяник, не рекомендовал бы его даме к нему приближаться. Так-то он парень мировой... просто не поднимай эту тему. Предупреждение, типа. Предосторожность. Мы пришли.

Юлга осмотрела грязно-зеленую дверь в подъезд. Она старалась не думать о том, что это дверь в пятиэтажку, и сейчас этот огромный дом нависает над ней, а ведь может...

Она неосознанно ухватила Варта за рукав.

— Что такое?

— Пятиэтажка... в пыль... — Попыталась объяснить Юлга.

Варт понял сразу.

— То, что произошло с домом Яльсы — трагическая случайность. Такое бывает раз в десять лет, не чаще. Не в первый раз здесь и до сих пор живой, видишь? Ярт не настолько хорош, чтобы сделать мертвеца теплым, ты же знаешь.

— Может, просто на солнышке подогрелся. — Возразила Юлга, и нахмурилась из-за пришедшей в голову догадки, — а ты подслушивал.

Действительно, иначе Варт ни за что на свете так быстро бы не догадался, в чем проблема.

— Было такое. — Пожал плечами Варт. — Между прочим, имел право: вы так косточки моей... хм, а забавно получается... нашей семье перемывали, так что все честно.

— Ну...

Юлга не знала, что сказать дальше. С одной стороны, подслушивать вроде как нечестно и нехорошо, кто будет спорить? С другой — Селия прогнала Варта как-то совсем уж безобразно, а разговор напрямую касался его. Юлге пришлось немало изопрититься, чтобы не показать матери чужого личного.

Раньше бы она даже об этом не задумалась. Воспоминания и воспоминания, какая разница, какие. Но в этот раз она отчаянно не хотела делиться историей маленького Варта или сомнениями молодой жены Яльсы. Если бы она не смогла их осторожненько замять, она казалась бы сейчас себе последним треплом на свете.

Она вообще решила, что стоит начинать отказываться от обмена воспоминаниями с матерью. Конечно, вместо того, чтобы долго и путано рассказывать, как прошел день, легче просто показать момент, где получаешь трояк за контрольную, к которой долго и нудно готовился. Легче, но излишне: с некоторых пор Юлга не была готова делиться с Селией всем на свете и не была уверена, что та просмотрит только то, что ей покажут. А главное, у Юлги не было раньше чужих тайн, которых Селии лучше было не знать.

— Виноватый, виноватый. — Склонил голову в шутовском поклоне Варт, — Больше не буду. Вру-вру, еще и лживый.

Он быстро набрал на домофоне какие-то цифры и втолкнул было зазевавшуюся Юлгу в черную пасть подъезда... но тут же вытянул обратно, закрыл дверь, расстроено плюхнул сумку на плитки крыльца.

— Так дело не пойдет. — Сказал он спокойно. — Что нам делать с твоей фобией, Панда?

Юлгу откровенно трясло. Когда она переступила было порог, она моментально почувствовала все пять этажей с людьми над своей головой, услышала, как трещат перекрытия.

— Давай отойдем на безопасное расстояние? — Предложила она.

— На том конце двора лавочки есть — сойдет?

Юлга кивнула.

Когда они сели, первым делом Юлга спросила:

— А ты не мог бы у меня это вытянуть? Ну, ты же так делал уже, правда?

Варт покачал головой.

— Разные случаи. Конечно, это легко нейтрализовать сейчас... На ближайшие полчаса, может, час. Помнишь, как тебя кидало из спокойствия в панику, когда ты только появилась у нас в гостях? Твоя тревожность мной аккуратненько убиралась, ты немного успокаивалась, но на саму ситуацию ты иначе реагировать просто не могла, все условия для возникновения тревожности у тебя были — и она возникала снова. Потом приходила паника, потом — твой покорный слуга, — Варт стукнул себя кулаком в грудь, — и снова заново.

— А, то есть ты признался...

— Не скрывал, вроде. Ты за руку поймала, было бы глупо. Мы же уже закрыли эту тему?

— Да, конечно... и что делать?

— Понятия не имею. — Варт пожал плечами. — Ты боишься заходить в типовые многоэтажки. В Тьене. В Тьене, где весь средний класс живет в типовых пятиэтажках, а

беднота так и вовсе в девятиэтажках.

— А как же квартал водников? Там нормальные домики!

— Там живут в основном главы родов. Ребятки, которых ты видела, например, туда просто приходят иногда играть в кафе, а в квартале живет только Анген, как будущий глава источника. Еще Ния из рода Улы, сокружница твоя, а его невеста — тоже там живет. Она дочь нынешнего главы источника, да. Квартал же маленький, ты правда думала, что там живут все-все водники Тьена? — Варт как будто бы очень удивился такой наивности.

Юлге было чуть обидно. Слова Варта были логичны, но почему-то все равно не хотелось сдаваться, не поспорив.

— Но некроманты-то!

— А некромантов очень мало, Панда. А Хин — такой маленький захудалый родочек, так и получается, что все вместе живем: глава рода, жена его и два их сына. Да еще и гости помещаются. А еще мы стараемся принимать в квартал семьи с маленькими детьми, у нас есть специальные детские гостевые домики для тех, кто не имеет собственного дома в квартале, таких семей мало, но есть. Это чтобы других не пугать, дети силу не контролируют. Но как только дети вырастают достаточно, таким семьям приходится съезжать. В этом никто не виноват, просто... квартал не может вместить всех, хотя старается принять побольше народа. Когда закончу учебу, точно съеду.

— Зачем? — Удивилась Юлга. — У тебя-то дом есть.

— Но я-то не некромант. — Варт снова пожал плечами. — А Ярт, раз уж ездит в Хаш за цветами, однажды и ребенка привезет, я уверен.

«Вместе с женой» повисло, не сказанное. Юлга поспешно перевела тему.

— Ну... давай ты тогда пойдешь, а я обратно?

— А если тебе нужно будет навестить твою сокружницу-огневичку? Май, Мая — как там ее? Дочь военного точно не в квартале живет. А если...

— Майя она. — Буркнула Юлга. — Будем решать по мере поступления.

— Ну так вот, время наступило! — Варт указал рукой на здание. — Считай, что ее просто необходимо взять прист... Окос, прячемся! За скамейку, быстро!

— А... — замешкалась Юлга, наблюдая за летящей через спинку скамейки сумкой.

— Там твоя мать!

— А! — Юлга сиганула за спинку, и только потом задумалась, зачем же она это сделала.

— Почему из всех мест именно сюда? — Прошипел Варт. — Вот что ей дома не сиделось?

Юлга развела руками.

— Понятия не имею. Что, будем ждать? — Она прихлопнула по почти голой земле ладонью.

— Будем... Как ты это сделала?

Юлга ласково провела кончиками пальцев по юной мягкой траве.

— Так, магический фокус. Проверь сумку, там вроде был термос с чаем? Считай, наступило время пикника.

Керн был дома.

Домом он считал свою городскую квартиру. Тут постоянно жил кто-то еще, но этот кто-то был его другом, или приятелем, или просто знакомым, был его гостем. Конечно Керн в

особняке бабушки и дедушки, в квартале водников, проводил гораздо больше времени, чем дома. Но кроме него там жили его родители и его старший брат, Лагг. Две старшие сестры уже давно вышли замуж и съехали, но раньше там жили и они... По праву наследования дом должен был Лаггу, так что в этом доме гостем был Керн. Ему не слишком-то нравилась эта роль, но совсем туда не возвращаться было невозможно: как почти дипломированный медик, Керн ухаживал за больной бабушкой. Конечно, деду было вполне по средствам нанять дипломированного медика с настоящей лицензией, но Хорк из рода Ялко был человеком старой закалки: если с чем-то может справиться член семьи, то звать чужих не стоит.

Керн неоднократно думал о том, что надо бы отказаться. Но бабушку, милую Алли Ялко-Ахи, он любил. Именно это, а не угроза изгнания из рода, каждый раз его останавливало от того, чтобы навсегда перестать посещать родовой дом.

Керн был дома впервые за две недели. Это был его первый выходной, день, который он решил оставить себе на то, чтобы хорошенько отдохнуть и снова приступить к подготовке к экзаменам.

И тут его блаженный сон нарушил дверной звонок.

Любой, кто мог бы прийти к нему гостить, отлично знал, где именно под ковриком найти ключ и где гостевая комната, и звонить бы не стал. Звонок — это для продавцов пылесосов.

Керн перевернулся на другой бок и натнул на голову одеяло. Сейчас они решат, что никого нет дома, и уйдут...

Звонок звенел не переставая. Керн решил, что обязательно его демонтирует. Встал, натянул треники, походя глянул на себя в зеркало в прихожей: помятый, небритый невыспавшийся и явно злобный мужик, то что надо, чтобы продавцы пылесосов свалили побыстрее.

...Надо было посмотреть в глазок.

Обязательно надо было смотреть в глазок.

Он бы посмотрел в глазок и у него был бы шанс... если не сбежать, то хотя бы встретить ее не в таком виде. Селия окинула его насмешливым взглядом с ног до головы, улыбнулась ехидно.

— Пригласишь?

А он знал, знал, что если дочь в городе, то и мамаша приедет. Юлга говорила, что мамаша ничего не знает, но эта не та мамаша, которая может не знать...

Юлгу он узнал с первого взгляда. Она очень выросла с тех самых пор, как ей было восемь, но все так же носила белые ажурные перчатки, да и лицом стала еще больше похожа на мать... Каких усилий ему стоило свести разговор к Хин-Хин!

А тут Селия. Откуда она узнала его адрес? Что ей от него нужно? Уж во что во что, а в бескорыстную любовь или желание увидеться просто по-дружески, он не верил. Кто угодно мог бы, но не Селия.

— Заходи. Ты уж прости, у меня не убрано...

Некогда ему было убираться. А Селия двигалась среди всех этих будтылок, сумок, носков и гитар, как кошка по мокрому полу. Живое воплощение брезгливого изящества. Даже носик морщила так же.

Сколько он ее не видел? Лет пять? Да и тогда случайно, мельком... Ни капли не изменилась.

— Я тут решила проведать старого знакомого. — Она улыбнулась. Ласково. Мягко. Чуть

снисходительно. Едва ли по матерински.

Керн машинально принял из ее рук бутылку.

— Проведала? Иди. — Он встретил ее улыбку ледяным спокойствием.

Он знал цену ее улыбкам. Цена — пара тье, столько стоит картонная маска с прорезями для глаз в любом «карнавальном» магазинчике столицы.

— Ну что же ты... — Мурлыкнула Селия.

— Что тебе от меня нужно?

— Мне? Ничего, просто... — Ее живая рука легла на футболку. Мертвую она прятала в карман или за спину, сколько он ее помнил. Когда-то он решил, что подарит этой женщине новую кисть, и она поймет... он не бросил это занятие только потому, что уже потратил на это слишком много сил и вообще никогда ничего на полпути не бросал.

Керн отстранился.

— Чего тебе нужно? Я уже однажды сказал: я не хочу иметь с тобой ничего общего. Я больше не поведусь на твою игру. Скажи, чего хочешь и уходи. — Сухо сказал он.

— Я... — На лице ее читалась искренняя обида.

Да что там на лице. Варт, друг Керна и удивительно сильный эмпат, и тот бы почувствовал обиду. Она сама верила в то, что обижена.

— Давай, ты сможешь сказать мне истинную причину. Я начну, если хочешь: твоя дочь в столице, а твоя работа в Хаше. Ты не можешь оставаться в столице... давай-давай, я не верю в легкомысленную Селию, перестань паясничать. Ты девять лет обо мне и не вспоминала. Думаешь, я все еще тот глупый мальчишка?

— Ты обиженный мальчишка. И глупый. — Посерезнела Селия. — Умный бы принял то, что я тебе предлагаю.

— Что ты мне предлагаешь? Даже золото Хайе, богини обмана, что днем блестит, а ночью превращается в зловонную грязь, и то стоит дороже.

— Хайе мудрая богиня. — Вздохнула Селия. — Не раз помогала мне выжить. Не стоит отзывать о ней непочтительно.

Теперь она играла в усталость и покорность. Чуть опустила плечи, склонила стриженную голову, позволив хорошенько рассмотреть появившиеся седые пряди.

— Однажды я ошиблась. Испугалась. Прости меня. Я не думала...

— Как часто ты исполняешь этот номер? Я был самым сильным чувством в твоей жизни, но ты решила, что слишком стара и поломаешь малчишке жизнь, и тогда ты решила меня оттолкнуть, и горько жалела об этом все девять лет, что мы были не вместе? Если бы ты пришла через год, звучало бы лучше, десять — круглое число. Слушай, я не готов это выслушивать. Давай сразу к делу, или я просто выставлю тебя за дверь.

— А ты вырос. — Хмыкнула Селия. — Отрастил пару лишних слоев бронированной кожи. И жало вместо языка — Ярт поделился? Ладно, хочешь дело, будет тебе дело.

— Весь горю от нетерпения. — Керн скрестил руки на груди.

— Что, даже не присядем?

— Так ты быстрее устанешь и уйдешь.

— Ох, совсем не жалеешь старую женщину. Яртов младший братец зовет меня «мудрой», каков нахал!

Керн улыбнулся, пообещав себе купить Варту пива за свой счет, когда они в следующий раз встретятся.

— Ну вот, все вы одинаковы; смеешься. Все просто: я хочу знать, что за моей девочкой

присматривают...

— Она в Ведомстве! Конечно, за ней присматривают. В оба глаза! По ней напишут курсовую.

Селия поморщилась, сказала с досадой:

— Варт и присмаривает.

— Какая жалость! — Керн улыбнулся еще шире.

Два пива и личные ключи от квартиры для дорогого друга. Хотя у него вроде были? Но наверняка этот раздолбай их уже потерял и новые будут кстати.

— Пойми, мне больше не на кого опереться! Ты единственный человек, которому я могу доверять в этом городе, неужели ты этого не понимаешь?

— И что же от меня требуется? — Насмешливо протянул Керн, — Слать тебе многостраничные отсчеты? Где она, с кем она...

— Одна из ее сокружниц — опасная маньячка, убила пятнадцать человек. — Селия просто констатировала факт. — Вторая — не социализирована. Третья — Ния из рода Улы, думаю, вы с ней знакомы. Это не Круг. Это какое-то наказание за мои грехи.

Керн сунул руки в карманы треников.

— Твоя дочь самостоятельная личность. Раз уж она сплясала именно в этом Кругу, значит, в них есть нечто общее, не так ли? Она показалась мне вполне разумной девушкой. Вряд ли она наделает еще глупостей... Хватит воспринимать ее промахи как свои. Это уже ее жизнь. Если ее Круг — наказание, то наказание за ее грехи.

Селия покачала головой.

— Я все равно переживаю.

— Кажется, мы вернулись на стартовую точку. При чем тут я?

— Ты можешь повлиять на Варта, он портит девочку, это он, я уверена!

— Ого! Да мы вернулись к самому началу! — Преувеличенно жизнерадостно сказал Керн. — Ты правда думаешь, что это сработает, если не сработало в тот раз?

Селия склонила голову.

— Нет. Не думаю.

— Ты заигралась, Селия из рода Наль. Пора уже реально смотреть на вещи. Если уж хочешь провернуть с кем-то однажды проигранную партию, будь добра, не пытайся сделать это с тем, кто однажды выиграл.

— Не слишком ли ты самоуверен? Ты тоже немало проиграл. — Лукаво прищурилась Селия. — Я думала, это слегка смахивает на ничью.

— Если ты думаешь, что Ярт до сих пор не догадывается, по чьей милости Яльса до сих пор торчит в Хаше, то ты очень недооцениваешь его умственные способности. — Холодно сказал Керн.

— Я уже почти выхлопотала ей разрешение на возврат...

— Правильно. Она ведь уже воспитала твою дочь? Самое время.

— Вот ледышка! — Фыркнула Селия, и потянулась, чтобы коснуться Керновых белых волос.

Он отшатнулся.

— Не прикасайся ко мне.

— Трус. В том, что Яльса до сих пор в Хаше, виновата только Яльса. Все просто: я не могу выпихнуть в Тьен того, кто упорно хочет жертвовать собой в Хаше. Разве что я ее свяжу и повезу в мешке.

— Свежо предание. — Керн отвернулся. — Можешь. Но не хочешь.

— Думай что хочешь. Я попрошу только об одном: присмотри за Юлгой. Мне будет спокойнее, если за ней будет присматривать кто-то, кроме Ярта, которому она поперек горла. А если бы и не была... Он даже за собственным братом присмотреть был не в состоянии.

— А мне нет? С чего ты решила, что я в состоянии?

— Ради всего того, что между нами было, Керн.

— А что, своего нынешнего не хочешь об этом попросить? То, что между нами было, порядком протухло и поросло быльем. — Выплюнул Керн.

Он поймал себя на том, что внезапно стал копировать Ярта в его худших проявлениях. Это от того, что он не знал никого, кто еще мог бы так больно ударить человека словом. Селия сделала Керну очень больно, и ему хотелось ударить в ответ как можно сильнее.

— Ты ответственный. К тому же, там было, чему тухнуть. Прости меня, я очень виновата. Правда. — Селия говорила тихо, и так искренне... В это хотелось верить, очень хотелось. Керн сделал над собой колоссальное усилие.

— А ведь ты сама себе веришь! Ты заигралась, Сели... Селия! Заигралась.

— Может, я просто хочу, наконец, выиграть эту партию. Раз уж тебя так заклинило на игровых формулировках. Пока.

И она просто развернулась и ушла. Оставила последнее слово за собой. Убежала от его возражений. Просто знала, что он ее слушает.

Просто знала, за какие ниточки дергать.

Керн пнул стену в бессильной ярости. Ну нет, ничего она не выиграет. Ничего. Никогда.

— Ты заигралась, Лина. Когда ты сказала, что мы возьмем опеку над девочкой, я согласился, потому что знаю, насколько доброе у тебя сердце, и знаю, как ты за нее переживала. Но свадьба — это слишком.

— Свадьба — это предопределено, а не слишком. Они любят друг друга.

— Неужели? Не видел такого. Они дружат, как брат и сестра. Больше ссорятся, чем дерутся, но чужого за своего покусают. Не больше.

Пекх был внушительным мужчиной, прямо таки колоссальным. Теперь-то Юлга видела, что оба мальчика пошли в кого-то из семьи Талины фигурой: их отец был больше похож на медведя, чем на человека.

Разговор происходил в палатке, на природе. Детских криков не слышно: видимо, кемпинг на природе только для родителей, этакий отдых от детей.

— Они любят...

— Ты не можешь знать, Лина. Даже если ты уверена — ты не можешь знать наверняка. Теперь не можешь. Ты хочешь, чтобы они повторили нашу ошибку? Хочешь такого же внука, как Варт? Их сила разных корней, Лина. Они не совместимы...

— У нас получилось.

— Нам повезло, и повезло только раз. Давай не будем плодить уродов в погоне за твоими амбициями. Если ты права, и они любят друг друга — пожалуйста, но на основе только твоей уверенности я ничего делать не буду.

— Доказательства?! — Вспылила Талина, — Будут тебе доказательства!

Какая все-таки Талина была красивая в молодости и здравом уме! А уж в гневе! Раскраснелась, засверкала темными глазами! Юлга ей немного даже завидовала. А Пекх

жену обожал. Вот он мягко взял ее в свою огромную лапищу ее совсем крошечные на его фоне ладошки и протянул другой знакомый термос, только наполненный не чаем, а вином.

— Ну, будет тебе, будет. Мы же сюда отдыхать приехали — забыла?

Наваждение кончилось, как только Талина коснулась термоса. Юлга снова оказалась на травке, рядом с Вартом, который как раз отобрал у нее термос и теперь выжидающе на нее смотрел.

— Очнулась?

— Ага.

— Ты же вроде брала его уже, нет? Руками.

— Угу, брала. Но, наверное, воспоминание совпало с чьим-то настроением, резонировало... короче, тут сложно, я и сама не очень понимаю, как работает предметная часть моего дара.

— Ты хочешь рассказать?

— Если честно — нет.

— Ну и не надо. — Варт безразлично махнул рукой. — Твоя мать вышла из здания, давай его брать штурмом? Я подумал, на первый раз заберу, а потом ты поймешь, что ничего страшного не случилось, и все будет нормально.

Юлга кивнула. Варт смотрел на нее выжидающе, и она поспешно начала говорить:

— Ну да, конечно... Разрешаю тебе один раз нарушить твою клятву и провести с моими эмоциями действия активно-манипулятивного характера — в связи со сложившимися чрезвычайными... хотя нет, не так. Разрешаю тебе проводить с моими эмоциями действия активно-манипулятивного характера в случае чрезвычайной ситуации. Нет. Не так. Я возвращаю тебе твою клятву.

Она поймала его руку прежде, чем он смог возразить. Секунды на три он замер, потрясенный, еще три ей приходилось его удерживать.

— Эй, ты чего?

— Я тебе доверяю. — Юлга пожала плечами. — Теперь.

— Очень мило, Юли. — Хмыкнул у нее за спиной голос Селии, — А теперь отправляй свое доверенное лицо к Керну, и пошли, нам еще ритуал принятия Жаннэй в род проводить.

— Она перегнулась через скамейку и теперь насмешливо смотрела на Юлгу. Та поняла, что неудержимо краснеет и поблагодарила богов, что не забыла накраситься, под пудрой этого не должно было быть видно.

— Как ты нас заметила? — Спросила Юлга первое, что пришло в голову, лишь бы что-то спросить.

— О, если бы вы сидели и не рыпались, я бы вас и не заметила. Но вы задержались, начали прятаться, естественно, это привлекло внимание. Я думала, это проходят еще на первом курсе, и нормальные студенты это знают.

Варт в долгу не остался. Почтительно склонил голову.

— Простите, мудрая Селия, теперь я этого не забуду никогда, ибо вы осветили путь неразумному. Но позвольте ничтожному спросить: вы знаете Керна из рода Ялко?

Селия фыркнула беззаботно.

— Такого белобрысого упрямого мальчишку? Знаю, конечно. Даже слишком хорошо. У него еще есть такая дурная привычка, вымораживать все вокруг, когда злится. Кстати, Варт, возьми с собой горячей воды, иначе ты сейчас дверь в его квартиру от косяка не отковыряешь...

— Так вы, мудрая Селия, дама? — Присвистнул Варт.

— С утра вроде была. — Селия немного подумала и добавила, — Хамло. Ладно, Юли, пошли... Варт, возьми бутылку. Я ему вроде принесла, но он... В общем, без бутылки к нему лучше не ходить.

— Это же не еще один дядя Тьен? — Спросила Юлга испытующе. — Он, вообще-то, друг моего друга, второй косяк за два дня, а ты обещала, что моих знакомых среди них не будет, мне же их всегда слишком жалко.

— Я случайно. И мудрые ошибаются. И вообще, нечего его жалеть...

Варт начал пятиться. Юлга подумала, что в этом он очень прав, Селия терпеть не могла, когда ко-то лез в ее дела — кроме семьи. Но Селия окликнула Варта прежде, чем он ушел.

— Имей в виду: то, что он тебе расскажет — это его точка зрения. А он — гордый глупый мальчишка. А я не хуже, чем я есть. Ясно? Не хуже!

Варта это только подхлестнуло, и он позорно ретировался.

Селия разрыдалась только через несколько кварталов. Юлга была потрясена, Селия очень редко плакала. Юлга могла пересчитать такие случаи по пальцам: вот Юлге пять лет, и она во время прогулки свалилась в канализационный люк и сломала ногу. Вот шесть — она снова без примотра, мама на работе, на этот раз высокая груша, сломавшаяся ветка, сломанная рука и сотрясение мозга... вот еще примерно четыре таких же случая, но после приезда тети Ато Юлга помнит только один такой нервный срыв Селии.

Бепричинный.

По крайней мере Юлга не знала причины, но теперь начинала догадываться. Спросила сразу в лоб, она где-то читала, что если отвлечь человека от истерики, он мало-помалу успокаивается.

— Так это ты из-за него рыдала девять лет назад?

Селия и вправду отвлеклась от всхлипываний, чтобы спросить потрясенно:

— А ты помнишь?

— Когда ты плачешь, всегда очень страшно. Кажется, что апокалипсис наступил, Великий Мор начался, Окос гуляет по городам и стучится в окна, и все плохо и не исправить. Все плохо и не исправить?

Селия пожала плечами.

— Я не знаю. Представляешь? Я всегда все знаю, а вот тут нет. Совсем. Зачем я вообще это затеяла? Ведь не ради тебя же, а ради себя...

Юлга вздохнула, она не слишком-то поняла, о чем мать говорит. Она впервые почувствовала, что матери нужна ее поддержка, раньше Селия всегда казалась нестигаемой.

— Что ты натворила?

— Тебе лучше не знать. Это же часть твоего задания, правда? Расскажу — будет неинтересно. — Неожиданно успокоилась Селия. — Просто заруби себе на носу. Никогда, слышишь? Никогда! Не мешай работу и личную жизнь. Хотя ты меня, конечно, не слушаешь, чует мое материнское сердце...

Дверь была покрыта необыкновенно красивым ледяным узором. Совершенно невообразимо-прекрасные абстрактные фигуры, состоящие, казалось, из одних колючек, всего лишь тонкий слой инея на двери и стенах, прикоснись пальцами — исчезнет, но все равно острый на вид. Некоторые ледяные щупальца перекидывались через стену на потолок и подбирались к лампам, другие тянулись дальше, дальше, к лестнице: самое длинное Варт заметил еще этажом ниже.

Дело было плохо: Варт встретил какую-то встревоженную мамашу, спешно выводящую из дома целую ораву визжащих и орущих детей мал мала меньше. Объяснить, что именно ее так беспокоило, она не смогла, но Варта учили не недооценивать материнскую интуицию.

Варт стоял у двери и понимал, что зря не последовал совету Селии. Надо было взять горячую воду, хотя шансов, что она останется горячей, рядом с сорвавшимся магом льда-воды почти не было. Даже принеси он кипящий чайник из соседней квартиры, все равно ничего, кроме необходимости выковыривать из треснувшего чайника кусок льда не получил бы.

И эта женщина считает себя профессионалом! Это ее долг, между прочим: следить, чтобы граждане Кетта так не срывались вот так вот, а вовсе не доводить их до такого состояния. Как Селия вообще ухитрилась вывести из себя Керна — Керна, обладавшего воистину ледяным хладнокровием? Не иначе как она действительно та самая дама. А что, кто-кто, а Селия подходила на эту роль больше, чем кто либо иной, знакомый Варту.

Однако вряд ли тут все было так просто, как Варт совсем недавно рассказывал Юлге. Общеизвестная версия не объясняла ни застарелого отчаяния Селии, обернувшегося для Варта сначала низким гудением в правом ухе, а потом и вовсе резкой болью, ни этой вот внезапной Керновой истерики, от которой хотелось кашлять. Это был даже не обычный запах тлеющего торфяника, сопровождавший Керна, куда бы тот не пошел. Это был горящий торфяник и немного паленой плоти, а еще омертвелое безразличие, медленно сковывающее все вокруг.

Варт прижал ладони к двери. Он пару раз поскользнулся на пути сюда, и теперь руки чуть саднили, позволяя ему отличить чужую боль от собственной.

Хорошо, что поскользнулся, иначе бы замерз совсем в чужом отчаянии.

А так он скользнул пальцами за косяк и с большим усилием оторвал от тайника вмерзший ключ. Затем хлопнул себя по лбу и просто толкнул дверь: ну конечно, не заперто! Керн забыл запереть. Ключ можно было и не вытаскивать.

Керн сидел за кухонным столом в классической позе похмельных алкоголиков и уставших студентов, изо всех сил старающихся не заснуть.

— Ке-е-ерн! — Воскликнул Варт, выпуская изо рта облачка пара, — Чувак, что за ерунда? Хватит сопли развозить, трубы треснут! — Воззвал он к голосу разума.

Варт не слишком надеялся на успех, но мало ли, Керн — ответственный парень, и перспектива оставить дом без воды вполне может остановить его самобичевание. Кого другого вряд ли, а вот Керна — может.

— Ты в курсе. — Керн констатировал факт. — Она дала тебе бутылку. Значит, сказала, зачем и для кого, а?

— Ту самую бутылку, что треснула еще на лестнице. — Фыркнул Варт. — Ты

выморозил неплохой коньяк, знаешь ли. Прекращай дурить.

— Да, неплохой... Ты это как представитель Ведомства или..?

— Как друг. Сам знаешь, представитель Ведомства из меня не очень. — Варт картинно развел руками, стараясь не трястись от холода совсем уж явно.

Ссадины начали чесаться; Варт успокоено выдохнул. Раз Керн заметил их и использовал целительную магию, чуть отвлекшись от режима холодильника, значит все не так плохо, как казалось. Керн почти адекватен.

На всякий случай Варт украдкой взглянул на ладони: нет, никаких родинок, бородавок и наростов, чистая здоровая кожа.

— Действительно, хорошего следящего-сопровождающего из тебя не выйдет. — Жестко сказал Керн. — Хороший следящий-сопровождающий врет как дышит, а у тебя никогда этого не получалось. Ты даже молчать-то не умеешь.

— Что-то не понял, это был комплимент? — Варт пододвинул себе табуретку. — Ну, кто обидел моего друга? Хочешь, набью ей морду?

Керн поморщился.

— Шутки у тебя дурацкие.

— Не жалуюсь. Так к-кто же обманул бедного Керна? — Варт правда очень старался не стучать зубами, но у него получалось плохо.

— Может, поучишься молчать?

Несколько секунд они провели в тишине, потом Варт послал Керну извиняющуюся улыбку.

— Нет, совсем не получ-ается. Безнад-дежен. Мне кажется, если ты будешь г-говорить, у меня получится лучше. Ну же, ни-ни-никому не расскажу.

— Кроме своей новой подружки?

— А что тут м-можно поделать? Она имеет право з-знать, н-не думаешь?

— Нет.

— А зря: она его им-меет. — Варт пожал плечами. — М-мало ли, может, мне вообще стоит ее от т-тебя охранять? Т-ты сейчас звучишь, выглядишь и пахнешь как м-маньяк. Вот кто-кто, а Юлга не заслуживает такого отношен-ния. В в-ваших терках с С-селией она точно не виновата. — Тут Варт понял, что отвлекся: не хватало еще с Керном поссориться, — П-поэтому, будь добр, выкладывай, ч-что с-случилось.

— С чего я должен тебе отчитываться, сопляк?

— Т-терпеть не могу запах г-горелой т-травы.

— Твоя эмпатия — твоя проблема.

— и я ее решаю. — Варт сделал ударение на слове «я». — Не х-хочу сопровождать д-друга в уч-чреждение только из-за того, что его к-киданула какая-то баба.

— Ты назвал Селию «какой-то бабой»?

— Т-ты в-врод-де н-не п-пьян, чтобы р-рваться из-за этого в д-драку. — Варт картинно зевнул. — А ч-что, т-только т-тебе можно ее оск-корблять? С-собака на с-сене. С-спать х-хоч-чется. Приг-глуши мощност, п-пожалуйста, а то з-замерзн-нет не только младший Х-хин, н-на которого в-всем п-плевать, но и т-твои с-соседи. М-можно б-бы плед-диком ук-крыт-ться, но б-боюсь, он н-не согнет-тся. С-слушай, сд-делай эт-то с-сам, н-не в-вынуждай м-меня...

— Пожалуйста. — Керн почти просил.

Варт не заставил себя долго уговаривать.

— К-как хочешь.

Некоторое время они сидели молча. Потрескивала вода в раковине, потихоньку начало капать с потолка: Варт морщился, когда холодные капли попадали ему на голые руки и за шиворот. Керну все было нипочем: на него не действовал его собственный холод.

— имей в виду, если ты не возьмешь себя в руки, долго это спокойствие не продлится. — Предупредил Варт.

— Знаю. Что с тобой случилось, кстати? Раньше тебе не требовалось разрешения, чтобы проделывать такие штуки.

— А ты на это и надеялся, верно? Что я сделаю «штуку». А если бы меня не оказалось поблизости? К тому же, скажем так, теперь пришло осознание, что временное спокойствие ничего не решает. Бить надо по причине, а не по следствиям. Ты почти дипломированный врач, сам знаешь, что бывает, если лечить симптомы вместо болезни.

— иногда ничего другого не остается. — Отрезал Керн.

— Не тот случай. — Варт покачал головой. — Выкладывай.

— Это...

— Помогу: лет девять назад ты и брат поехали в Хаш из-за Яльсы и все завертелось?

— Откуда..?

— Право знать имеет не только Юлга. Именно с помощью Юлги я узнал все то, что знаю. Не было никакого бегства в ночи, правда? Что вы скрывали?

Керн глубоко вздохнул, сжал кулаки. Снова похолодало. Он отвел глаза.

— Ссылку. Хин-Хин нарвалась на ссылку.

— Что?

— Я не знаю деталей, Варт. Прости уж. Все, чем я могу поделиться, это моя собственная история, но ты же не за этим сюда пришел?

Варт отрицательно качнул головой.

— Я пришел сюда поддержать друга, который чуть не выморозил весь дом. С радостью выслушаю историю, если это тебе поможет, а это поможет — поверь эмпату.

Конечно, Варт пообещал себе обязательно узнать детали позже, но сейчас это было бы некстати. В конце концов, Мир не вертится вокруг одной лишь Яльсы.

— Мы с Яртом поехали в Хаш. Он — навестить жену, я — поддержать друга...

...Керн никогда не покидал Тьена, и теперь застыл в неприятном удивлении. Насколько прекрасен был вокзал Тьена — одна из красивейших достопримечательностей столицы, настолько же замызган и грязен был вокзал Хаша. Деревянный перрон, грязь, отвратительный запах продаваемых бабульками пирожков, Боги, из чего они их только стряпают?

Ярта встречала жена. Хин-Хин повисла у него на шее, а Ярты зарылся лицом в ее волосы обнял... Керну было неловко на это смотреть. Он был лишним на этом празднике воссоединения любящих сердец. Наверное, стоило отказаться от поездки, но Ярты слишком нервничал, и Керну показалось, что отказаться значило бы оставить его одного, без поддержки. Это сейчас стало очевидно, что Кернова поддержка не понадобится, но тогда...

И тут Керн увидел ее — и пропал. Она сияла, и вся грязь Хаша отступила на второй план.

Она стояла рядом с Хин-Хин, эта женщина, очень на нее похожая, разве что старше лет на пять. Красивая, как спустившаяся на землю богиня: те черты, которые в Хин-Хин

казались Керну простоватыми, у Нее были чуть-чуть иными, совсем чуточку иной разрез глаз, оттенок волос, чуть полнее губы, чуть тоньше шея... Все вместе они складывались в нечто прекрасное. Она поймала его изучающий взгляд и подмигнула. Керн смутился: не то чтобы он на нее пялился, он скорее просто пытался на смотреть на Хин-Хин и Ярта, а она теперь Боги знают что о нем подумает...

Она лукаво улыбнулась и подошла к нему, мягко переступая по доскам перрона босыми ногами. Он невольно залюбовался ее точеными щиколотками и огромным усилием воли заставил себя оторвать от нее взгляд.

Как же глупо он себя ведет! Сейчас она подумает, что он бестолковый мальчишка — а он и есть бестолковый мальчишка, что тратить на него время?

— Селия из рода Наль. Двоюродная сестра Яльсы. — Сказала она и протянула левую руку.

Правую она почему-то держала за спиной...

— Не понимаю. — Перебил Варт. — Селия и стесняется руки? Она же вообще ничего не стесняется.

— Она всегда ее прятала. — Отмахнулся Керн. — Хотя толку-то. Как будто ее можно скрыть, как будто это имеет хоть какое-то значение.

— В первый раз слышу. Ладно, и что, представилась она двоюродной сестрой Яльсы... так вроде так оно и есть, где тут лживость, о которой ты мне все уши прожужжал?

В комнате опять начало холодать. Варт закутался поплотнее в предусмотрительно сдернутое с кровати покрывало.

— Она не сказала, что сопровождает Хин-Хин. Понимаешь? Я много думал, зачем ей я? Она же старше...

...Она же старше, опытнее, она как будто с другой планеты. Керн теряется рядом с ней, не знает, о чем говорить. Неуклюже шутит, когда все-таки ухитрится совладать со своими голосовыми связками и выдать из себя хоть пару слов, фальшиво смеется, пялится на нее, не в силах оторвать взгляда, и вообще ведет себя как полнейший идиот. Она же улыбается загадочно, и иногда Керну кажется, что у него все-таки есть шанс... Он силой возвращает себя на землю и заставляет смотреть на вещи реально.

Селия такая... такая недостижимая, такая идеальная, такая далекая, ему до нее не дотянуться. Она — идеал, как картины в галерее, и он даже не задумывается о том, что мог бы ее коснуться или обнять.

Когда им случается оказаться наедине, а им часто случается оказаться наедине, потому как Ярты и Хин-Хин полностью заняты друг другом, они больше молчат, чем говорят. Но Керн готов молчать с ней рядом вечно.

А потом он видит, как она танцует на празднике Руды — Хаш стоит на рудниках, и каждый год шахтеры и любой, чья сила корня Дарфла, которого здесь называют Дафлом, выходит однажды в год на площадь, повинувшись зову железа. Танцуют и старые, и молодые, и даже маленькие дети, а Керн видит только Селию. Ее глаза горят одержимостью, длинные волосы играют на солнце красноватыми бликами...

В Керне нет ни капли силы земли, железо не зовет Керна, но с тех самых пор к Селии его тянет неудержимо. Он старается коснуться, ее волос, ее рукава, вдохнуть ее запах, почувствовать ее тепло...

Конечно, Селия это замечает.

И... не отталкивает.

— Я думал, если она узнает, она посмеется надо мной. Я дни считал, ждал, когда же это закончится, я уеду в Тьен и перестану бороться с желанием ее коснуться... это какая-то древняя магия, Варт, этот танец — это точно какая-то древняя магия, не просто же так они раз в год бросают всю свою работу и идут плясать? Они зовут железо, а железо зовет их. Я, наверное, попал между этими двумя зовами, как между молотом и наковальней...

Варт покачал головой.

— Ты и сам в это не веришь. Не обесценивай то, что чувствовал, не перекладывай ответственность на магию. К тому же, если подумать, ты втрескался еще на перроне, а уведный танец лишь завершил дело.

— Ты прав. Но... так легче. Понимаешь? Так легче. Она не посмеялась. Она как будто... обрадовалась. Как будто сама переживала, понимаешь? Это были безумные несколько дней, просто безумные, и я был счастлив... А потом оказалось, что она сопровождает Хин-Хин, и я понял, каким глупцом был.

Варт удивился.

— А как это связано? Причем здесь Яльса-то?

— Сам подумай, зачем Селии мальчишка, младший в роду, недоучка еще, ни кола, ни двора, ни заработка?

— Я не понимаю твоей логики. — Варт пожал плечами. — Ты что, решил, что она... э-э-э... закрутила с тобой роман ради работы?

— А ради чего еще?

— Ради мальчишки, младшего в роду и что там у тебя дальше по списку. — Варт даже опустил покрывало, забывшись, и то скользнуло на пол. — Думаю, слишком сложная схема: соблазнить друга мужа присмотра... даже не знаю, имело бы смысл, если бы у этого человека было какое-то влияние на сам объект присмотра. А объект, не знаю, порывался сбежать или убить всех людей. Но ее влияние на подопечную было гораздо больше твоего. И вряд ли Яльса хотела сбежать или убить всех людей, ты же ее знаешь.

— Ярт. Я мог повлиять на Ярта.

Варт взмахнул руками, протестуя.

— Ты? На Ярта? Ты переоцениваешь себя. На принявшего какое-то решение Ярта не повлияет даже Правитель. Что ты такого мог сделать с Яртом-то?

— Она мне не сказала. Если бы у нее не было причин... и то, как она оправдывалась... Зачем я ей еще сдался? Почему она не сказала сразу? Почему она скрывала? Но я все равно понял. Это была какая-то сложная схема, и я не разобрался в ней до конца, но она точно была. Она видела меня и мое прошлое, она видела, кто я такой. Я — такой как есть, не больше. Естественно, она решила, что меня можно использовать, потому что я был доверчивым идиотом.

Варт разозлился. Он не знал, почему вдруг разозлился, он не знал, почему вдруг заговорил. Однако он решил: сказать будет правильно.

— Ты просто закомплексованный ботан, Керн. Был и есть. — Варт встал. — Селия далеко не святая, она даже среди родителей сокружниц получает голоса несколькими способами. Кому как не мне это знать? Но послушай эмпата, Керн, и перестань молоть чепуху, перестань верить в собственный комплекс неполноценности, перестань

слушать своего деда, заставь его уже нанять доктора, перестань играть в бесплатную сиделку, чтоб тебя! Ты ценный, Керн. Ты мой друг, и если бы не ты, я бы не вырос тем, кем вырос. Да Окос заberi, клянусь, ты мне как второй старший брат! Я не знаю, кто забил тебе этим голову, но ты талантливый. Ты сильный. Ты хладнокровный: знаешь, как круто, когда ты приходишь со смены среди всех этих вопящих двинутых людей — а в Ведомстве все двинутые — и тут кто-то хладнокровный, а? Пятый уровень силы воды? Ха! Ты выморозил полдома! Это не пятый уровень! Просто тебе проще думать, что ты слабый, что ты ничего не можешь, что вода тебя не слушается! А наука? Вы с Яртом идете ноздря в ноздю, вы как гонка вооружений между Кеттом и Валлоу, и я не уверен, что ты не Кетт! Хватит себя ограничивать. Если на тебя запала прекрасная женщина — ну да, циничная, недоверчивая, привыкшая манипулировать всем, что видит, на десять, на десять же? Лет старше, это значит только то, что она на тебя запала. Ничего больше. Подсказать, что ей от тебя было надо? Подсказать, зачем она пришла сюда? Да цветочный запах до сих пор не выветрился, хотя тут все в воде! Тут воняет поломанной надеждой! Тут виной воняет! Тут воняет, чтоб тебя! Хватит разводить вокруг Окосово болото!

— Эй, эй, Варт, попридержи коней! — Керн тоже встал, выставил руки в защитном жесте.

Варт подумал, что Керн никогда не видел его таким сердитым. Да что там, сам Варт никогда не чувствовал, что настолько зол. Он привык к чужим сильным эмоциям, но не к своим.

— Да как тут успокоиться? — Сказал он чуть тише, силой воли заставляя себя сбавить обороты и садясь обратно. — Девять лет вони, девять лет торфяника. И из-за чего? Из-за такой ерунды?

— Это не ерунда. Я не знаю, что ты себе напридумывал...

— А Юлге говорил, что Ярт упрямый осел. — Протянул Варт. — Но друг у него под стать. Расскажи, Расскажи эмпату, что чувствуют другие люди, самому не смешно, а? Но ты несомненно знаешь лучше, Керн. Знаешь, пойду, пожалуй, а ты тут хоть сам в ледышку превратись. Конечно, если кто всегда поможет в себе разобраться — это Варт, Варт просто создан, чтобы разгребать чужие эмоции — но это слишком. Никакой эмпат не в состоянии разгрести чужую глупость, Керн.

Варт вышел из Керновой квартиры, чуть не снеся дверь. Он совсем забыл про оставшуюся у Керна сумку, забыл, что собирался у него ночевать.

Он отлично понимал, почему история Керна его так задела. Для Варта не было тайной, что Керн всегда был парнем закомплексованным. Выросший под большим давлением своего деда, постоянно недовольного его успехами в школе, в спорте, в музыке, будучи младшим сыном в большой семье, Керн казался себе ничего не стоящим. Всегда добровольно задвигал себя на второе место, на второй план, следовал за Яртом тенью.

То, что Керн не поверил в собственную влюбленность — это было закономерно. Не поверил Селии и все поломал. Селия могла оступиться, но стоило ли из-за этого убегать от нее на девять лет, даже не разобравшись?

Орать на него было глупо. Вовсе не стоило на него орать. Вряд ли Керн понял хоть что-нибудь из Вартовой горячей речи, скорее уже Варт выглядел сорвавшимся на пустом месте.

Однако Варта выводила из себя не столько Кернова глупость: в конце концов, все еще можно было исправить.

Нет.

Варт вдруг подумал, что вполне возможно, лишился названной сестры из-за такой же глупости. И это выбесило его невероятно — потому что внезапно показалось самой жизнеспособной версией.

Жаннэй выступила вперед. В свете костра ее бесстрастное лицо казалось испуганным, хотя, конечно, она не боялась, просто так причудливо играли тени.

Юлга ободряюще ей улыбнулась.

Селия достала из-за голенища кинжал, взяла его в правую руку и провела лезвием по левой, живой, ладони. Из пореза тут же просочились алые капли.

Затем Селия передала нож Юлге. Та проделала то же самое, и передала нож Жаннэй.

Та замерла было на секунду.

Трещал костер, звенели в сумерках комары, за спиной белел коттедж Хинов, во дворе которого они и развели традиционный костер. Юлга указала целой рукой в сторону костра, опасаясь, что Жаннэй забыла, что делать дальше. Жаннэй покорно накалила лезвие, прежде чем резать руку.

Наверное, это было очень больно: все старинные ритуалы болезненны. Однако Жаннэй молчала, когда проводила лезвием по ладони.

Селия притопнула ногой, и кусок земли просто ушел вниз. Вообще-то, положено было, чтобы принимаемый в род копал ямку собственными руками, но Селия считала, что иногда ритуалам не помешает чуть оптимизации: если бы Жаннэй копала руками, Юлге и Селии пришлось бы резать руки заново, потому что кровь уже почти перестала течь. А это считалось плохой приметой.

Они смешали кровь с землей, как и полагается. Потом Селия закопала ямку — на этот раз собственной рукой, произнесла старинную формулу: «как едина кровь, так едины мы; как един Мир, так едина наша Сила; как многолики Боги, так многолика Жизнь; Боги принадлежат Миру, жизни наши Роду». Протянула Жаннэй кинжал, строго по технике безопасности — рукояткой.

— Теперь твой, Жаннэй Наль-Есса.

— А... Младших?

— Ты ответственна за младших. Ты в роду — младшие в роду. — Селия пожала плечами. — Можно провести, конечно, и для них. Ты уверена, что готова смотреть, как они будут резать ладони? Если можно обойтись без формальностей, то давай обойдемся.

Жаннэй согласно кивнула.

— Понятно.

— Вот и хорошо. Я вас оставляю, девочки, ладно? Был сложный день, я устала. Идите, отметьте! Разрешаю вернуться домой пьяными.

Юлга пожала плечами.

— Да не то чтобы нам нужно было разрешение. — Она присела на корточки и провела над пяточком свежевзрытой земли рукой, сказала, наблюдая за поднимающейся травой, — Вот так-то, а то вдруг найдут... Ну что, Жаннэй, пошли знакомиться с Нией?

Жаннэй улыбнулась, и в этой улыбке не было обычной натянутой кукольности.

— Пошли!

Яльса очень волновалась, ей все казалось, что она делает что-то неправильно. Она немного побаивалась огромного Пекха Хина. Он возвышался в сумерках громадной черной

горой, и отблески костра, казалось, запутались в его косматой бороде.

Рядом с ним, маленький на его фоне, тонкий, сосем еще мальчишка, стоял Ярт. Он участвовал в церемонии на правах наследника.

Яльса поймала его ободряющий взгляд, приняла от него нож, согретый теплом его ладоней. Ручка костяная, резная — не человеческая ли кость? Яльса думала об этом, пока держала железо над пламенем. Недолго; железо накалилось быстро, и резать руку было очень больно. Копать пришлось той же рукой, но эта боль показалась ей приемлемой ценой.

Потом Пекх сказал Слова: «Как едина кровь, так едины мы...» и Яльса шевелила губами, вторя Словам про себя. Все это время Ярт смотрел на нее, а она смотрела на Ярта. Пекх ухмылялся в бороду чуть насмешливо.

Подаренный нож она положила в подаренные Талиной расписные ножны на поясе. Села, провела над ямкой рукой, дождавшись, когда вырастет юная трава.

После церемонии Ярт неожиданно взял ее ладонь свою и подул на ожог. Сначала ничего не происходило, потом же, как будто круги по воде, исчезла боль, потихоньку спала краснота, перестала течь кровь... Через несколько секунд рана затянулась, оставив едва заметный тонкий шрам.

Ярт отпустил ее руку и молча пошел к дому. Яльса застыла, потрясенная, провожая его упрямую фигуру взглядом, пока Пекх не вылил шумно на костер ведро воды.

«Ну, Яльса Хин-Тато», — сказал Пекх с улыбкой, — «Теперь ты мне дочка, и ты неплохо справляешься с младшим моим сыном... присмотри уж и за старшим... раз уж пробудила в нем дар целительства, может, и чего-нибудь еще добьешься?» Подмигнул ехидно.

Яльса поняла, что совсем Пекх не страшный, а очень даже добрый. Это теперь ее дом, и все здесь на ее стороне. А еще — дом человека-горы так просто не разрушить.

Здесь она в безопасности.

Здесь ее любят.

Это не только дом Ярта, и дом Талины, и дом Пекха, и дом маленького плаксы Варта.

Это теперь ее дом.

Юлга проснулась от того, что вернулся Варт. Он как можно тише старался ступать по скрипучему полу, но тот все равно играл радостный гимн в честь его возвращения.

Юлга выглянула в коридор, чтобы поприветствовать его. Конечно, она была не в самом лучшем виде. Ночью они с девчонками хорошо погуляли. Там даже был момент, когда они, чуть выпив для храбрости штук по пять слабеньких коктейлей, смешанных Ангеном, похитили из отчего дома Майю и погуляли уже полным Кругом. Потом примчался разъяренный Зенок, а они улепетывали от него по улицам Тьена. Завтра Селии придется перед Зеноком извиняться, ну и к лучшему, авось позабудет ненадолго своего противного Керна.

Юлга легла в постель прямо в том виде, что вернулась, и, видимо, видок был тот еще: Варт аж подпрыгнул от неожиданности.

— Привет, Панда. — Шепнул он.

Его явно что-то беспокоило, брови хмурились, губы были поджаты. Юлге совсем не нравилось такое положение вещей: она только что хорошенько погуляла с подругами, ей приснился какой-то очень теплый, и, хоть она и сосем не помнила деталей, чудесный сон. Она помирилась с матерью, и вообще у нее было самое прекрасное настроение из всех

возможных.

А тут Варт. Хмурится.

Она была самую чуточку пьяна — иначе откуда ей в голову пришла эта странная идея, что хорошим настроением можно поделиться.

Она потянулась рукой к его лицу, разгладила складку между бровями. Скользнула кончиками пальцев по виску. Варт замер, и, кажется, чуть покраснел ушами, Юлга не разглядела в темноте.

— Саечка за испуг! — Юлга легонько щелкнула его по подбородку и рассмеялась.

Варт рассмеялся вместе с ней.

Они не думали ни о том, что скоро им пора будет браться за учебу, совсем забыли о Яльсе и Талине, несчастья Селии и Керна покинули их умы. Они были беззаботные и счастливые; старый дом давно не слышал такого смеха. Лет... десять.

— Девочки! Я теперь знаю дату своей свадьбы! Одиннадцатый день одиннадцатого месяца, вот! — Выпала Ния.

Она целый день ходила сияющая и таинственная, сверкала глазами и обещала обязательно рассказать все на обеденном перерыве. Девочки отлично догадывались, что именно Ния может им сообщить... Ну, Юлга точно догадывалась, и могла поручиться, что Жаннэй знает тоже. А вот насчет Майи никогда нельзя было быть уверенным.

Вот и сейчас Майя распахнула глаза в искреннем удивлении; палочки выпали из ее ослабевших пальцев и покатались по столу.

— Неужели? Уже знаешь?!

— Конечно! Папа посчитал.

Юлга, сидевшая бок о бок с Майей, остановила вилкой излишне быструю палочку на грани падения и оттолкнула ее в сторону родной тарелки. Выдохнула не без зависти:

— Круто...

— Конечно, вы приглашены! — Всплеснула руками Ния. — Вы же сокружницы. Обещаю, будет красиво.

— А мы подружки невесты или типа того, да? — Майя вспыхнула к теме живейшим интересом.

— Сколько раз тебе повторять, это жреческий брак, чтобы хоть как-то участвовать в ритуале, надо родиться в правильной семье. — Меланхолично протянула Жаннэй. — Не говоря уж о том, что ничего общего с банальным бракосочетанием там не будет. Не надейся, что будет как в фильме про Мари из рода Холхе.

— Почему ты его так ненавидишь?! — Возмутилась Майя.

— Ну-ну, не будь злокой, Жаннэй, вы все равно приглашены. — Вмешалась Ния и обернулась к Юлге. — Ты же Варту передашь? Ангел спрашивал.

Юлга пожала плечами.

— Если сможем пересечься, то передам.

— Варту сейчас не до нас. — Все тем же нейтральным тоном выдала Жаннэй. — Он почти не бывает дома, Керна держит.

Все некоторое время помолчали. Майя с Керном знакома не была, поэтому молчала из солидарности, но надолго ее не хватило.

— То есть, держит? А что с ним случилось, с этим Керном? Он болеет?

— Головой он болеет. — Хмуро ответила Юлга.

— Ты тут не при чем. — Бросила Жаннэй.

Юлга снова пожала плечами. Жаннэй всегда зрила в корень, хотя эмпатическими способностями не обладала даже на уровне обычного человека. Хотя они все были сокружницами, именно Жаннэй стала ближайшей Юлгиной подругой за эти месяцы.

Наверное, так получилось из-за того, что они жили почти что в соседних комнатах.

Юлга хотела было перевести разговор на более радостную тему:

— Ангел, наверное, счастлив?

— Еще бы он не был счастлив. — Фыркнула Ния. — Он этого восемнадцать лет ждал.

Жаннэй хлопнула закашлявшуюся Юлгу по спине.

— Жреческий брак. — Напомнила она.

— В смысле, она прям родилась, и невеста? — Удивилась Майя.

— В смысле, она еще зиготой была невестой. — Прояснила Жаннэй.

— Ну, на самом деле не совсем. — Протянула Ния, ничуть не обиженная такой бесцеремонностью. — Но как только мама поняла, что будет девочка...

— Думаю, Анген был счастлив. В двенадцать лет он наконец-то мог с уверенностью смотреть в будущее. — Улыбнулась Юлга.

Подкалывать Нию на эту тему она могла до бесконечности. Впрочем, Ния не возражала. Но раньше Юлга как-то и не задумывалась, что Нию сговорили настолько рано.

— О да. Зато вместе со мной он получил шанс рулить целым кварталом... — Ния задрала нос. — Он рассказывал: вот сунули ему меня, я ору благим матом, красная вся с фиолетовым отливом, а он думает: «вот она, власть, в моих руках». — и Ния зловеще расхохоталась.

Что-то было в этом хохоте неправильное. После долгого общения с Вартом у Юлги появилось чутье на такие вещи, и она на всякий случай уточнила:

— Ты же правда счастлива, да?

Ния и Анген смотрелись на диво гармоничной парой. Если бы Юлга не знала, что они еще не женаты, она бы решила, что они были мужем и женой вечно, настолько хорошо они знали друг друга, знали до мелочей. У них были одинаковые жесты, одинаковые любимые словечки, примерно один стиль общения... Даже близнецы бывают меньше друг на друга похожи. Иногда ей казалось, что Ния и Анген — единое двухголовое чудовище, живое воплощение этой их многоликой Богини. Анген был старше невесты на двенадцать лет, но это нисколько не мешало их взаимопониманию.

— Честно говоря, — Протянула Ния, трепя в руках кончик своей длиннющей синей косы, — я немного боюсь этого всего. Мы же перейдем на новый этап наших отношений... и... — Тут она окончательно смешалась, покраснела.

— Жреческий брак. — На всякий случай повторила Жаннэй, но в этот раз подтекст без разъяснений поняла даже Майя.

— Ну да. Но мы целовались! — Ния смутилась еще больше, хотя куда уж больше, и поспешно перевела тему. — Так что Керн? Есть шанс, что он будет?

— Да, что Керн?! — Поддержала Майя. — Кто это вообще? Вы вечно твердите: Керн, Керн! Но ничего не объясняете.

— Это... — Юлга невольно обернулась к Жаннэй в поисках поддержки.

Только Жаннэй могла излагать случившееся безэмоционально, в качестве исторической справки. Юлга же в последнее время находилась между молотом и наковальней, оказавшись одним из нескольких звеньев цепи между матерью и Керном.

Непонятно было, почему короткая встреча так взбудоражила двоих взрослых и крайне разумных, в общем-то, людей. То есть раньше они в таких поступках замечены не были; Юлга вообще не помнила случая, чтобы Селия волновалась из-за мужчины. То есть, как минимум, должен был быть еще и отец Юлги, вряд ли Селия стала бы рожать ребенка от кого попало, но тот вроде был давно и точно мертв, и из-за него волноваться было поздно.

А в итоге Селия костяная рука, гроза своего отделения, негибкая женщина, плакалась Юлге, просяживая бешеные деньги на телефонные счета, Керн плакался Варту, а потом Юлга и Варт встречались дома и ссорились из-за чужих проблем. Никто из них этого не хотел, но Варт был подвержен влиянию чужих эмоций, а Юлга — влиянию своей матери, и вырваться и осмыслить ситуацию объективно они просто не успевали.

Варт разрывался между учебой, прикрыванием Керна с его жуткой эмоциональной нестабильностью от собственных старших коллег, и больницы, где до сих пор лежала Талина, к чьему коматозному телу начали пускать родственников. Юлга подозревала — прощаться, но ничего не говорила, потому что таких вещей не говорят вслух, пока они не случатся.

Юлга же училась, учила Жаннэй взаимодействовать с людьми и не сильно действовать им на нервы, а так же взяла на себя большую часть работы по хозяйству. Теперь она точно знала, в кого пошел Ярл с его привычкой топить свое горе в работе: в Пекха. Тот вернулся из ведомственной командировки и буквально заперся в кабинете, разгребая накопившиеся бумаги.

Жаннэй понимающе кивнула.

— Керн — это любовник матери Юлги, Селии. В частности из-за него Селия бросила твоего отца, Майя...

Юлга съежилась, ожидая бурной реакции огненной подруги, но та откликнулась на удивление мирно, всего лишь хлопнув ее по плечу.

— Да не парься ты, че как неродная? Я знала, что ничего не получится. Бате никогда не везет с женщинами, а когда я мельком увидела эту, сразу поняла — и тут не выгорит. Ты за меня не волнуйся, ты тут не при делах совершенно. Я не в обиде. Давай Жаннэй, договаривай.

— На почве несчастной любви у Керна бывают выбросы силы... Он силы Олы... — Наткнувшись на недоумевающий взгляд Майи, она прояснила, — Ледяной маг. Ничего серьезного, но если им заинтересуются коммунальные службы, те донесут в Ведомство, Керна поставят на учет, а он заканчивает медицинский, ему сейчас такое очень некстати.

— и сколько лет этому несчастному?

— Двадцать девять. — Отчеканила Жаннэй. — Однако, увидев прекрасную Селию, он впал в пубертат и никак не может выпасть обратно.

— Прекрасная Селия тоже впала Окос знает куда. — Вздохнула Юлга. — Там оба хороши.

— Так он же мед заканчивает? Вы не боитесь, что он начнет... ну... исцелять навыворот?

— Насылать болезнь? Это ты хотела сказать, Майя? Силу целителя его учили контролировать, силу льда — нет. Если бы ты не дрыхла на лекциях, ты бы понимала. — Раздраженно откликнулась Юлга.

— Девочки, я не понимаю, в чем проблема? Род Ялко — род из нашего квартала, а там заправляет мой отец. Может, просто запечатать ему силу?

И Жаннэй, и Юлга воззрились на Нию скептически. Жаннэй хотела было что-то сказать, но Юлга пнула ее под столом и сказала сама.

— Прости, Ния, но ты воспринимаешь своего отца несколько... как бы сказать... идеалистически. Зачем велеречивому Вио проблемы? Из-за младшего отпрыска захудалого рода Ялко? Даже родной дед плевать на него хотел и видит в нем только бесплатные медицинские услуги. Ну сама подумай, зачем? Если есть такое удобное Ведомство совсем под боком, а он, как всякий законопослушный гражданин, аккуратно платит налоги?

— Вы правы. — Поникла Ния.

— К тому же Анген все равно скоро вступит в силу. Если что-то надо будет сделать для друга — он сделает, и Вио беспокоить не придется. — Добавила Жаннэй.

Юлга сомневалась, что запечатывание льда в Керне приведет к чему-то хорошему: как минимум, вполне возможно было, что Керн начнет чудить по своей основной силе, а это стало бы катастрофой, не говоря уж о том, что магия льда явно была связана с его обычным хладнокровием и без нее эта истерика грозила не закончиться никогда. Однако Юлга ничего не сказала, чтобы не расстраивать Нию. Ей сейчас не до проблем Керна, у нее свадьба, которую она ждала всю свою жизнь. С тех пор, как ее мать поняла, что будет девочка.

Ния воспряла обратно.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Тут вы тоже правы. Но все равно, Юлга, передай Варту, пусть передаст Керну, что я зову его на свадьбу? Ангел сам собирался, но у него срочный заказ под Орехеном... Там и торчит. Так что приглашения друзей только на мне. Папа едва выхлопотал ему отпуск на свадьбу, ну и звери у них сидят в этой конторе, жуть просто. Такое ощущение, кроме Ангела у них никто осенний паводок не сдержит! Между прочим, маги Ялы очень редко идут строить мосты, они должны с него пылинки сдувать, а они затыкают свои дыры...

Юлга никак не могла различить, чего больше в этой речи, возмущения или хвастовства. Вряд ли это смогла бы различить сама Ния.

— Да, я передам. Обязательно передам. — Повторила она уже в который раз.

— Так ты из-за Керна такая унылая, да? — Спросила Ния. — Не то чтобы я лезла твою личную жизнь... Жаннэй, что ты записываешь?

— Формулировку. Не обращай внимания, продолжай.

Ния обреченно вздохнула.

— Ну да, да, я лезу в твою личную жизнь, я же твоя подруга, знаешь ли.

Жаннэй заскрипела ручкой по блокноту еще усерднее. «Я же твоя подруга, знаешь ли» прочла Юлга выведенную каллиграфическим почерком Жаннэй запись в блокноте. Жаннэй и правда училась. Та, дописав, облокотилась на стол и с живейшим интересом воззрилась на Юлгу.

Майя тоже воззрилась на Юлгу, то ли из солидарности, то ли внезапно заинтересовавшись. Юлга поежилась, она почувствовала себя под перекрестным огнем, поспешно глотнула компота и, конечно, закашлялась — в который уже раз за этот бесконечный обеденный перерыв?

Ласковый голосок Нии прозвенел в воцарившейся за столом тишине как выстрел в упор:

— Так что, говоришь, у тебя там с Вартом?

Юлга по привычке обернулась было к Жаннэй, но та все так же слушала с все тем же нейтрально-заинтересованным выражением лица. Юлга знала: вряд ли ей поверят, и это будет обидно, потому что она совершенно точно скажет правду.

— Ну... Мы хорошие друзья.

— А вы хорошие друзья потому что ты так хочешь, потому что он так хочет, или потому, что вы два дурака? — Напирала Ния.

— Просто так! — Отрезала Юлга. — Я не понимаю, почему дураки-то? Обязательно переводить все в романтическую плоскость? Я даже не хочу об этом думать.

— Два дурака. — Коротко резюмировала Жаннэй и зевнула. — Ния, не стоит давить на нее сейчас, я знаю, чем все кончится. Поссоримся и все. — Она кротко улыбнулась. — Я учусь, забыли?

— иногда мне кажется, что ты все уже умеешь, но тебе так больше нравится. — Буркнула Юлга. — Но ты права, это не то, что мне хочется обсуждать.

— Я заговорила об этом не просто так. — Вздохнула Ния. — Так уж получилось, что из нас четверых я выгляжу самой...

— ...адекватной. — Подсказала Юлга.

— Как-то так, да? То есть я не шарахаюсь от людей, которые ко мне слишком близко, Юлга, я не хамлю и не говорю первое, что придет в голову, Жаннэй, и, Майя, я не бью не понравившихся мне людей кулаком в нос. Думаю, это... закономерно?

— Это называется «хук». И он первый начал! — Возмутилась Майя. — Я говорю: история Хорхе — клевая, а он назвал меня девчонкой. Так я и решила разобраться по пацански!

Ния выразительно посмотрела на бугрящиеся под футболкой мускулы Майи и закатила глаза. Вмешалась Юлга.

— Да-да, ты уже рассказывала. Раз пятнадцать. Майя, все знают, что ты наш силовик, но никто не догадывается, что ты наш лидер. Тебе не кажется, что стоит перестать вести себя как...

— Не-а. — Отмахнулась Майя. — Так веселее. К тому же всякие глупости валяются на Нию, и меня это вполне устраивает. Пока я еще могу безнаказанно бить морды всем, кто мне не нравится, я буду это делать, и никакая «ответственность» мне нигде не жмет. Еще вопросы? Нет? Ну тогда пусть Ния расскажет, с чего начала, а то разговор куда-то не туда свернул. Только по сути, а то мы тут еще и моду в Валлоу обсудим.

Жаннэй картинно поморщилась, показав, что намек поняла. Ния расстроено покачала головой, она не терпела ничего даже отдаленно похожего на конфликт.

— По сути? Тогда... Юлга, ты знакома с Ланерье?

— Это воздушник на курс старше?

— То, что у него имя такое, еще не значит, что он воздушник. — Перебила Жаннэй. — и рядом не стоял. Ланерье рода Ферре? Этот?

Ния кивнула.

— Судя по имени рода, он из мелких прислужников Лаллей. И как же их выпустили? Он не говорил? — Пожалуй, впервые за разговор Жаннэй заинтересовалась всерьез.

— Он беженец. — Ния пожалала плечами. — Вроде бы.

— Суть. — Напомнила Майя. — Обеденный перерыв конечный.

— Потом все равно лекция по матстату, чего мы там не слышали? — Отмахнулась Ния. — Ну, Ламерье подошел ко мне, и сказал, что хотел бы познакомиться с Юлгой.

— Который это уже? — Протянула Юлга, напомнив себе Жаннэй — настолько ей было плевать, — Скажи, что если у него счета с Вартом, пусть с Вартом и разбирается. Надоело.

— Нет, этот, вроде, серьезен.

— Ты так говоришь уже который раз? Пятый? Чем все кончается? А, точно, в первый раз «милый парень, ну дай ему шанс» просто полез целоваться. Почему-то в толпе народа. Почему-то как раз тогда, когда Варт в этой толпе был. Удивительно. Я даже не снимала перчаток, но все равно... а самое обидное, теперь и не предъявишь ничего человеку, который ничего и не помнит!

— Зато ты раскрыла новую грань своего таланта. — Миротлюбиво заметила Ния.

— Век бы про нее не знала. — Зло выдохнула Юлга. — Почему перессорился с половиной института Варт, а отдуваться мне? Как он вообще это делает? У него проклятье такое, постоит с парой рядом — она и распадется?

— Я не думаю, что Варт в этом виноват. Он никогда ничего не говорит, если у него не

спросят. — Вступилась Жаннэй. — Если кто-то решил проверить чувства Вартом, он сам виноват в своем неудачном результате.

— Я не понимаю, почему его все используют как любовных дел гадалку. — Вздохнула Юлга. — Ну, он же столько всего может! А в результате вечное: «Варт, а расскажи, а долго мы еще с Валленкой встречаться будем? А если я ей цвочки подарю? А какие лучше — розы или ромашки? А что она ко мне чувствует?» — Она привычным жестом натянула перчатки повыше, выдав собственное раздражение. — Говорила я ему, пусть деньги берет. Так, хотя бы, кроме переложенной с больной головы на здоровую вины за разрыв с очередной дурой-Валленкой у него хоть что-то останется. А он: «Не за что братъ, не за что»...

Майя мечтательно улыбнулась.

— А ты ему расскажи про свои проблемы, поверь, загорится знатно.

Юлга поежилась — иногда Майя вела себя как настоящий маньяк-provокатор. Если бы не Ния, которая гасила эти ее внезапные порывы, это уже не раз могло бы кончиться печально. Не для Майи и ее Круга, для окружающих: в своем доме Майя пожаров не устраивала и тщательно следила, чтобы никто не ворошил родной камин.

На всякий случай Юлга решила молчать как рыба, зачем перекладывать все на Варта? Он же не виноват... Чем она будет лучше, чем очередной мститель? У него и так проблемы с Керном... Юлга вспомнила, как Варт удерживал ее в Тьене чуть ли не силой и подумала, что Майя права — Варт может зажечь так, что люди не оправятся, особенно сейчас, когда он зол и устал. Лучше обойтись без этого.

Непонятно, откуда по ВГТУ проник слух, что Варт и Юлга встречаются. То ли егс разнес лукавый зверозык Хако, который удачно подслушал телефонный разговор, то ли такие слухи всегда возникают, когда едешь до института с кем-то вместе... Может, они просто как-то не так себя вели. Но в итоге Юлга внезапно узнала про себя две вещи: она — Вартова, значит, исключена из списка свободных девушек, за которыми может приударить нормальный человек, и она — Вартова, поэтому все обиженные Вартом решили отомстить ей. Знали, что от Варта может и прилететь в ответ, а Юлгу считали слабой — достаточно слабой, чтобы быть Вартовым слабым местом.

Репутация Селии в среде Тьенской молодежи не имела никакого веса, а наличие Круга никого не пугало — кто там был? Сирота, дочка военного, дочь опального жреца, безотцовщина с периферии... Они учились в ВГТУ уже два месяца, и уже два месяца доказывали, что они не дно здешней иерархии. Конечно, сами по себе они были сильны, но доказать это было сложновато — ну не бить же каждого, кто нарывается, как предлагала Майя, правда?

ВГТУ оказался тем еще гадюшником, переполненным неуравновешенными юнцами с экзотическими силами. Вот почему Юлга не хотела сюда идти, но теперь делу уже не поможешь, теперь ей предстоит отучиться свои пять лет, а потом пять лет отработать среди здешних выпускников. Раз уж она сюда влипла, она разберется с этим — самостоятельно, не вмешивая Варта. Каким бы он не был хорошим человеком и другом, он не мог водить ее за ручку вечно.

Ния же почему-то верила в лучшее в людях и честно передавала все, что ей поручали, каждый раз очень расстраиваясь, что все получилось как обычно. Переубедить ее раз за разом было все труднее, хотя, казалось бы, она давно уже должна была понять свою неправоту.

Почему-то Ния не думала о парнях для Майи и Жаннэй. Возможно, дело было в их поведении: рядом с любой из них трудно было кого-либо представить. Юлга — другое дело, и забота подруги о ее личной жизни в последнее время была чуть ли не удушающей. Ния была счастлива, и хотела делиться своим счастьем с другими, не особо спрашивая о том, разделяют ли другие ее виденье счастья.

— Но я же не предлагаю тебе выходить за него замуж? — Вклинился в Юлгины размышления вкрадчивый голосок Нии, — Ты просто поболтаешь с ним — и все. Если боишься, мы попросим Жаннэй присмотреть — правда, Жаннэй?

Жаннэй пожала плечами.

— Сходи. — Веско сказала Майя. — Если и этот окажется козлом, Ния прекратит свои попытки. Ния?

Ния возмутилась было, но под тяжелым взглядом Майи поникла.

— Прекращу...

— Разобрались. Пойдем-ка на матстат, а то опаздываем уже? — Майя как всегда эффектно испеклила палочки и смахнула пепел в тарелку.

— Десять минут как опоздали. — Констатировала Жаннэй.

— Десять минут не опоздание! — Улыбнулась ей Майя.

Последнюю пару месяцев Варт жил в кошмаре. И от того, что это были всего лишь отголоски чужих кошмаров, которые перемешивались в разных пропорциях, ему легче не становилось.

Честно говоря, больше всего ему хотелось взять палатку и уйти в лес. Наплевать на всех и уйти в лес — особенно на Керна.

Керн пил. Учился и пил, пил и учился. Большую часть времени он был совершенно адекватен, спокоен и ничем не пах кроме морозной свежести... Кроме тех моментов холодной ярости, когда вокруг него застывала вода и мерзли люди, и которые Варту приходилось гасить в экстренном режиме. Эти вспышки были всегда неожиданны, сильны, и ожидание их выматывало Варта даже больше, чем само гашение.

К счастью, куратор Керна, многое на свете повидавший старичок-анестезиолог, помог прикрыть Керна от Ведомства, не желая, по видимому, терять лучшего ученика. Он сочинил байку про какую-то новую разработку и на всякий случай выхлопотал Керну полугодовую отсрочку перед экзаменом на лицензию, а выпускные Керн худо-бедно сдал и в своем весьма плачевном состоянии.

И вот сейчас этот самый старичок-куратор, выпроводив ученика на несложную операцию, обернулся к Варту с удивительной обеспокоенностью на лице. Удивительна она была потому, что он действительно за Варта беспокоился, хотя Варт мог поручиться, что никак собственной усталости не проявляет.

— Юноша, с вами все в порядке?

— Да, конечно, никаких проблем.

— Вы истощены. Варт из рода Хин, если я не ошибаюсь? Ош из рода Таг. Чистая эмпатия? Простите, что не интересовался вашим именем раньше, мы никогда не встречались лично...

И вправду, Варт впервые оказался в клинической больнице, где практиковался Керн. Ярт работал в другой.

— Да. — Сказал Варт, не видя смысла в том, чтобы отпираться от собственного имени

и силы.

— Вам, наверное, сейчас приходится очень сложно. Керн ваш друг?

— Да.

— Но, как мне кажется, он не единственный, чьи эмоции для вас... нежелательны?

— К чему эти расспросы? — Насторожился Варт.

— Я могу видеть степень магического истощения, — спокойно сказал Ош, — вы буквально спасаете моего ученика, и я очень вам за это благодарен. Вы — сильный эмпат, конечно, Керн не подарок, но вряд ли только он мог вас настолько вымотать. Давайте вместе поговорим о проблеме и я попытаюсь вам помочь? Я врач, все, что вы мне скажете, останется между нами.

— Это... семейное дело.

Почему Варт решил ему довериться? Будь на месте Варта Юлга, она бы отказалась, но именно на ее примере Варт осознал, что такой взгляд на мир и людей может быть вреден для обладателя и обиден для кого-то, кто действительно хочет помочь. А Ош ведь действительно очень помог Керну.

И Варт заговорил, как будто прорвало плотину.

— Вы знаете, что Керн страдает из-за женщины? Он мог и не говорить об этом, холодильник несчастный... Эта женщина — мать моей подруги...

Варт вспомнил, какой Юлга была этим утром. Встрепанная, уставшая, невыспавшаяся — вчера ей опять звонила Селия, они разговаривали до поздней ночи, Варт чувствовал чужую тоску и боль, на излете цеплявшую его из-за стенки. Юлга приготовила завтрак на всех и убежала в институт до того, как Варт успел перекинуться с ней хоть парой слов.

От нее веяло усталостью и чуть-чуть — раздражением.

Вчера вечером они поссорились, и Варт не был уверен, но подозревал, что Юлга с ним вообще не разговаривает.

— Моя подруга расстроена из-за этого. Ничем нельзя помочь, если она не попросит, а она не попросит. Ее мать расстроена еще больше, именно из-за нее... хотя вряд ли только из-за нее... честно говоря, не знаю, почему мы все время ссоримся, мы же этого не хотим. Она не хочет... Но все равно... А брат...

Варт сел на услужливо пододвинутый стул. Ош смотрел сочувственно и понимающе.

Так и хотелось рассказать про то, что сейчас как раз кончается десятый месяц, у Яльсы скоро день рождения, а потом — годовщина их свадьбы, и по ночам Варта накрывает тяжелой вереницей некромантских кошмаров, которые ему тоже приходится гасить, чтобы не пострадали ни Юлга, ни Жаннэй. Что Жаннэй все так же пуста и не умеет эмоционализировать, и рядом с ней Варт чувствует иррациональный страх — свой собственный страх, и как тяжело ему это скрывать, чтобы никого не обидеть, особенно — Юлгу, для которой Жаннэй стала лучшей подругой.

А еще есть кошмары Пекха Хина, который и надеется и уже не надеется, что его жена выйдет из комы, а Талина даже в коматозном состоянии распространяет вокруг себя желание найти Яльсу и спросить ее то самое: «Почему». Что иногда Варту кажется, что Талина родила его — и забыла о его существовании навсегда, что ему сложно заходить в ее палату, он чувствует себя не на месте, ненужным и нежеланным. Однако он должен.

Но все это была слишком личная и запутанная история для того, чтобы рассказывать незнакомому человеку, Варт ведь и сам не до конца все понимал. Да и сложно было бы обойтись парой слов, а такой опытный врач наверняка очень занят — не стоит отнимать у

него время. И Варт выдал сокращенную версию.

— У брата тоже есть проблемы. К тому же он только сдал на лицензию, и результаты еще не пришли. Ярты рода Хин — вы же слышали?

— Перспективный юноша. — Кивнул Ош, — Благодаря соперничеству с ним Керн добился впечатляющих результатов... Варт, послушайте, что я вам скажу. Если вы будете пытаться разгрести все это в одиночку, вы сгорите. О скольком вы мне еще недоговорили и не скажете, потому что это не мое дело? Я не буду спрашивать, но мы оба понимаем, что как бы вы не были сильны, вы не сможете сделать так, чтобы все внезапно стали счастливы.

— Технически — могу, но меня загребнут. — Попытался пошутить Варт, но замолчал под укоряющим взглядом Оша.

— Не можете. С людьми случаются беды, Варт. Не тащите все чужие беды на себе, даже если вам кажется, что вы можете это сделать. Потому что однажды, когда кому-то действительно понадобится ваша помощь, например, вот глупость-то, вам понадобится позаботиться о себе самом, вы окажетесь полностью вымотаны интрижкой друга, страданиями брата... и так далее. До бесконечности. Потому что у окружающих всегда будут проблемы, и даже если вы максимально выложитесь, вы не сможете решить их все.

— Вы говорите, что мне лучше оставить Керна? — Удивился Варт.

— Не воспринимайте так буквально. — Тепло улыбнулся Ош. — Керну действительно нужна ваша помощь, но, поверьте, у него есть еще и я, и я обещаю, вам осталось мучиться с этим балбесом недолго. Доверьтесь старику. Он мне как сын...

Варт задумался, то, что он хотел сделать, Керн бы точно не одобрил, но, все-таки, решился.

— Керн из рода Ялко... Такой захудалый род, их покровитель — маленький водяной дух, упоминался всего в паре хроник. Сами понимаете... Хорк. Хорк из рода Ялко — его дед. Кажется, если ограничить его воздействие на Керна, это облегчит задачу.

— Что вы хотите сказать?

— Варт из рода Хин — раздолбай, юнец, ничего не понимает в жизни. Но если с Хорком из рода Ялко поговорит Ош из рода Таг, уважаемый врач, куратор его внука... Проблема Керна в том, что его совершенно не ценят в семье, он до сих пор работает сиделкой у своей бабушки. Он любит ее, но одно дело — навещать время от времени, другое — раз в два дня, как штык... это не сложная работа, но она занимает много времени и выматывает...

— В юности я подрабатывал сиделкой... — Улыбнулся Ош, — Я понимаю, к чему вы клоните. Я поговорю с главой рода Ялко... и скажу Керну, что это была моя затея. Положитесь на меня — я смогу позаботиться о вашем друге и моем ученике, это не только ваша ноша.

— Спасибо вам. — Варт встал и коротко поклонился, как положено было кланяться старшему в роду.

— Юноша... — Окликнул Ош, когда Варт был уже на пороге.

— Да?

— Поговорите с вашей подругой начистоту. Мне кажется, ей вы сможете выговориться гораздо лучше, чем полужнакомому старику. Это поможет вам чуть воспрять духом, поверьте... и будьте осторожны, с вашей будущей работой нет ничего проще, чем потерять себя.

Варт поклонился вновь, ловя краем глаза лукавую улыбку Оша.

— Спасибо.

— и еще... Думаю, вам будет полезно знать. Вы не чистый эмпат, хотя очень похоже на то. На вашем месте я бы покопался в родословной матери: вряд ли эта примесь могла прийти из некромантских сил. Удачи.

— Подождите! — Выкрикнул Варт, хотя Ош и не думал двинуться с места, — Можно я иногда буду к вам заходить? Просто... так...

Он понимал, насколько глупо выглядит он — замерший на пороге как истукан, и его просьба. Но Ош оказался именно таким, каким казался на первый взгляд: мировым стариканом.

— Конечно. Заходите в любое время — я почти вышел на покой и у меня не так много пациентов, развеете мою скуку.

Конечно, Варт не собирался заходить в любое время и понимал, что не стоит особо злоупотреблять оказанной честью.

Однако сама возможность почему-то грела душу. Варт и сам не осознавал, почему так получилось, хотя все было проще некуда.

Впервые кто-то старше, опытнее, кто-то, кто действительно знал, что делать, не отмахнулся от Варта и его беззвучного крика как от чего-то незначительного и совершенно осознанно протянул ему руку помощи.

Обычно все цеплялись за Варта.

Юлга проспала.

Впервые с начала учебного года она проснулась, и, глядя в отвратительно-светлое небо за окном, поняла, что едва успеет собраться и съесть бутерброд, что уж говорить о нормальном завтраке для себя и для всех остальных.

На кухню она слетела чуть ли не кубарем. Почти полностью скрытый за газетой Ярт отсалютовал ей кружкой.

— На плите есть сосиски с картошкой.

— Я вижу, вы поделили обязанности. — Заметила приятно удивленная Юлга, рассматривая почему-то совершенно не жирную жареную картошку на сковородке. — Как ты это делаешь?

— Секрет фирмы. — Ярт аккуратно сложил газету. — Вы два сапога пара; не то чтобы мне не нравилось тебя эксплуатировать, но ты могла бы назначить себе день отдыха раз в неделю. Сегодня, например: насколько я помню, у тебя с утра пораньше боевка.

— Питаться перед боевкой подгорелыми сосисками — тоже не самое лучшее решение... Как он это делает?

— Он не делился секретом. Подозреваю, принципиально не доливает воды. Юлга, что происходит?

Если до этого разговор велся шутливым, дружелюбным тоном, да и сам Ярт казался расслабленным, как сытая пантера в полдень, то теперь он резко посерьезнел.

— А? — Не сразу сорентировалась в столь резкой смене настроения за столом Юлга, — Что?

— Я спрашиваю, что происходит? Раньше я списывал все на состояние своей матери. Но Варт сильный эмпат, он вполне может справиться с подобным и не оказаться при этом в таком плачевном состоянии. Кто еще на нем повис?

Юлга сунула в рот побольше картошки и демонстративно начала жевать, глядя в окно. Ярт немного подождал, и продолжил — вкрадчиво, мягко.

— По мне не скажешь, но я за него беспокоюсь. Варт часто берет на себя слишком много. Вот и сейчас: полчаса назад он убежал, и если он убежал в институт, то они как-то слишком уж сильно подвинули расписание.

— Потому что не знает, как ты к этому отнесешься. — Вздохнула Юлга. — Керн сорвался, Варт пытается его держать. Я первокурсница, я не могу судить, но я не уверена, что Керн выкарабкается.

— Все-таки Селия навестила его перед отъездом? Мог бы и догадаться. А я ей говорил — не тронь, завоняет. — Вздохнул Ярт. — С этими экзаменами я совершенно выпустил ситуацию из-под контроля.

Он дернул воротник идеально застегнутой рубашки, как будто ему было душно. Ярт и правда очень устал. Теперь за труп его принимали иногда даже некромантские детишки, настолько он выматывался в больнице — и физически, и энергетически. Там, как будто, решили выдоить из последних дней Ярта низкооплачиваемым практикантом все, что только возможно.

Да что там, именно так оно и было.

Юлга подумала, что уставший Ярт разговаривает с ней удивительно миролюбиво. В

нормальном состоянии он бы уже подставил ей пару метафизических подножек, облил ее желчью с ног до головы и беззастенчиво бы ржал над ее попытками встать. Так что, может, оно и к лучшему, что он так устал. Хотя, тут Юлга очень удивилась своим мыслям, к Яртовой привычке плевать ядом она уже совсем привыкла, и даже чуть по ней скучала.

— А что поделаешь? — Она пожала плечами. — Не может же он его бросить.

— Да ты, я посмотрю, тоже уши греешь. Точнее, тебе. Ну-ну, не удивляйся, у тебя на лбу это написано неоновыми буквами. Огромными такими. Как они на таком маленьком лбу только помещаются? Впервые тебе Селия плачется? Привыкай, ты теперь взрослая, поведать тебе о своих любовных проблемах — святое. Может, отца позовешь? Чтобы до кучи. Селия выйдет в боевой режим и разберется раз и навсегда со всеми своими мужиками.

Юлга представила очередь из мужиков, с которыми ее матери пришлось бы разбираться: хвост ее терялся где-то за горизонтом. Помотала головой, отгоняя прилипчивое виденье.

Нет. Все-таки не так уж и скучала. Может, Ярт и вправду энергетический вампир? Не задеть собеседника за живое просто выше его сил.

— Я знаю о моем отце только одно: он мертв. — Сухо ответила она. — Если ты знаешь больше, то подними и познакомь.

— О, видимо, однажды она уже вышла в боевой режим? — Ярт усмехнулся, но не ядовито, а как-то беспомощно. — А с Керном я разберусь. Сказали бы раньше, это бы так... не затянулось.

— Варт сказал, вы в ссоре.

— Тут дело не в Керне, девочка. Тут дело в глупом младшем брате, который уже месяц колдует на износ. Вполне себе причина, чтобы навешать другу целительных люлей — в ссоре, тоже мне! Как будто он маленькая девочка-подросток, я всего-то сказал пару слов, а меня уже вычеркнули со строчки «лучшая подруженька» в миленьком розовом дневничке. Думаешь, все бывает так просто?

Юлга развела руками.

— Не знаю. Иногда все бывает даже слишком просто. Сложнее всего понять, когда не стоит искать второй смысл.

— О! — Восхитился Ярт. — Да ты уловила суть. Главное — сказануть красиво! Умная девочка. Держи печенье.

И ведь, гад, не поленился, сделал огромный крюк вокруг кухонного стола, чтобы изящным барственным жестом кинуть ей овсяное печенье из коробки.

— Вы меня не разбудили, потому что забыли про меня? — Поинтересовалась Жаннэй. — Не слишком вежливо с вашей стороны.

— Юлга, кто эта девочка? — Натурально удивился Ярт. — Что она делает в доме моего отца?

— Хамло. — Безэмоционально откликнулась Жаннэй. — Хочешь, посоветую таблеток для улучшения памяти? Я ее сестра. Сес-тра.

Жаннэй была единственной, с кем Ярт мог злословить на равных. Не потому, что она была хороша в выплетании так любимых Яртом словесных кружев, а потому, что совершенно не понимала его злых шуток, и реагировала настолько непосредственно, что иногда это казалось изощренным издевательством. Вот и сейчас на ее лице было выражение легкой обеспокоенности.

Ярт перевел взгляд с Юлги на Жаннэй, с Жаннэй на Юлгу. Внешне они были полными

противоположностями. Юлга верно поняла намек и картинно развела руками подсмотренным у Варта жестом:

— Она приемная. — и рассмеялась первой.

Юлга встретила Нию на подходе к институту.

Ния шмыгала носом и терла глаза. Юлга ни разу до этого не видела, как она плачет, потому окликнула ее не сразу.

— Привет. Что-то случилось?

— Аллергия. — Коротко буркнула Ния. — Привет.

— Больше похоже на истерику. — Заметила поотставшая было Жаннэй.

— Жаннэй, в таких случаях принято ничего не замечать! — Зашипела Юлга.

Жаннэй кивнула, принимая информацию к сведению. Ния вздохнула.

— Нет, все правильно. Я действительно разревелась. Я просто подумала...

— Здорово, Нийка! Чего ревешь?

Майя возникла у них на пути огненным вихрем.

— Просто. — Замкнулась та.

Юлга поморщилась от досады: Нию явно что-то беспокоило, и беспокоило уже давно. И вот, она почти раскололась, но тут вмешались эти... Бестактнее Окоса, право слово, и все, она снова как раковина захлопнулась.

Она так детально представила себе эту раковину, что почти услышала звук хлопка.

В последнее время Юлга начала за собой замечать, что ей не все равно, что чувствуют окружающие ее люди. Конечно, она не была Вартом, и чужие негативные эмоции не оборачивались для нее почти физической болью, но и наблюдать отстраненно, как раньше, не могла. Особенно за теми, кто ей близок.

Юлга ненароком одернула перчатки. Если бы она сейчас ухватила Нию за руки, она несомненно что-то узнала бы. Но стоило бы это утраченного доверия? Да и... созреет — скажет сама.

— Вроде в прошлый раз Витязь говорил, что на этой боевке будет что-то особенное? Кто-нибудь может догадаться, что? — Она поспешно перевела тему.

Жаннэй не успела заинтересоваться, а Майю можно было отвлечь разговорами о боевке от чего угодно — или она позволяла так думать. Вот и сейчас она откликнулась моментально:

— Это... Князь взял отпуск на неделю, сестра у него рождает, так что, скорее всего, мы сможем посмотреть на третьекурсников.

Витязь и Князь на самом деле имели совсем другие имена, но между собой их звали так. Был еще Краль, обучавший старшие курсы, четвертый и пятый. Считалось, что Витязь слабее Князя физически, но как преподаватель лучше, потому его и поставили пестовать младые дарования. Юлга не знала, правда ли это, Князь у них ни разу не вел.

— Окос... — вздохнула Юлга. — Главное, чтобы Витязь не устроил избиения младенцев.

— А что? — Оживилась Майя. — Если Круг на Круг, так у нас есть шанс! Я вперед, ты — Нийкой — тыл прикрывать, и Жаннэй по центру, как отрабатывали. Мы им жару зададим! Ты взяла?

Юлга кивнула.

— Взяла, взяла, но я надеялась спокойно отработать. Если бы не ты, мне бы и в голову

такое не пришло, Майя. Ты прирожденный силовик, прими мое восхищение.

— Оставь себе. — Отмахнулась Майя. — А ты, Ния? Что у тебя по силе?

— Луна растущая — третий. Круг потяну.

— Вряд ли понадобится. — Вмешалась Жаннэй, которая как будто получала изощренное удовольствие, возвращая подруг с небес, — Витязь не дурак, не будет он нас против третьекурсников ставить.

— А ты как? — Майю было не так-то просто сбить с ее воинственного настроения, — поддув обеспечишь?

— Ты похожа на грабителя, проверяющего обойму. — Жаннэй пожала плечами. — Я на своем месте. Не беспокойся, сделаю, как отрабатывали.

— Откуда образ? — Подозрительно спросила Юлга.

— Да, знаешь, так, фильм один, — едва заметно зарделась Жаннэй.

Юлга улыбнулась. Вроде в фильме про Мари рода Холхе была именно такая сцена. Хотя она могла и ошибиться: наверняка такая сцена была не только в нем.

— Девочки! — Ния округлила и без того огромные зеленые глазищи, с которых уже почти совсем спал отек, — Я подумала, знаете, что Витязь может? Он может взять кого-нибудь, и поединок один на один, только противников менять. Сначала самого сильного младенца растерзать отдать, а потом...

— Пока его боец не выдохнется окончательно? Нийка, ты гений! Самая та схема-то! Типа проверки на выносливость получится для них, и опыт боя с более сильным противником для нас. Кто не захочет или слабый — от стены посмотрит. А нам можно будет давать отдыхать — нас же больше! И тогда у каждого будет по несколько боев.

Майя аж перешла на припрыжку, предвкушая развлечение. Юлга драться не любила, и поэтому очень надеялась, что подруги ошиблись в своих предположениях, и все занятие они просто постоят у стеночки и посмотрят на примере третьего курса, как надо драться.

Кстати! Тут ее осенило. Варт же тоже будет. Раз они никак не могут поговорить дома, то, может, на боевке будет минутка? Надо ему рассказать, что Ярт про Керна узнал. А то получится, что она его подставила: Ярт устроит брату головомойку из самых лучших побуждений, такой уж он.

Пока они переодевались, Юлга все думала о том, разозлится Варт на нее или нет. Кто угодно сказал бы, что Варт не умеет злиться, но она-то знала: он просто прекрасно это скрывает. Единственный раз, когда он действительно на кого-то сорвался — это та история с Керном. И то, потом вернулся, извинился и продолжил с ним нянчиться.

Юлга была в чем-то согласна с Яртом: Керн мальчик взрослый, тащить его за ручку из болота — не Вартова забота. Но она отлично понимала, что до Варта эту простую идею донести просто невозможно, нет — только не до человека, который уже десять лет как пытался разобраться с отъездом жены брата с минимальными подвижками и ведь своего добился. Теперь он знает, где она, и с ее, Юлгиной, помощью, вполне возможно, узнает еще больше.

Юлга поймала себя на том, что не понимает, как он это сделал — как он смог увлечь ее делом десятилетней давности настолько, что она стала воспринимать это своей личной проблемой? Она всегда считала, что разборки других людей — это не то, во что ей стоит совать свой нос. Она даже не спрашивала у Селии про отца, уверенная, что все, что нужно, мать расскажет сама. Та рассказала совсем немного, но Юлге этого вполне для спокойной жизни хватало.

Варт как будто что-то в Юлге разбудил. Что-то, спящее настолько крепко, что-то почти похороненное: сейчас ей было не все равно. Утренний разговор заставил ее иначе взглянуть на те крупницы информации, которые связывали ее с отцом, и осознать их ничтожность; слезы Нии действительно вызвали желание понять, что именно с ней не так и разобраться с этим. Она искренне переживала за Жаннэй, боялась, что Селия ей откажет, и ей будет некуда идти.

Конечно, это было не так плохо: при зрелом размышлении Юлга поняла, что теперь ее жизнь как-то насыщеннее и интереснее, чем раньше. Правда, была небольшая проблема. Варт как будто с первого взгляда решил, что она должна ему помогать всегда и в любом случае — так или иначе. Юлга простила ему его манипуляции в начале их знакомства. Он запутался, он был в отчаянии, кто в такие моменты не совершил бы ошибки? Но Юлге казалось, что одной из причин их негласной размолвки, длящейся последний месяц, был ее твердый отказ помочь ему разобраться с Керном. Она не хотела лезть в прошлое своей матери без ее на то разрешения, и ей не хотелось копаться в причинах их ссоры. Тогда она еще считала, что Селия справится со всем сама, но каждый вечер телефонных разговоров расшатывал эту уверенность.

То, что она отказалась, могло быть для Варта нешуточным разочарованием. Юлга очень ценила Варта, но не думала, что обязана поддерживать его во всем: чуточка здоровой критики никому не повредит. В этом же вся суть дружбы: если друг делает что-то не так, кто еще скажет об этом и удержит, или, в случае Варта, хотя бы попытается, удержать от опрометчивого поступка?

Варт упрямее Окоса, но, может, если она скажет ему обо всем прямо, он перестанет ее избегать? Ну ничего, сейчас он точно должен быть, кто в здравом уме пропустит боевку?

Юлга с сокружницами вышла в зал и первым делом попыталась найти в толпе Варта. Однако, вопреки Юлгиным ожиданиям, его среди стоящих поодаль сплоченной стеной третьекурсников не оказалось.

Неужели он решил прогулять? Ярл говорил, что Варт убежал очень рано: неужели с Керном что-то серьезное, и ему не хватило времени? Боевку отрабатывать — удовольствие еще то...

Жаннэй ободряюще тронула Юлгу за руку.

— Скорее всего, просто опаздывает.

Жаннэй была на диво проницательна. Наверняка она догадывалась если не обо всех, то о большей части Юлгиных мыслей. Сама она Варта не очень любила, отвечая взаимностью на его откровенную неприязнь, но никто из них не доводил этого до настоящей конфронтации: зачем ссориться, если живешь в одном доме и если причины обоюдной неприязни во многом иррациональны? Разумные же люди.

Жаннэй признавалась Юлге, что каждый раз, когда она стоит рядом с Вартом, она чувствует, как что-то пытается исподволь залезть в ее душу. Варт же много раз говорил, что Жаннэй для него выглядит черным холодным пятном на окружающем мире. Юлга и не задумывалась о том, чтобы их подружить, что на ее месте обязательно попыталась бы сделать Ния, для которой понятие «несовместимость даров» как будто не существовало вовсе. Юлга не считала, что это приговор, но думала, что Жаннэй с Вартом разберутся во всем сами и никаких активных действий по их сближению не принимала.

В зал вошел Витязь. Юлга еще раз внимательно осмотрелась по сторонам: нет, Варта нигде не было. Даже если он все-таки придет, это будет опозданием, а Витязь терпеть не

может опозданий. Снисхождение же к чужому ученику точно не в его духе.

Варт явился только к концу разминки, встрепанный и усталый.

— извините пожалуйста, можно войти?

Витязь как раз расхаживал перед двумя линейками: пятью группами первого курса и тремя — третьего. Окидывал орлиным взором, что-то думал, иногда спрашивал имя...

Майя шепнула Юлге, что тот прикидывает, чего каждый из третьекурсников стоит, как боец, и что ее папаша так же перед новобранцами расхаживает.

Вот и Варта он смерил оценивающим взглядом с ног до головы.

— Кто?

— Варт рода Хин.

— Ясно. — Отвернулся и сказал строю, — Ну что, давайте начнем бои?

— Что насчет меня? — Спокойно спросил Варт.

Юлге захотелось подойти к нему, взять за руку и куда-нибудь спрятать. Варт совершенно отказывался чутать границы дозволенного. Это было настолько не в его духе, что очевидно было: он смертельно устал. Юлге даже показалось, что его пошатывает, хотя с ее места ей было не слишком-то видно.

— Без разминки? — Насмешливо спросил Витязь. — В вашем состоянии?

— Если отпускаете — так и скажите, пойду тогда.

— Нет, ну почему же? Вставайте в конец строя. Это будет интересный опыт для всех нас. — Он ответил все тем же дружелюбным тоном. — Что же, я хотел устроить бои Кругов, но теперь к нам присоединился еще один человек, и мы сможем провести индивидуальные бои...

Коллективный стон от строя первокурсников разнесся по всему залу. Они отлично осознавали, кого в этих боях будут бить. Впрочем, на Варта никто косо не смотрел: что бы Витязь не говорил, но половина перваков и целая группа третьекурсников не были разбиты на Круги, потому в бои Кругов никто не верил изначально.

— Пары подберу я... Третьекурсников меньше, так что для вас это будет тестом на выносливость. Первокурсники, кто победит — тому баллы за занятие и прощу одно опоздание. Третьекурсники, которые смогут выстоять против четверых подряд — тоже самое... кроме тебя, тебя и тебя, — Витязь указал на двух девушек и одного парня, — Вам достаточно троих. А тебе... и тебе, — На этот раз указали на массивного бритоголового парня, про которого Май шепнула Юлге, что тот перевелся в военного, и на Варта, — Пятерых. Но-но, все честно: я договорюсь с Алоком, так что ваши опоздания не сгорят, когда он вернется.

Мотивацию Витязь подобрал что надо. Простить опоздание! Это же все равно что дать выспаться и прийти к концу боевки! Свободная первая половина дня — мечта же! Юлга вздохнула. Она была середнячком, ее стихийный дар не был не слишком пригоден для боев, он ведь был от Живицы, а не от Дарфла, разве что попытаться воспользоваться идеей Майи... но нет, это лучше в крайнем случае, она же даже не знает, получится ли.

— Я должен следить за вами, зал не слишком большой... думаю, не больше двух боев за раз. Не беспокойтесь, мы все успеем...

Еще бы они не успели. На боевку была отведена вся первая половина дня. Юлга досадливо поморщилась — у нее еще была смутная надежда в этом не участвовать, но она рассыпалась в прах: настолько у Витязя было азартное лицо.

— Те, кто не участвует — на трибуны, начнем с Варта и...

Бритоголовый склонил голову и отчеканил:

— Янек рода Къенок.

— и Янек — первые. Первый курс — добровольцы по желанию.

Варт и Янек встали на разных половинах поля. К Варту тут же вышел Фенур из Юлгиной группы: видимо, не счел худого и не слишком представительного на фоне Янека Варта опасным противником. Юлга предвкушающе улыбнулась: это Фенур его без футболки не видел! И не знает, что Варт каждый день перед домом вытворяет. Все-таки не зря Витязь все время Фенуру талдычит не торопиться с выводами. Авось Варт его чему и научит.

Майя, плюхнувшись на скамейку рядом с ней, разочарованно присвистнула.

— Во-о-от, а я хотела со свежим Вартом схлестнуться! Не успела...

— Он и сейчас не слишком свежий, — раздался с другого от Юлги боку голос Жаннэй, — судя по тому, что он не смог нивелировать конфликт с Витязем, и по его общему внешнему виду, и по тому, что он с нами сегодня не завтракал, он пришел сюда после того, как разобрался с Керном.

— Он как лимон. — Коротко пояснила Ния, которая отлично знала отношение Майи к сложным кеттским словам.

— То есть у меня есть шанс?

— Девочки, тише! — Вдруг шикнула Ния. — Смотрите, Витязь на нас ухо наставил!

Витязь был зверозыком. Кроме медвежьей силы и частичной трансформации он обладал еще и удивительным слухом: его уши-лопухи, как у летучей мыши, по слухам, могли улавливать ультразвук. Впрочем, таким слухом обладали почти все зверозыки.

— Вы-то мне и нужны... Майя. — Витязь мягко прыгнул к ним через несколько скамеек, вызвав восхищенный вздох у кучки его фанаток, уселся на спинку скамеек нижнего ряда и посмотрел на Майю чуть склонив голову на бок. — Могу ли я вас спросить, кто, по вашему мнению, сможет потрепать Янека? А то что-то ваши сокурсники не выходят сами, а время-то идет... Подумайте тщательнее.

Майя ответила почти тут же:

— Янек огневик — имя такое, наше. Зрелищно будет, если выйдет Юрен. — Она кивнула в сторону пепельного блондина, сидевшего на нижнем ряду.

— Лед и пламя? От вас я ожидал чего-то менее стандартного. Но пусть по-вашему.

Он отошел — хлопнул Юрена по плечу, указав на арену, потом пошел включать щиты.

— и что он у меня спрашивать полез? — Удивленно спросила Майя, чуть опомнившись.

— Мне кажется, он тебя клеит. Причем уже давно.

— Ния, успокойся! — Юлга закатила глаза, — Сколько можно! Майя просто в этом разбирается, вот он и подкидывает ей пищу для размышлений, раз уж выдалась возможность. Он преподаватель, это его работа — развивать у учеников боевые навыки. В том числе навык оценки противника. Ну зачем все сводить к одному и тому же!

— Я просто высказала свое мнение. — Ния обиженно скривила губы.

— Ния, Юлга права: Майя прирожденный силовик, она разрабатывает наши схемы. Хорошо же, что Витязь это понял, правда? Вовсе не обязательно искать в этом романтический подтекст. — Внезапно вмешалась Жаннэй. — Мне кажется, Майя предпочла бы, чтобы ее ценили за профессиональные качества?

— Угу. — Согласилась Майя. — Хватит трепаться, смотрите, они начинают!

Витязь и правда дал сигнал к началу. Юлга прикипела взглядом к Варту — бой Янока с Юреном ее не слишком интересовал.

Варт просто стоял. За его спиной расплескалась о щит, разделяющий зал на две равные части, огненная волна — он и ухом не повел. Фенур же вздрогнул от неожиданности, и, видимо желая скрыть свою оплошность, потянулся к Варту, растопырив пальцы: Фенур был телекинетиком и сделал ставку на дальний бой.

Юлга очень пожалела, что ни она, ни Варт не могут видеть линий силы. Варту пришлось замататься туда-сюда по арене, в какой-то момент он споткнулся и будто случайно зацепил ладонью песок, которым был посыпан зал — тот взмыл в воздух неожиданно густым облаком. Пальцы Фенура шевелились быстро-быстро, как будто плели сеть.

— Ясно. — Шепнула Юлге в ухо Майя, — Песчинки легкие, изменяют траекторию в местах силы... Варту повезло, что Фенур еще сосунок, не может просчитать его движения.

— Молод-то он молод, но смотрите, колпак сплести ему ума хватило. — Мырлыкнул Витязь. — На сплошной его не хватит...

Он оперся на спинку Майиного стула и следил за Вартом с интересом.

Варт проследил за падающими песчинками, метнулся вперед, упал, по инерции проехавшись животом по песку, стремительно прополз несколько метров, вскочил, перепрыгнул через что-то невидимое, перекатился и выпрыгнул пружиной, ударив раскрытой ладонью явно не ожидавшему столь активных действий от только что пляшущего поодаль соперника Фенура в солнечное сплетение.

Тот согнулся, закашлялся — и тут же оказался на песке с заломленной за спину рукой.

— Я следующая! — Вскочила Майя, чуть не задев затылком подбородок Витязя — его реакция была воистину звериной, он успел отстраниться.

Пока она спускалась, Юлга обернулась к Витязю и, удивляясь собственной смелости, спросила:

— Ну что, поспорим?

Она отлично знала, что Витязь — человек очень азартный, и не откажется. Возможно, будь он чуть постарше, она бы не осмелилась так вот с ним заговорить, но он пошел преподавать боевку всего через три года после того, как сам окончил военный факультет ВГТУ. К тому же он сам показал, что готов взаимодействовать с Майей почти на равных, так чего сокружницам стесняться?

Ния фыркнула и отвернулась, сделав вид, что поглощена боем Янока и Юрена, для нее такое поведение было немыслимо.

Жаннэй не спускала глаз с половины Варта, хотя там пока ничего и не происходило. Майя и Варт стояли напротив друг друга и... все.

Витязь улыбнулся.

— Узнаю в вас черты матери, Юлга. Он ваш...

Юлга попыталась отогнать мысль о том, что перед ней очередной отвергнутый кавалер. Нет, вряд ли, просто знакомый. Юлга вообще не замечала у Селии особой любви к молодым мальчикам, разница с Керном была рекордной... Юлга предпочитала так думать, пока ей не предоставят неопровержимые доказательства.

На что он намекает? В любом случае, надо ответить однозначно, безо всяких двусмысленностей.

— Друг. И дальний родственник. И у него были причины опоздать.

— Охотно верю. Я дал ему шанс реабилитироваться.

— Знаю. Но давайте, все-таки, поспорим. — Все-таки разгадать ее цель было не так

трудно.

— Вы говорили, он очень устал?

— Вы подслушивали? — Юлга вздохнула, отворачиваясь и с интересом рассмаривая, как шипят и плаваются в огне ледяные кристаллы, среди которых должен был скрываться Юрен. Откуда он взял столько воды?

Майя и Варт все так же стояли друг напротив друга и сверлили друг друга взглядами, там было не на что смотреть.

— Просто вы очень громко это обсуждали. — Видимо, проследив за взглядом Юлги, Витязь присвистнул, — Ого! Первый уровень? Опять придется чинить покрытие... или оставить этот источник, пусть будет?

Ния презрительно фыркнула. Это было максимальное неодобрение, которое она могла себе позволить старшему.

— Прошу извинить, что вмешиваюсь в ваш разговор, — Сказала она максимально вежливо, — но очень прошу: оставьте. Иначе у магов стихии воды в вашей затее не будет никаких шансов. Я, с моим сегодняшним третьим уровнем, не смогла бы дозваться до грунтовых вод, как это сделал Юрен с его первым. Он уникален, больше у нас в группе первого уровня воды нет, вы отлично это знаете.

— Есть. — Возразил Витязь. — На полную луну и внекатегориальный есть, милая Ния рода Улы. Не приbedняйтесь, это к лицу не бойцу, но изнеженной барышне.

Ния дернулась, как будто ее ударили, и замолчала. Юлга поспешно вмешалась:

— Так мы спорим? Они вот-вот закончат свою игру в гляделки.

— Давайте. Я же ничего не теряю?

— Если выигрывает Варт, вы прощаете ему опоздание.

— Если выигрывает Майя, вы... выполняете одну мою просьбу.

— Но, чур, просьба со школьными ограничениями.

— Конечно, как вы могли во мне так сомневаться! — Покачал головой Витязь.

— Что такое школьные ограничения? — Шепотом спросила Жаннэй.

Ния какое-то время взирала на нее удивленно, потом махнула рукой, вспомнив, что та в школу не ходила, и ответила так же, шепотом.

— Без пошлятины и ничего противозаконного. И если человек боится вреда здоровью, он может отказаться, но это считается трусостью.

— Жаннэй, разбей.

Жаннэй недоуменно посмотрела на протянутые ей руки. Вмешалась Ния, которая перегнулась через Жаннэй и ударила по сцепленным ладоням.

Варт и Майя как будто этого и ждали: Майя ударила огненной волной, Варт упал на песок и снова пополз, вскочив, как только волна прошла над его головой.

Майя встретила его песком в глаза — он увернулся и в нечеловеческом прыжке смог уклониться от следующей волны, опалившей ему волосы.

Юлга огорчилась, ей очень нравилась Вартова прическа, а теперь по правой стороне волосы обгорели и свернулись в колечки.

— Он не очень удачно упал на правую руку, я слышал хруст. — Заметил Витязь. — Мне кажется, я выиграл... Насколько я знаю, у него нет стихии?

— Вы правы. — Выдохнула Юлга. — Выставлять против него стихийников...

— Ну, ну, что вы — четвертый уровень это не так уж и страшно. — Протянул он насмешливо.

— Майя — это страшно. И вы отлично это знаете. — Жестко ответила Юлга. — Я надеюсь, вы позаботились о том, чтобы вызвать целителя на эту вашу затею?

— За кого вы меня держите?

Майя тем временем сменила тактику, натравив на Варта целый рой мелких искр. Тот бросился от них удирать, иногда перескакивая через прицельно метаемые Майей шары и с определенным интервалом подныривая под очередные волны.

— По крайней мере, она усвоила все, чему я вас учил. — Протянул Витязь через минуту этой беготни. — Но я не думал, что кто-то настолько сосредоточится на ловкости. Это соревнование на выносливость, или я чего-то не знаю?

— Неужели вы не заметили? Он движется по спирали. — Сказала Жаннэй. — Все ближе и ближе. Это не просто бег по кругу.

Юлга, честно говоря, тоже этого не заметила, но очень удивилась, каким образом Жаннэй смогла оказаться наблюдательнее Витязя. Впрочем, оглянувшись, она поняла, что Витязь следит скорее за Майей, чем за Вартом. Майя и правда была хороша сейчас, как будто светилась изнутри. Каждый ее притоп выбивал из стекла, в которое превратился под ее ногами песок, искры — похожий танец она плясала летом, собирая Круг. В какой-то момент Варт подобрался слишком близко, и Майя закружилась, раскинув руки.

Юлга удивилась: она видела, как нечто подобное делала Жаннэй, но Майя... как не странно, у нее получилось: это был не такой уж впечатляющий огненный кокон, но в том, что это именно он, сомнений не было.

Варт ринулся к нему, сокращая расстояние. Юлге захотелось крикнуть — он же сейчас обгорит, и, хоть это все легко снимается опытным целителем, да и щиты не позволят зайти слишком далеко, это все равно будет жутко больно!

Но в последний момент Варт затормозил и отпрыгнул чуть наискось — и вовремя, потому что кокон раскрылся, как цветок, и огненный лепесток накрыл то место, где он только что стоял. Варт не упустил шанса — напрыгнул на Майю, повалил ее, заломил руку...

В процессе задержания кисти ломались, человек получал болезненные тычки по точкам силы, рекомендовалось лишить противника сознания — но в учебных боях для победы этого было достаточно, потому как было понятно, что дальше — дело техники.

— Знаете... Я, конечно, не могу судить, но ваш Варт — не прогнозист ли часом?

— Эмпат. — Ответила Юлга.

— Это я знаю... Точно нет части прогнозиста? Очень уж удачно он ловит момент, хотя, скорее всего, инстинктивно.

Юлга пожала плечами.

— Можете спросить у него...

Майя поднялась к ним — довольная-предовольная.

— Я его все-таки потрепала, да? Зря я только на силу понадеялась, ну да ладно, в следующий раз умнее буду, пойду в рукопашку! Обязательно его побегу! — Она поиграла мускулами. — Но так хотелось кокон попробовать...

— Ты прекрасно держалась. — искренне сказал Витязь.

— Да что там. — Отмахнулась Майя. — Он под конец выдохся, а я все равно. Юлга, иди ты.

— А? — Удивилась Юлга, — Почему я?

— Ну не Жаннэй же! Нию с ее хлыстом он сделает, но сама понимаешь, хлыст у нее соленый, а он не тратит сил, если может не тратить. У него весь живот кровит и в песке,

щеку и правый бок я ему спалила, хотя, думаешь, будь он не в таком отвратительном виде — не увернулся б? А ты сможешь нежненько. Ручками. Бескровненько.

— Я слабее его.

— Не сейчас. — Майя посмотрела Юлге в глаза. — иди, говорю.

Юлга спускалась и слушала краем уха диалог Нии и Майи:

— Ты это всерьез?

— А что они дуются друг на друга? Хорошая драка — залог крепкой дружбы! Не помешает!

И обещала себе, что после этой дурацкой боевки вернется и расскажет Майе про залоги крепкой дружбы и вообще надерет уши.

Хотя в глубине души была ей чуточку благодарна. Пожалуй, именно наблюдая за тем, с каким удовольствием Майя приняла свой проигрыш, она поняла, что этот бой может оказаться действительно веселым.

Вот и Варт, встретившись с ней глазами, улыбнулся белозубо и церемонно поклонился, становясь в стойку. Юлга поклонилась тоже, незаметно доставая из кармана спортивных штанов небольшой мешочек.

Все ожидают от нее рукопашной? Ну что же, будет рукопашная — но сначала Варт хорошенечко побегает...

— Спорим, они... — начала было Ния, наблюдая за Вартовым поклоном.

Юлга поклонилась тоже, незаметно скользнув рукой к карману. До нее Варт таких церемоний не разводил, и для Нии это уже что-то значило. Хотя Жаннэй, зная его склонность к театральным жестам, ничего иного не ожидала. С другими, конечно, Варт сегодня обходился без подобного, но Жаннэй это говорило только о том, что он пришел на боевку смертельно усталым.

— Ты перегибаешь. — Коротко бросила Майя.

— Я еще ничего не сказала!

— Простите, мудрый Тасо, вы не могли бы отойти? — Тихо спросила Жаннэй. — Это дела Круга, если вы позволите.

Витязь раздраженно дернул ухом, но возражать не стал. Фраза «дела Круга» обладала воистину волшебным действием в ВГТУ, хотя, сколько Жаннэй не искала, причин этому она не нашла. Наверное, одно из тех негласных правил, которые берутся из ниоткуда, но которые все знают. К преподавателям она еще ее не применяла, так что, наверное, рисковала — но, к счастью, сработало.

Жаннэй склонила голову, чуть сгорбила плечи, и просидела в такой позе до тех пор, пока Витязь не ушел на дальний конец трибун, выпрашивать что-то у другого своего любимчика. Она где-то читала, что подобная демонстрация покорности успокаивает зверозычков, а портить отношения с преподавателем она хотела меньше всего и решила перестраховаться.

Посвящать его в хитросплетения отношений их Круга она не собиралась, и если бы он отказался, просто придумала бы что-нибудь еще. Ния и Майя не могут уследить за языками, успокаивать их сейчас бесполезно, значит, она хотя бы сведет последствия к минимуму.

Внизу, тем временем, Юлга и Варт стояли друг напротив друга почти неподвижно — разве что пальцы Юлги выплетали что-то непонятное, но вряд ли Варт это видел за пышными складками ее шаровар. Видимо, все-таки решила использовать магию. Майя выцепила эту идею в одной из тех неправдоподобных до гениальности книг, которые иногда читала, предложила с присущим ей энтузиазмом, как и несколько ранее провалившихся идей, и Юлга не могла не понимать, что шансов на то, что это сработает, почти нет. Тем не менее, она решила рискнуть — вряд ли она решилась бы, если бы напротив нее стоял кто-то другой.

Жаннэй знала, что это будет скорее игра, чем драка, и понимала, почему Нию эта идея приводит в такой восторг — она кое-что знала о брачных обрядах Храма Улы. Ния считала, что бой может помочь выявить истинные чувства, и была уверена, что в этом случае проверка выявит всепоглощающую страсть или, хотя бы, нежную привязанность.

Жаннэй не могла разглядеть ни того, ни того, просто потому, что подобные чувства не подвергались рациональному анализу, а все те «верные признаки», про которые говорила Ния, могли толковаться двояко. В любом случае, она и не видела в том необходимости: даже если это и так, неужели они не разберутся сами? А если она полезет со своей помощью, как это пытается делать Ния, не испортит ли она все? Лучше не трогать то, что и так неплохо живет — так считала Жаннэй, которая отлично знала, как легко все разрушить парой вовремя сказанных слов.

— Все равно, я уверена...

— Ния, — перебила Жаннэй, — Ты не так давно сватала Юлгу к Ламерье. У тебя в роду есть кто-то из Храма Живицы? Поэтому ты так уверена в том, что делаешь, и никак не можешь успокоиться и просто наблюдать?

— Нет, свах у меня в роду нет, никаких, ни красных, ни черных. — Немного подумав, ответила Ния. — Это точно. Но разве в этом дело? Это ты, Жаннэй, прирожденная наблюдательница, а мне просто больно на это смотреть: они проводят друг с другом столько времени...

— Неплохо проводят. — Вставила Майя.

— Как друзья. — Добавила Жаннэй.

— Ничего себе, друзья! У нее много друзей, которым она позволяет к себе прикасаться? Даже мы ее стараемся лишний раз не трогать.

— Возможно, у нее есть на то другие причины? Ты хочешь сказать, что у тебя нет дара свахи, но ты все равно уверена, что должна в это лезть и знаешь, как будет правильно? — Жестко спросила Жаннэй. — Ты слишком самонадеянна. Это может кончиться плохо.

— У меня есть мои глаза! — Возмутилась Ния.

— Разберутся сами. Большие уже. — Отрезала Майя. — Смотрите! Надо же получилось! На песке! Четвертый уровень!

— Был же пятый?

— Сама смотри, Жаннэй! Какой еще пятый?

На песке лежал длинный зеленый стебель. Жаннэй и не заметила, как он появился. Он просто лежал между Юлгой и Вартом: Жаннэй не могла понять восторга Майи. Насколько она понимала Майину идею, стебель должен был не лежать, он должен был как-то... двигаться.

— Э-э-э... Мне кажется, четвертого бы хватило на целые заросли. — Вздохнула Ния. — Таких лежащих штук-то... А чем оно поможет? Мне казалось, оно должно быть более акти...

Варт попытался обойти стебель; Юлга не двинулась, но стебель, как змея, окружил ее.

— Ну ладно, оно может ползать. — Ния пожала плечами. — Все равно не понимаю, с чего вы все так с ним носились.

— Это что-то вроде... кокона. Но не требует особых энергозатрат, и его не обязательно брать с собой. Думаю.

— Ты права, Жаннэй. А еще под песком, скорее всего, есть еще чутка «штуки». — Кивнула Майя. — Всмотрись: вот там, там и там песок бугрится...

Варт переступил с ноги на ногу, и тут песок под его ногами буквально взорвался. От неожиданности Варт смог сделать обратное сальто, хотя всегда говорил, что это скорее зрелищно, чем полезно, не очень, насколько Жаннэй смогла разобрать, удачно приземлился на ноги, чуть не споткнулся, но выровнялся, и заплясал на месте, иногда используя мечущиеся корни вместо опоры. Задержаться на одном месте он не мог ни на секунду: стебель — а это все был один-единственный стебель — реагировал немедленно, пытаясь захлестнуться петлей вокруг его ноги.

— Майя, это не подойдет для боя с огневиками, ты же понимаешь? — Спросила Ния.

— Почему не подойдет? Большая часть тела скрыта от огня под землей. Юлга не управляет им постоянно, она просто сказала, что нужно сделать... интересно, а что в основе?

Май была права. Юлга скрестила руки на груди: пальцы замерли неподвижно.

— Виноград. — Ответила Жаннэй. — Вчера она сплевывала косточки в мешочек.

— Окос! — Воскликнула Ния, когда за спиной у Варта возникла еще одна петля, будто светящаяся в сгустившемся сумраке, — Эта тварь сушит воздух!

Варт оглянулся на петлю, и предпринял отчаянный рывок, добираясь по Юлги по враждебным стеблям. Когда петли стали взмывать в воздух прямо у ее лица, Юлга протянула ладонь с мешочком и резко сжала ее. Кусок погибшего стебля неудачно упал ей на руку и медленно сполз к ее ногам, разодрав перчатку и ссадив кожу. Юлга только чуть поморщилась, глядя на кровоточащие костяшки правой руки и медленно намокающую перчатку, а потом резко уклонилась, встречая руку Варта левой.

Растение существовало всего минуты полторы, умерло за несколько секунд. Все происходило так быстро, что Жаннэй едва успевала за этим следить.

После смерти растения в зал как будто начал возвращаться свет, и следить стало легче, но Жаннэй все равно не уловила того момента, когда Варт с Юлгой застыли статуями. Еще секунды три она надеялась, что как-то не так все поняла, и сейчас они продолжат. Однако они не двигались.

Ния резко выдохнула сквозь зубы, высказывая крайнюю степень негодования.

— Они опять, они опять, они опять! Да что же это такое! Да сколько можно!

— Жаннэй, позови Витязя. — Грустно сказала Майя, до того следившая за боем с недюжинным интересом. — Скажи, они не продолжают, они надолго. Угроздило ж разодрать перчатку! Вот ведь... Ола!

У огневиков Ола считалась демоном ледяного ада и имя ее было очень крепким ругательством. Ния подобное пропускала мимо ушей, нисколько не оскорбляясь: когда-то водники просто обожали устраивать огневикам ледяной ад, и ипостась Олы несла функции богини войны. Огневики тоже в долгу не оставались...

Жаннэй тоже почувствовала нечто, отдаленно похожее на разочарование. Она ничего не ожидала от боя Варта и Юлги, и все равно... Странная штука — эмоции. Однажды их в себе обнаружив, Жаннэй наблюдала за ними с интересом и легким страхом. Они были непредсказуемы и нелогичны, и это тревожило ее — еще одна эмоция.

Она позвала Витязя, не вставая с места, полностью уверенная, что воздух донесет для нее звук — это могли все воздушники, так или иначе. Детское упражнение, но такое удобное. Настоятельно посоветовала голой кожи у застывшей парочки не касаться. Хотя когда Юлга при них впадала в такое состояние, никому не удавалось до нее достучаться, а кожа у нее становилась твердой, каменной на ощупь. Однако предосторожность лишней не будет.

Хорошо, что Юлга выторговала Варту прощение за опоздания. Он, может, и продержался бы в пяти боях, хотя уже в этом он делал заметные ошибки и пару раз чуть не попался стеблю, но что-то Жаннэй подсказывало, что вряд ли они выйдут из этого состояния до конца пары.

Ния часто пеняла Юлге на то, что она шарахается от прикосновений. Однако Юлгу было нетрудно понять: если почти каждое прикосновение кожа к коже так кончается, то тут не просто шарахаться начнешь, тут на необитаемый остров сбежишь. Жаннэй зябко передернула плечами. Нет, ее дар ей нравился гораздо больше.

Яльса была в растерянности, она не знала, что ей предпринять и предпринимать ли. Может, это вообще судьба? Но тогда и то, что она это слышала — тоже судьба! А значит,

это знак, что надо все Мелле рассказать? Или нет? Или это все длинная цепь совпадений и решать надо самой? Но как она решит, она же не может просто взять и решить, а вдруг она напортачит? Она снова вспомнила, как так получилось.

До летних каникул оставалось три недели. Это было важным фактом, потому что в споре фигурировала фраза «до летних каникул», а еще на улице было жарко, и девчонки играли в волейбол рядом с футбольным полем, где, в основном, гоняли мяч мальчишки.

А Яльса не играла со всеми, хоть и была неплохим игроком. Позавчера она выбила указательный палец на правой руке, и теперь от нее было не так много толку, и она не хотела доставлять своей команде проблем. Поэтому она сидела на травке, смотрела за игрой и изредка подавала улетевший мяч, иногда футбольный, иногда волейбольный.

Выше по склону устраивалась компания мальчишек, из тех, кто вечно по уши в учебе. То есть раньше Яльса думала, что они по уши в учебе, потому что они были все из спецкласса, но теперь-то понимала, что это какая-то вопиющая несправедливость: пошили и гиенили они не меньше, чем ее одноклассники, разве чуть тоньше и без особой грязи, а оценки у них были куда как выше. Она-то думала, что они учатся-учатся-учатся, а их просто Окос по голове погладил, не иначе.

Яльса даже не задавалась вопросом, правильно ли то, что она слышит все их разговоры. Она же не специально! К тому же, если об этом задуматься, у нее опять разноеет совесть, а ей нравилось сидеть именно на этом месте: туда падала очень удобная тень от деревьев, и ей нравилось дремать на травке под звуки двух игр сразу, было как-то очень уютно и удобно.

Мальчишки из компании сверху были как на подбор: самые популярные в параллели. Ну, почти все, но куда же без исключений? Потому что они были умные и, в основном, из древних родов. На блеск их будущего заглядывались даже некоторые девчонки постарше, чего уж говорить о ровесницах-восьмиклассницах. Да и лицами они были недурны: древняя кровь, все-таки.

Заводилой у них был Вако из зверозыков. Тотемным животным у него был не какой-нибудь хомяк или лис. Не-е-ет, Вако был из волчьих, самый что ни на есть будущий вожак стаи, все так говорили. У Вако были желтые глаза, мускулы кого-то, кто с пяти лет занимается борьбой, широкая шея, каменный пресс и грация дикого зверя. Как-то раз Яльса наблюдала, как он рвет со своими старшаков в футбол и была впечатлена. Не она одна, потому что Вако был самым популярным восьмиклассником в школе, уступая в общем рейтинге лишь своему старшему брату, но десятикласснику проиграть не зазорно.

В ближайшей свите его состояли такие люди как Феллах из огневиков, а может и воздушник, про него вообще иногда поговаривали, что он — двухстихийник. Врали, скорее всего. Высокий Гурт, немногословный, с легкой печатью тоски и страдания на лице, занимавший почетное второе место в рейтинге, и непонятно как затесавшийся туда Ярт, циник, некромант и совершенно плевавший на общественное мнение человек. Общественное мнение на него тоже плюнуло, и он был единственным в компании, из чьего шкафчика на день Солнца кофе не сыпалось тоннами. На Вако Ярт тоже плевал. Наверное, его оставили, потому что он был единственным в компании, кто решался с Вако спорить всерьез и мог удержать того от опрометчивых поступков.

А тот самый спор начал сам Вако. Начал, и Яльса на секунду подумала, что оказалась в том самом фильме, который около недели назад смотрела с подружкой в кино. Потому что сказал он то же самое, что и главный герой.

— Нет ничего проще, чем склеить девчонку.

Безусловно, до этого разговор как-то дошел, но как Яльса не имела понятия, среагировав только на последнюю фразу. Она навестила уши.

— Хочешь сказать, что любая — твоя? — Лениво спросил Феллах. — Пряма любая-любая?

— Любая, спорим?

— Мелле из С-класса?

Вако явно задумался.

Яльса как можно незаметнее скрестила пальцы: лишь бы пронесло!

Мелле была ее подругой. Она считалась полной чудачкой, с ней мало кто общался, она не красилась, закручивала волосы в гульку, единственная в классе не укорачивала форменную юбку... Она была не единственной странноватой девочкой в школе, но у остальных за спиной был какой-никакой род, который придавал их странностям оттенок эксцентричности. Мелле же жила с папой в девятиэтажке неподалеку, а этого было достаточно для репутации неудачницы даже без ее отягчающих обстоятельств. Будь она хотя бы красивая... но внешность у нее была самая заурядная, ничего запоминающегося. Волосы неопределенно-зеленоватого цвета, карие глаза среднего размера и самой обычной формы, спрятанная в мешковатую школьную форму фигура — не на что смотреть. Даже дар так себе — подумаешь, телекинетик.

Яльса и сама жила в пятиэтажке с бабушкой, да и красотой не блистала, а юбку стала укорачивать совсем недавно, а потому неудивительно, что они с Мелле были лучшими подругами.

— А Мелле вообще проще простого! — Наконец выдал Вако. — У нее же в жизни парня не было.

— Так вы спорите? — Вкрадчиво спросил Ярт. — Давайте разобью.

— Спорим-спорим! — Согласился Феллах. — Склеит до летних каникул, модуль буду за него конспекты по литературе писать с сочинениями. Нет — он пусть за меня отдувается. По рукам?

— По рукам! — Азартно согласился Вако.

Вот так Яльса слышала то, что слышать не должна была и мучилась раздумьями уже целую алгебру, физику и пару русского языка.

С одной стороны, как хорошая подруга, она должна все рассказать.

С другой стороны, а вдруг фильмы и книжки не врут, и Мелле ждет та самая волшебная сказка про серую мышку и самого крутого парня школы, который вдруг заинтересуется внутренним миром Мелле? К тому же Яльса знала, что на самом деле у Вако и Мелле есть общие интересы: не зря же она слушала его с компанией уже три большие перемены подряд? У них были сходные музыкальные вкусы, и они оба интересовались реконструкцией. Уже неплохо, ведь правда? Наверняка есть еще что-нибудь, про что Яльса еще не слышала. И в общем и целом Вако вроде был неплохим парнем. Избалованным, излишне самоуверенным, но неплохим.

Конечно, шансы были. И если она расскажет сейчас, то Мелле пошлет Вако с самого начала, и никакой сказки не получится, получится сухая победа Феллаха и все.

Но если не расскажет... Когда Мелле узнает, а она обязательно узнает, простит ли она? То есть, конечно, простит, если все сложится хорошо, но если все сложится плохо? Вообще, если подумать, откуда она узнает, что спор был подслушан, если Яльса об этом никому не расскажет? Но если Яльса расскажет Мелле, то точно ничего хорошего не случится. Мелле

просто будет больно и обидно, потому что на нее вот так вот спорят, как будто она вещь. А если Яльса не расскажет... А если она просто без объяснения причин не будет подпускать Вако к Мелле? Но не сможет же она оберегать ее вечно, а вдруг она заболит, или проспит, нет, никак!

Яльса опустила голову на парту и лежала так до звонка. Мелле пришлось буквально за руку выволакивать ее в коридор.

В коридоре Яльса все-таки решилась: она расскажет, и будь что будет.

Она набрала побольше воздуха и перебила Мелле на полуслове.

— Мелле, я кое-что слышала на большой перемене...

Яльса наконец отлепила взгляд от линолеума, сделала небольшую паузу, чтобы еще раз набрать побольше воздуха, и вдруг увидела идущего навстречу по коридору Ярта. Его темные глаза обещали немедленное наказание, если она скажет хоть что-нибудь еще, ее пробрало холодом, она задрожала, но отважно продолжила:

— Парни из спекласса...

Ярт не побежал, и не ускорил шага, она могла поклясться. Но он мгновенно преодолел разделявшее их расстояние и изящно подцепил Яльсу под локоть.

— Прости... Мелле? Нам с м-м-м... твоей подругой надо кое о чем поболтать.

И просто уволок ее за угол, как будто так и надо.

— Ну вот кто так делает! — Прошипел он, направляясь с обмершей Яльсой в сторону черного хода. — Тебе говорили, что подслушивать нехорошо, м-м-м...

— Яльса! — Выпалила та, стараясь отогнать мысль о том, что некромант может сделать с человеком, чье имя знает, — Я не подслушивала, это вы орали...

— Какая разница, не твоя же тайна. Нельзя разбалтывать чужие тайны, мама тебе в детстве не говорила?

— Она моя подруга! — Возмутилась Яльса, и тут окончательно перестала Ярта бояться.

Он обнаглел! Будет он еще ей указывать, что делать, золотой мальчик! Мама, может, и говорила, только она не помнит, а значит, что хочет, то и делает! Интересно ему смотреть как унижают Мелле? Ну вот и обломится! Она все расскажет, не сегодня, так завтра, и никто ее не остановит. И тут до нее дошло, что Ярт навстречу попался не случайно. Ее изначально хотели разделить с Мелле! Вако наверняка ее уже обрабатывает!

Она рванулась было обратно, но Ярт держал крепко.

— Если бы я не знал, что Вако обломится, стал бы я это устраивать? — Спросил он мягко. — Плевал я на Мелле, я над Вако подшутить хочу.

— Ты...

— Я спровоцировал спор. Только тс-с-с! Никому не говори. Это секретик. — Ярт подмигнул и отпустил ее руку. — Хочешь, беги. Будешь еще одним заслоном на пути к Мелле, подругой-извергом.

— Почему извергом?

— Потому что все, игра пошла, Вако не отступится. Он не отступает, знаешь ли. А эту кличку я обязательно вброшу, это будет моей мелочной мстостью.

Яльса замерла. Ярт казался хозяином положения, человеком, который все-все предусмотрел, и даже ее поведение просчитал, хотя совсем с ней не знаком. Как же так? Неужели она так предсказуема? Может, она как-то себя выдала там, на пригорке?

Что вообще происходит, как она оказалась с молодежной комедии с замахом на триллер? Ну как, как? Что ей делать, что?

Яльса стояла на месте, но в собственной голове бегала кругами. Мысли закольцевались, и выхода, как будто, не было.

Ярт осторожно тронул ее за плечо.

— Э-эй! Все дома?

И это было последней каплей. Яльса разрыдалась.

Яльса вообще-то была очень слезливой девочкой, ее дразнили плаксой в детском саду, в начальной школе, в средней, в сейчас, в старшей, просто косо смотрели. Но Ярт был из параллельного класса, а Яльса была ничем кроме слезливости не примечательной девочкой, так что он об этом ее свойстве ничего не знал.

И явно не ожидал истерики, бурной, с соплями, слезами и покрасневшим, как помидор, лицом.

— Что мне де-е-елать?! — Выдала Яльса особо длинный и членораздельный всхлип, а потом села и закрыла лицо ладонями.

— Делай что хочешь, только не плачь? — Предложил Ярт.

— Я преда-а-ательница! — Сообщила Яльса в воздух.

— Эм... нет, просто медленно соображаешь?

И вторая попытка мимо.

— Мою подругу обихаживает подо-онок с подачи другого под-о-онка! — Вокруг уже начала собираться толпа.

Ярт огляделся, встретил пару очень осуждающих взглядов и не выдержал. Присел напротив Яльсы и протянул ей платок.

— Ты это, потише реви. А то у тебя тушь течет. Пошли отсюда, а?

Яльса взяла платок большим и средним пальцем, потому что указательный палец правой руки у нее гнуться отказывался. Вытерла слезы, не обращая внимания, что размазывает пресловутую тушь, и зачем она вообще в школу красится, больше не будет, глупо получается каждый раз, Мелле права, что не тратит на это время, вернула платок Ярту, и встала вслед за ним — он осторожно потянул ее за руку.

— Ай! Больно же! — Сказала она первое, что пришло в голову, лишь бы не благодарить за платок и вздернула подбородок. Хотя он тянул ее за запястье, а не за ладонь.

В книжках про это писали «гордо вздернула подбородок» и она в глубине души надеялась именно на такой эффект.

— Все равно ты подонок и урод. — Заявила она. — Нашел, чем...

И обнаружила, что ее снова подцепили под локоть и тащат к выходу из школы. Дверь черного хода Ярт распахнул с ноги, опрометью пересек двор, втолкнул Яльсу в калитку и поволок в совершенно непонятном направлении. Яльсе снова стало страшно, но она успокоила себя: вряд ли Ярт ее убьет, вся школа видела, что они уходили вместе, если даже и убьет, то пусть, его накажут. Хотя он же некромант, что ему стоит поднять ее труп и сделать вид, что они нежно распрощались, а потом сказать ее трупу, к примеру, повеситься?

Яльсу замутило.

В результате они сели на лавочку.

Мимо на огромной скорости проезжали машины. Это была какая-то смутно знакомая улица, Яльса знала только путь от школы до дома и несколько соседних улиц, она не очень любила гулять по городу. А Ярт, казалось, отлично здесь ориентировался.

— Так. — Веско сказал Ярт. — Давай без слез и соплей разберемся, ладно?

— Давай.

— Что у тебя с рукой?

— Палец выбила. — Коротко ответила Яльса, недоумевающая, с чего это он перевел тему.

Ярт взял ее руку в свою и резко потянул за палец. Секундная боль и облегчение: Ярт подул на палец и вообще всякая боль ушла. Правда, палец чувствовать Яльса тоже перестала.

— Теперь я хороший? — Спросил он деланно-весело. — Если ты его не чувствуешь, то это, наверное, все-таки временно.

— Не очень. Зачем ты это все затеял? — Яльсу осенило, и она поняла, что совершенно зря злилась на этого замечательного человека, ну конечно! — Ты, наверное, хотел научить его ценить чувства окружающих, да?

Ярт посмотрел на нее как недоразумение.

— Нет, просто хотел поразвлечься. Ну, знаешь, твоя Мелле может и в рожу дать, я видел, вот я и решил, что будет интересно.

Яльса вспомнила тот случай в седьмом классе. Тогда недалекого Оллена, не попавшего в школу для умственно отсталых только благодаря связям своего рода, развели на игру в карты на желания. Одним из желаний было задрать кому-нибудь юбку. Мелле оказалась ближе всего.

Нет, Оллен не очень понимал, что сделал, поэтому его Яльса от взбешенной Мелле защитила, а потом долго ему объясняла, почему так делать нехорошо. Больше такого не случилось, и даже в карты Оллен не играл, Яльса была очень убедительна.

Но зачинщику Мелле врезала в глаз, и Яльса считала, что это совершенно справедливо.

Яльса встала.

— Поразвлечься? Вот как? Я пошла, расскажу Мелле все, как было...

И ее снова утянули на скамейку.

— Слушай, это совершенно безобидная шутка.

— Мою подругу поднимут на смех твои дружки. Что тут безобидного? Слушай, Ярт. Ты, может, считаешь себя умнее всех и лучше всех, и, может, так оно и есть. Ты вылечил мне руку, за это я скажу спасибо...

— Почему, кстати, ты не обратилась в медпункт?

— Зачем людей беспокоить? Само бы зажило. Не переводи тему, пожалуйста. Но то, что ты делаешь... ладно, моя подруга. Ты не знаешь Мелле, может, ты подумал, что ей это все будет легко. Иногда кажется что ей все равно, что о ней думают окружающие, и я думаю, что ты так и подумал, да? Она немного не от мира сего, это так, но ее это действительно задевает, знаешь. Но Вако! Он же твой друг, разве нет? Ты правда хочешь, чтобы злая девушка расцарапала ему лицо? Неужели тебе действительно будет интересно за этим наблюдать? Да кем ты себя считаешь? Сумрачным гением?

— А ты? Учительницей доброты? Цветочной феей? — Фыркнул Ярт. — Заметь, кроме тебя никто и не знает, что это я. А тебе я сам сказал. Более того, они спорили сами.

— Ты их спровоцировал.

— Кто виноват, что они такие идиоты? В конце концов, неужели ты не веришь в собственную подругу?

— Что? — Яльса задыхнулась от возмущения.

— Ты думаешь, она не справится? Заранее считаешь ее проигравшей?

— Зачем ей справляться самой, когда у нее есть я, и я могу помочь?

— А не будет ли это медвежьей услугой, Яльса? — Спросил Ярт вкрадчиво, — А если бы рядом с нами не оказалось тебя, а? А если бы никто не услышал спора, справилась бы она

или нет? Ты хочешь лишить ее возможности испытать все на собственном опыте, сделать собственные ошибки? А вдруг все кончится хорошо? Кто знает, вдруг она победит, и Вако падет к ее ногам, сраженный, м?

Ярт как будто читал ее мысли. Как будто знал обо всех Яльсиных сомнениях. Она совершенно не понимала этого парня, она не понимала, зачем он это делает. Конечно, был вариант — просто ради развлечения, но Окос заberi! Разве такое делают просто ради развлечения? Должна быть какая-то другая, более достойная цель. Может, он хочет перевоспитать Вако, выбить из этого красавчика немножко спеси? Может, он сказал ей, что это не так, только из-за своей стеснительности?

Яльса посмотрела в его хитрющие темные глаза: нет, она опять думает о нем лучше, чем он того заслуживает. Какая еще стеснительность, а?

И, все-таки...

Яльса вздохнула.

— А вдруг нет? Я хочу ее обезопасить.

— Ты хочешь лишить ее приключений. Не дать ей ощутить вкус жизни. Вот чего ты хочешь. Ты как курица-наседка. Ей будет весело, я знаю Вако. Даже когда она обо всем узнает — если узнает, это не перечеркнет всех тех хороших моментов, которые Вако организует. Но ты боишься сама, а потому думаешь, что Мелле тоже испугается. Знаешь, почему ты хочешь обо всем рассказать, милая Яльса? Потому что ты эгоистка, вот почему.

— Что? — Яльса замотала головой. — Ты переворачиваешь слова вверх тормашками! Не думал пойти в адвокаты? Что ты несешь? Думаешь, я тебе поверю?

— Я думаю, что ты трусиха, Яльса. Я не верю, что ты так плохо думаешь о Мелле, что действительно решила, что она может проиграть Вако без славной битвы. Я думаю, что больше всего ты боишься, что если Мелле все-таки проиграет и останется с разбитым сердцем, ты будешь переживать не за нее, а за то, что сама чувствуешь себя виноватой.

Ярт был хорош: и почему его никто не замечал в тени его популярных друзей? Сейчас, увлеченный и взбудораженный, он буквально сиял. Небрежно расстегнутый ворот форменной рубашки, чуть растрепанные волосы цвета воронова крыла, тонкие черты лица, лукавый взгляд... Яльса поспешно отвела глаза. Так и влюбиться недолго.

Страшно влюбляться в такого человека. Никак не понять, что у него на уме, никак не понять, чем он живет, а он про нее все уже понял. Они из разных миров, как бы банально это не звучало.

Он умен и, кажется, действительно любит играть людьми. Ее ниточки он уже нашел, вот, развлекается на полную катушку. А она... она и вправду курица-наседка, и тут ничего не поделать. Она действительно боится запятнать свою совесть, потому что знает — случись что с Мелле, она себе этого простить не сможет. Неужели это плохо? Это плохо, потому что он так сказал? Но разве она при этом сделает что-то плохое? Она сделает правильно. Никто ее не осудит, если она расскажет. Мелле, наверное, будет благодарна. Яльса закончит эту историю, не дав ей толком начаться, потому что, скорее всего, конец будет препоганый.

Но если это будет хорошая история, а она все испортит?

Нет, нет, она же уже решила!

— Не мучайся ты так. — Сочувственно сказал Ярт, как будто прочитав все ее метания на лице, — Ну серьезно, сдайся просто. Я же до жути хорош, а? Даже если не смогу уговорить тебя — проверну что-нибудь еще, это уже будет дело принципа.

— Ключевое тут «до жути»... — Пробормотала Яльса и отвернулась, уставившись на

дорогу, — Будешь пытаться сравнять счет, да? Если ты меня не уговоришь, я же поведу. Я правильно поняла?

— Что-то в этом есть. — Согласился Ярт. — Но ты же добрая цветочная фея, ты не играешь в такие игрушки.

— Если отказаться от игры значит сдаться, то обломись.

Откуда в Яльсе появилось это упрямство? Захотелось стереть эту самодовольную улыбку с его лица, захотелось утереть ему нос. Обычно весь соревновательный дух Яльсы оставался на волейбольной площадке, а в обычной жизни она вела себя тише воды, ниже травы, но она уже три дня не играла в волейбол.

— Давай начнем с начала. — Она выдавила из себя самую сияющую улыбку на свете. — Давай сделаем ставки. Ты же этого добивался? Я поставлю на Мелле. Если к лету Вако влюбляется в Мелле, а Мелле в Вако, то я выиграла. Если нет — выигрыш твой.

Ярт напрягся, как хищник перед прыжком.

— и что на кону?

— Ну ты же азартный игрок, сыграем как положено — на интерес. Разве выигрыш не будет достаточной наградой?

— В рамках игры мы можем делать что угодно?

— В том числе и рассказывать Мелле о споре. — Кивнула Яльса. — Но если Вако не сможет завоевать Мелле, это будет ничья. Согласен?

— То есть ты выигрываешь только в случае взаимной влюбленности? А если Мелле пошлет Вако?

— Ну, ничья меня устраивает. В отличие от тебя, так? Но ты сможешь свести все к ничьей в любой момент и неплохо навредить мне, не так ли? Только я в это не верю.

— Что же ты так? — Ярт широко ухмыльнулся.

— Пф-ф-ф, я просто верю в лучшее в людях. Я добрая фея — забыл? Ну что, спор?

— Спор.

Яльса и вправду верила, что Ярт не будет сливать игру вничью: слишком уж он азартен, да и зачем ему ее подставлять на пустом месте? Не такой он и плохой. Конечно, немного безголовый и не думает о последствиях, но ведь все мальчишки такие, разве нет?

А она справится. Она же тоже может свести все к ничьей в любой момент, и Мелле поймет, почему Яльса так поступила, она же ее лучшая подруга! И если есть хоть малейший шанс, что история Мелле закончится хорошо, то Яльса сделает так, чтобы она закончилась идеально, как самая лучшая подростковая комедия на свете.

Яльса не ожидала такой подставы.

Совершенно не ожидала.

Она предусмотрела целую кучу вариантов, но этот ей даже в голову не приходил. Она кипела негодованием, гневом и Окос знает чем еще, потому совершенно не задумывалась, как выглядит, когда поднималась, насупленная, к компании, брала Ярта за воротник, и уж тем более не думала, как выглядит, когда тащила его в более-менее уединенное место: там обычно тайком дымили, но не так давно она видела как курильщиков профилактически разгоняли учителя. Это был небольшой промежуток между директорским гаражом и забором.

А когда до нее дошло, так она и покраснела, пятнами, начиная с шеи и до самых кончиков ушей.

— Ты теперь должна на мне жениться, ты же понимаешь? — Ярт подбросил дров в огонь, и Яльсе окончательно захотелось провалиться к Окосу под землю.

Она пошла в наступление, пытаясь скрыть смущение, хотя таким же успехом она могла попытаться скрыть слона под детским одеяльцем.

— Ты! Ты вообще в курсе, что твой Вако ухаживает как... как... — Она чуть задумалась, подбирая эпитет помягче, — не очень опытный человек?

— А это как? — С неподдельным интересом спросил Ярт. — Нет, я серьезно спрашиваю. В жизни не видел, чтобы Вако за кем-то ухаживал. Обычно проходит мимо девичьей толпы, а потом выбирает кого-нибудь из свежей грозди на шее.

— В том-то и проблема! Он ходит вокруг Мелле кругами, кру-га-ми! Тебе смешно? — Яльса ткнула откровенно ржущего Ярта кулачком в грудь, а потом и сама рассмеялась. — Вот и мне тоже! Окос, мне та-а-ак стыдно, но ты бы видел его лицо!

— Теперь ты понимаешь, почему я решил, что это весело?

— Но так никто не выиграет! — Яльса взяла себя в руки. — Нужно что-то делать.

— Мне и так неплохо.

— Ты сдаешься? — Протянула Яльса разочарованно. — Не думала, что будет та-а-ак легко.

И повернулась к Ярту спиной, показывая, что хочет уйти.

Если она правильно поняла — а она думала об этом уже дня четыре, то у Ярта есть свои причины развлекаться за счет Вако. Она не знала, какие, но если он сейчас не допустит ее ухода, то точно есть.

— Эй-эй-эй! Я же не говорил, что откажусь от халявной инсайдерской инфы, а?

А может, она просто взяла его на слабо. Тоже вполне вероятно. Нет, она не могла понять его мотивов, как так можно, Вако же его друг! Нет, совершенно не могла, но, ее, в общем-то и так все устраивало.

Благо, для того чтобы выиграть, Ярта понимать не нужно было, а Мелле она и так знала, как облупленную. А Вако, судя по всему, прост, как валенок, хоть от него и разит тестостероном на всю округу.

— С чего ты взял, что я хочу ее предоставить?

— А с чего бы еще тебе таскать меня по темным углам? Колись давай.

— А нет ее. Слушай, Ярт, ты бы просто, не знаю, посоветовал ему с ней заговорить.

может? А то мне жалко человека.

И жалко, и смешно. Он ходил вокруг Мелле, как потерявшийся барашек, разве что не блеял. Так и хотелось погладить его по кудлатой голове и отвести обратно в стадо... стаю. Яльсино сердце просто не выдерживало этой душераздирающей картины.

— Посоветовал? Я, как бы, официально, лицо незаинтересованное, с чего мы мне лезть в чужой спор с помощью? Я разбивал — забыла? Я должен оставаться нейтральным, как свидетель.

— Ну что, у тебя девушки не было? Ну и советуй, как опытный товарищ... э-э-э... еще одному опытному товарищу... Как друг другу... Нашел где формальности разводить, боги! Разбивал он...

— Откуда у меня девушка? Я здесь, вообще-то, учусь, а не шашни кручу! — Ярты задрал нос повыше. — Это у вас есть время на всякую ерунду...

— Так бы и сказал, что сам ни шиша не смыслишь.

Ярты чуть поморщился и изящно отмахнулся.

— Очень надо.

Кажется, она его обидела. Вообще она повела себя с ним не очень корректно. Надо извиниться? Лишним точно не будет.

— извини, если обидела. — Яльса коротко поклонилась, и поняла, что Ярты почему-то разозлился еще больше, — Ой, я что-то не то сказала?

— Я вот понять не могу, ты дура или притворяешься? — Ярты закатил глаза. — Я тебя понял, короче. Сделаю.

Развернулся и ушел. Глядя в его узкую спину, Яльса поняла: где-то она конкретно прокололась. Только вот где? Она же как лучше хотела! Ну почему она всегда все портит! Наверное, она его задела репликой про девушку? Но она же не хотела его дразнить?

Или хотела? Честно говоря, если немного подумать, то хотела. Ей нравилось выводить его из себя, он же ее выводил, и ничего, угрызениями совести не мучился? Вот и она имеет на это право. Или не имеет?

Из тяжелых раздумий ее вывел задумчивый взгляд двухметрового амбала-охранника, вертящего в пальцах засаленную сигаретку. Он явно не ожидал встретить здесь Яльсу и пришел в замешательство, не в состоянии решить — ловить ее, как нарушительницу, или не ловить — она же не курит, а за гаражом стоять никто не запрещал.

Яльса поспешила прочь, тем самым избавляя его от необходимости что-то решать, и пошла искать Мелле.

Как говорится, если река в гору не течет, оно и не удивительно. Если Яльса хочет, чтобы Мелле обратила внимание на Вако, то почему бы ей не указать на него самой?

Мелле была в том самом месте, где проводила все остальные большие перемены: на волейбольной площадке. Увидев возвращающуюся из непонятной отлучки подругу, она вышла из игры и поспешила навстречу. Яльса подумала, что планировать свои действия — это очень и очень неплохая идея, потому что как объяснить Мелле собственное поведение она понятия не имела. Врала она из рук вон плохо, и не сомневалась, что подруга легко ее раскусит.

— Что происходит? — Спросила Мелле, не дав Яльсе ни одной лишней секунды, чтобы что-нибудь придумать.

Впрочем, объяснить одновременно и вчерашнее происшествие, когда ее куда-то уволок Ярты, и сегодняшнее, когда уже она поволокла Ярты незнамо куда, Яльса вряд ли смогла бы,

даже будь у нее тысяча тысяч этих секунд. У них просто не было достоверных точек пересечения, из которых можно было бы раздуть правдоподобную ложь, это вообще был именно тот случай, когда даже самая чистая правда прозвучала бы неправдоподобно.

— Ты о чем? — Спросила Яльса как можно беззаботнее. — Нам в класс не пора?

— Окстись, двадцать минут до конца перемены! Что у тебя с Яртом?

— Каким еще Яртом?

— Дурочку-то мне не играй! Тем скользким типом из суперкомпашки.

Яльса подняла глаза на Мелле и ей стало не просто стыдно, а так стыдно, что, наверное, ей никогда в жизни не было более стыдно: Мелле беспокоилась за нее. Она второй раз за последние полчаса ощутила, как краснеет.

— Это... Ну...

— Ты не влюбляешься в кого попало, это не та Яльса, которую я знаю! — Замотала головой Мелле, и ее растрепавшаяся за игру гулька окончательно приказала долго жить, высвободив ее кудрявую шевелюру.

— Нет-нет, Лаллей упаси, ни за что! — Жарко запротестовала Яльса, — Конечно же, дело совсем не в этом.

— Эх ты! — Фыркнул Ярт.

Он подошел со спины, и Яльса подпрыгнула от неожиданности как-то совсем неудачно: ухитрившись заехать затылком Ярту в подбородок, а локтем в живот. Он зашипел, к чести его — нечто вроде бы цензурное. Яльса скривилась, потирая голову.

— Кто тебя учил так подкрадываться?

— Я некромант, это у нас в крови! Как мы, по-твоему, похищаем девственниц для жертвоприношений? Слушай, ты не пробовала вставлять в заколку лезвия, чтобы сделать ее еще убийственнее?

Яльса оглянулась и поняла, что ухитрилась рассечь Ярту подбородок до крови — тот как раз с интересом разглядывал собственные запачканные пальцы. Краем глаза она отметила, что Ярт не один, а с Вако, но, честно говоря, его царапина заботила ее гораздо больше, чем разные там Вако.

Она никогда ни с кем не дралась, даже в детстве, и теперь была глубоко потрясена видом чужой раны, появившейся из-за нее. Настоящей раны. Оттуда шла... кровь!

Ярт, видимо, заметил ее опасно расширившиеся зрачки, или что там еще можно заметить в предобморочных состояниях, потому что резко провел по подбородку пальцами, поморщился, как от боли, но продемонстрировал совершенно здоровую кожу.

— Все нормально, видишь? Спокойно. Касательно твоего, Мелле, вопроса — я ей палец вылечил.

— С чего вдруг? — Подозрительно спросила Мелле.

— Мне нужны были подопытные кролики. Видишь — дар целителя проклюнулся, такие дела.

— Вылечил. — Кивнула Яльса, и несколько раз согнула и разогнула правый кулак в доказательство своих слов.

И тут, будто вспомнив, достала из кармана юбки Яртов платок, из второго кармана жидкость для дезинфекции рук, опрокинула дрожащими руками на платок пол пузырька и стерла оставшуюся на подбородке кровь, а потом протянула его Ярту.

Тот ответил, как всегда, едко, хотя и излишне поспешно:

— Спасибо, что не плюнула... Э-э-это мой друг Вако, Мелле, Вако, Вако, Мелле, теперь

вы знакомы.

— Вако. — Зверозык чуть склонил голову.

— Угу. — Небрежно кивнула Мелле. — Я в курсе. И?

Ярт отступил в тень Вако, всячески самоустраняясь от диалога.

— Слушай. — Обреченно сказал Вако. — Пошли в кино?

— Нет. — Отрезала Мелле. — С чего бы?

— Ты классно играешь.

— и?

Это ядовитое «и» повисло, звенящее и какое-то очень окончательное, в воздухе. Оно как будто ликовало, Мелле не часто раньше удавалось отшивать самых популярных парней паралли, и, что греха таить, ей нравилась внезапно появившаяся власть.

Вако не был дураком, он прекрасно расслышал нотки ликования в ответе Мелле. Яльса, конечно, считала его немножко валенком и недотепой, но дураком он не был. Валенком и недотепой, кстати, тоже, да и терпилой его бы назвал только самоубийца — это Яльса поняла в тот самый момент, когда Вако пожал плечами, вальяжно, расслабленно, без малейшего стеснения, как хозяин положения. Хотя по всему было видно, что Мелле его за хозяина не считает.

Мелле вся как будто оцетинилась иголками, скрестила руки на груди, и всячески делала вид, что плевать она на него, большого и сильного, хотела. Как маленький, но очень храбрый зверек скалится, загнанный в угол и шипит, пытаясь казаться крупнее и сильнее, чем он есть. Сунь палец — откусит, именно так и не иначе. Ликование куда-то исчезло: Мелле наконец поняла, что попала серьезно.

— Ты мне понравилась. Все.

Это «все» прибило все еще звенящее комариком «и» как мухобойка. Воцарилась тишина.

— А ты мне — нет. — В конце фразы голос Мелле чуть сорвался, прозвучал на каких-то пол тона выше, чем ее уверенный голос.

Яльса, ее лучшая подруга, которая знала все оттенки голоса Мелле, она — расслышала. Расслышал и Ярт, улыбнувшийся из тени Вако краем рта. Наверное, очень уж внимательно вслушивался и знал, что именно хочет услышать, потому и уловил.

Но Вако, несмотря на его острые, скорее волчьи, чем человеческие, уши, если и расслышал, то вряд ли придал этому значение. Раздраженно дернул ухом, как будто «нет» Мелле было назойливой мошкой и оскалился, в отличие от Мелле — по настоящему. Яльса, как зачарованная, уставилась на его чуть длинноватые для человека сахарно-белые клыки и непроизвольно шагнула, заслоняя Мелле собой.

— Она сказала «нет», Вако. — Тихо выдохнула она.

— Яльса права. — Внезапно вступился Ярт. — Раз девушка сказала «нет», не потащишь же ты ее силой?

Ярту достался недовольный рык, который его, судя по всему, совсем не впечатлил. Он все так же смотрел на Вако как на запоровшего вообще все идиота и переставать не собирался. Яльсе же, хотя гнев Вако был направлен совсем не на нее, скорее всего, ее-то Вако и не заметил особо, хотелось к Окосу под землю. Даже не потому, что она вдруг испугалась, а потому, что, увидев Вако вблизи, она очень засомневалась в возможности счастливой концовки.

Ведь Мелле — очень и очень свободолюбива и терпеть не может, когда на нее давят.

Сложно найти для нее кого-то менее подходящего, чем зверозыка, уверенного, что все обязаны ему подчиняться просто по праву сильного. Это могло кончиться очень и очень плохо...

Будто услышав ее мысли, Ярт подмигнул ей одним глазом и снова улыбнулся уголком рта. Со стороны это выглядело забавно, напоминало нервный тик, но, наверное, должно было означать, что все под контролем и все будет хорошо, что не стоит паниковать раньше времени.

Яльсе очень хотелось верить в Ярта. В то, что прекрасный герой Ярт не допустит ничего страшного. Однако она вполне понимала, что Ярт — это не прекрасный герой, и что верить ему — это все равно что верить тому парню, который ночью залез в квартиру и выгребает побрякушки из бабушкиного серванта, что он просто ошибся окном, когда левитировал ночью.

Может, и вправду ошибся, но драгоценности-то гребет.

Яльсе очень хотелось верить. Потому что если верить, что Ярт ничего плохого не допустит, то можно и поверить в то, что все кончится хорошо, и что Яльса не очень плохо поступает сейчас, когда врет подруге и замалчивает важные вещи. Сейчас, когда вместо того, чтобы увести Мелле подальше и все ей рассказать молчит, и пытается понять, можно верить Ярту или нет.

Есть ли в законодательстве Кетта статья «преступное ничегонеделанье»? Даже если и нет, если Яльса позволит себе и дальше стоять и ничего не делать, то это будет подло с ее стороны: проблемы-то сейчас не у нее, а у Мелле, а значит, и раздумывать нечего.

Яльса отступила, потянув за собой подругу. Сейчас, когда Ярт Вако отвлекает, это будет легче всего — сбежать. Это будет правильно. Она думала, что Мелле будет сопротивляться, не в ее характере было отступить, но Мелле покорно пошла за ней.

Как на веревочке.

Как будто противостояние высосало из нее все силы.

Яльса в который раз подумала, что Вако Мелле может оказаться не по зубам. Оглянувшись через плечо, она заметила, что Вако натянуто улыбается, не разжимая губ. Подростковая комедия понемногу превращалась в сказку о Пленнице и Чудовище.

Яльса сидела в библиотеке и делала химию. Уроки давно кончились, и можно было идти домой, что и сделала Мелле, которая в последнее время не очень любила задерживаться в школе. Однако Яльсе домой не хотелось: ее бабушка сидела с чужими маленькими детьми, конечно, не бесплатно. Лучшей нянечки было не найти, слава о ней разносилась по всей округе, и Яльса с бабушкой Яо могли жить на эти деньги ни в чем себе не отказывая, но о тишине в родном доме Яльса и не мечтала.

А в библиотеке было хорошо. Спокойно. Никто не мешал...

— Ого, какие люди! — Услышала она жизнерадостный шепот над самым ухом.

Ярт беззастенчиво выудил из Ялсиного пенала карандаш, и, перегнувшись через ее плечо, начал дописывать что-то в уравнении.

— Вот здесь, здесь, и здесь ты забыла воду. Подлая штука, я тоже вечно забываю. — Заявил он. — А здесь реакция не пойдет.

— Почему?

— Должен выделиться газ или нерастворимый осадок, а у тебя как были две жидкости, так и остались. Элементарно же. Вам не объясняли?

Яльса загрустила.

— Ну... у нас химичка в декрет ушла, физик заменяет, а он сам ни в зуб ногой... говорит читать учебник, но легче повеситься, чем хоть что-нибудь понять.

— Это поправимое. Возьми здесь учебник Хако за седьмой класс. Не пугайся, это не ты глупая, он для школ с естественнонаучным уклоном, у них программа другая... Он очень просто пишет и лишней воды не льет, то, что тебе и надо. Вот здесь все расчеты, в принципе, верные, но так как калия не в избытке, соль кислая будет, лучше пересчитай. А вообще — молодец, если смогла все вытащить из Целле, он и вправду неудобоварим.

— Тебе, наверное, неудобно так через меня перегибаться? — Сочувственно спросила Яльса. — Вон, стульчик подвинь.

— Практичный ум — бич романтики... — Вдохнул Ярт, но на предложенный стул таки сел. — Я вообще мимо проходил, и что я тут делаю?

— Ты же не просто так про романтику заговорил?

— Если ты скажешь какое-нибудь имя на «М» или на «В», то я лучше дальше пойду. Я достаточно устал, чтобы сегодня об этом думать. Я когда о них слышу, чувствую себя ежикозаводчиком — поганое, скажу тебе, дельце.

Если это был шантаж, то Яльса не очень понимала, с чего вдруг. Она вроде не упраскивала его с ней сидеть, и, хотя его помощь и была очень полезна, как минимум, спасла от тройки за домашку, это еще не значило, что она будет бросаться ему в ноги и умолять не уходить.

Яльса правда хотела назло ему назвать какое-нибудь имя на «М», но вместо этого сказала примирительно:

— Тогда — понятия не имею.

Он же и правда помог, да и... Сейчас он не казался таким уж противным и скользким типом. Честно говоря, Яльса никогда и не думала о нем как о противном и скользком типе, хотя ему явно нравилось, когда его таковым считали, и не собиралась верить в его напускную злобность. Он отыгрывал юного некроманта так, как от него и ожидали, немало при этом развлекаясь. Не Яльсино дело, думать, правильно он поступает, или стоило все-таки пойти против общественного мнения — хватит того, что у Яльсы есть собственное. Да и его, вроде, все устраивает.

— Раз нам не о чем говорить, я могу проверить твою алгебру.

Яльса сначала достала из портфеля тетрадь, а уже потом поняла, что это, наверное, все-таки была шутка: с чего бы Ярту находить ее в библиотеке и проверять ей домашку? С химией, наверное, получилось случайно.

Покраснела и хотела было запихнуть тетрадь обратно, но не успела: Ярт выхватил ее у нее из рук и углубился в чтение, откинувшись назад и балансируя на двух ножках стула из четырех. Это портило линолеум, оставляя некрасивые ямки, но библиотекарьша с роду не смотрела в этот темный угол, а Яльса не стала Ярту об этом говорить, чтобы не показаться занудой.

Яльса совершенно не понимала, почему он так себя ведет, но резонно рассудила, что от добра добра не ищут, и если уж Ярту пришла в голову блажь проверить ее уроки, то пусть развлекается сколько хочет, ей от этого только польза. Она вернулась к химии, и стала пересчитывать указанную Яртом задачу уже с кислой солью. Подсознательно она все ожидала, что он не удержит равновесие и грохнется таки на пол вместе со стулом, но проходила минута за минутой, стул все так же мирно поскрипывал, и она мало помалу

успокоилась и даже перестала вздрагивать на особенно протяжных скрипах.

Когда она аккуратным почерком выводила слово «ответ», она вдруг в мельчайших деталях вспомнила, как получила пару по геометрии, и как ей тогда не хотелось возвращаться домой. Настолько, что она переделала все уроки, которые только были заданы на тот момент, даже оформила дневник погоды, который надо было сдавать только через три недели, а потом напросилась мыть полы в библиотеке — с тех пор библиотекарьша всегда с ней здоровалась и все старалась подсунуть старательной девочке конфетку. Конечно, Яльсе не верилось, что Ярт мог получить пару. Но...

Есть множество причин, по которым может не хотеться домой. Причин, по которым волей-неволей станешь выискивать в библиотеке хоть сколько-нибудь знакомое лицо и проверять у этого лица уроки.

Дописав ответ и закрыв тетрадь она спросила:

— Ярт, скажи, тебе чем-то помочь?

Стул громко приземлился на все четыре ножки. Ярт отдал Яльсе тетрадь, испещренную карандашными пометками.

— Мне? Помочь? Это тебе нужна помощь. Как ты учишься вообще?

— Ты же понял, о чем я.

— Конечно, понял. Ты не согласишься, я неплохо знаю кеттский. Или там был какой-то подтекст мелким шрифтом? Тогда извини, я не успел разглядеть.

Голос его был спокоен и чуть насмешлив. Обсуждать с Яльсой какие бы то ни было свои проблемы он явно не собирался. С чего она вообще решила, что он захочет чем-то с ней поделиться? Ярт не из тех людей, которые выговариваются первому встречному. Как будто она для него нечто большее, чем девчонка, с которой он поспорил — глупость какая! Яльсе часто говорили, что она вечно витает в облаках, и сейчас она понимала, что это правда, и что Ярт — это тот парень, в отношении которого стоит крепко встать на землю, а лучше закопаться по пояс.

Но он был настолько непредсказуем и непонятен, что у нее никак не получалось. Стоило ей укрепиться, возвести вокруг надежные стены здравого смысла, как он вваливался и делал что-нибудь, казалось, просто так, безо всякой причины и объявления войны. И стены шли трещинами и разваливались, приходилось строить заново. С каждым разом получалось все хуже.

Разве раньше она смогла бы утащить полужнакомого парня за гаражи поговорить? Конечно нет, она постеснялась бы, она подумала бы, что будет выглядеть полной дурой, да и вообще, о чем так говорить, что он-то сможет сделать, если Вако не умеет ухаживать? А тут даже мысли такой не возникло, она просто взяла и сделала, клопоча от переполняющей ее веселой ярости. Она вела себя с Яртом слишком вызывающе, слишком смело, хотя все, кто знал Яльсу, частенько говорили, что в ней нет ни смелости, ни вызова, и девочки послушнее не найти. Он что-то в ней сломал, а, может, поставил на место, как вправил палец, который, кстати, до сих пор не вернул прежней чувствительности.

И Яльса, обмирая от собственной новообретенной наглости, сказала:

— Но должна же быть причина, по которой ты не хочешь идти домой? Или ты проверяешь мою домашку просто потому, что нет ничего приятнее моего сиятельного общества?

Ярт глянул на нее с интересом.

— Какие смелые и далеко идущие выводы! Хотел бы я понять, что творится в твоей

голове. В чем-то ты, конечно, права: у меня дома маленький ребенок, и он... орет.

— Братик или сестричка? Ты не думай, у меня бабушка — нянечка, я люблю детей. Вот и спрашиваю.

— Брат. — Буркнул Ярт.

Воцарилось молчание. Наконец Яльсе молчать надоело, и она спросила:

— А как зовут брата?

— Никак. Он все равно умрет. — Сухо ответил Ярт. — С даром не повезло. Так... бывает.

Яльса не ожидала, что ступит на такую скользкую дорожку. А, главное, совсем не знала, что тут можно сказать, чтобы как-то Ярта приободрить. Он не выглядел как человек, убитый горем. Бабушка говорила, что с такими нужно быть очень осторожными: другие показывают, что им больно, и прийти им на помощь можно, было бы желание, а эти молчат, пока не сломаются окончательно и непоправимо.

— А сколько ему?

— Три.

— Я...

— Тебе очень жаль? — Перебил Ярт и зашептал горячо, — Мне тоже. Сказать, почему я не хочу домой? Каждый раз, возвращаясь, я боюсь — нет, не его ора, я привык к его крику, меня это успокаивает. Того, что он перестанет орать. — Ярт запустил пальцы в волосы, скрючился, — Боги, почему я тебе об этом рассказываю? Окос, ты так точно... Извини. Забудь. Хочешь... я куда-нибудь тебя свожу, или что вы, девчонки, любите? Побрякушку какую-нибудь... Только забудь.

Он сидел на стуле чуть скособочившись, на Яльсу не смотрел — изучал ногти. Пальцы у него были изгрызены чуть ли не до мяса — и как Яльса не заметила этого раньше? Но при ней Ярт никогда не грыз ногтей, она даже представить такого не могла, вот и не замечала...

Она быстро оглянулась по сторонам: Ярт говорил тихо, но ей все равно не хотелось, чтобы кто-нибудь услышал, потому что вряд ли Ярт этого хотел. Нет, они сидели в достаточно тихом и темном углу, чтобы оставаться наедине и не бояться, что их разговор будет услышан.

Яльса старалась говорить тихо и успокаивающе, как с ребенком, она подбирала слова с той тщательностью, с которой сапер-дальтоник режет проводки на отсчитывающей последние секунды бомбе, установленной посреди жилого квартала, который невозможно эвакуировать, и после каждого слова ожидала взрыва.

— Мне не жаль, Ярт, потому что ничего еще не случилось. Когда ты вернешься домой, он будет орать, я уверена. Три года — опасный возраст, и даже у бабушки... угасали... на руках, хотя она умеет выхаживать детей. Вполне возможно, что так и случится с твоим братом.

Ярт дернулся, как от удара. Яльса положила руку ему на затылок, вспоминая, как успокаивают в фильмах испуганных лошадей: треплют по холке. Она не знала, как успокаивать людей, ее опыт ограничивался подружками и их не столь страшными проблемами, и сейчас действовала по наитию, жалея, что именно она случайно вскрыла этот нарыв. Больше всего она боялась напортачить, сказать что-то не то, понимала: кто-то взрослый и мудрый точно смог бы помочь гораздо лучше, чем она, но, к сожалению, именно она сидела сейчас в библиотеке рядом с Яртом. Отступить и ничего не сказать или сказать пустое — значило бросить Ярта наедине с его горем, а на это она пойти не могла, ей это

казалось самой страшной трусостью и подлостью на свете.

— Но надежда, Яр, она есть всегда. Поэтому сейчас ты скажешь мне, как зовут твоего брата, ладно? Не хорони его заживо.

— Варт. — Ответил Яр после самой долгой минуты тишины в Яльсиной жизни, и она облегченно выдохнула. Бомба не обезврежена, но появился лишний часок на эвакуацию гражданских.

— Я запомню, ты меня еще с ним познакомишь, понял? И если ты еще раз попытаешься откупиться от меня побрякушками, я долбану тебя портфелем по голове, как окосова третьеклассница, осознал, не? Потому что это именно то самое, чем можно ответить на такое ребячество, которое я только что от тебя тут услышала.

— Ты все наглее и наглее! — Восхищенно присвистнул Яр, — и где та овечка, которая блеяла что-то про спасение подружек, а?

— У овечек рога есть. — Улыбнулась Яльса, приняв возвращение Яртовой язвительности за хороший знак.

— Повтори это, когда выйдешь замуж — если сможешь таким же жизнерадостным тоном, то я позавидую твоему мужу. — Яр предусмотрительно спрятался за Яльсиной тетрадкой, как за щитом.

— Пошляк! — Яльса попыталась изобразить возмущение, но по Яртовым хитрющим глазам поняла: не поверил.

Раньше Яльса всегда могла сказать, что чувствует. Все было просто: Мелле — подруга, противная Хитухира, которая вечно кривит нос и рассказывает, сколько зарабатывает ее папа-бизнесмен — не ее поля ягода.

Она жила в черно-белом мире, и этот мир был удобен: не было никаких моральных терзаний, не нужно было задумываться, что хорошо, а что плохо, потому что это было очевидно. Что не объясняла бабушка, то объясняла религия. Яльса прочла Книгу Живицы от корки до корки, и даже вынесла из нее что-то смутное, хотя бабушка и ворчала, что она слишком юна для таких чтений.

Когда Яльса была маленькой, она просто обожала цитировать Книгу к месту и не к месту. Но прошло время и от Книги осталось лишь ощущение, смазанное понятие о чем-то, что очень-очень плохо, что грешно.

Когда в ее жизнь вломился Яр с его спором, она встала на скользкую дорожку. Наверное, если бы она вдруг решила перечитать Книгу, то провела бы параллель: ведь Яртовым покровителем, несомненно, был бог мудрости и смерти Окос, брат и муж Живицы, и отношения этих богов воспринимались в разных Храмах по разному, хотя никто и не рисковал напрямую говорить что-то осуждающее о паре самых могущественных богов в пантеоне.

Просто кристально-чистая репутация Живицы оставалась таковой только если служитель осторожненько опускал особенно животрепещущие подробности, излагая свою версию событий для непритязательной паствы, заглядывающей в Храм на каждый седьмой день скорее по привычке, чем по велению души. Однако из Книги слов не выкинешь: однажды черное и белое встретились и смешались, породив огромное разнообразие серых оттенков, от грязной Лаллей до стального Дарфла. Само это смешение было святотатством, и Дехх рыдал в раскаянии, ибо не уследил за своими детьми, и то была его вина, но даже потоп не смог смыть позора с лица Живицы-земли.

Так и Яльса внезапно столкнулась с тем, что жизнь не делится на черное и белое, на хорошее и плохое, что иногда приходится идти на компромисс. И невозможно было отступить, потому что никакой потоп не смог бы объяснить Мелле, почему ее подруга позволила ей схлестнуться с Вако, одним из опаснейших парней школы, да еще и сделала ставки на исход предприятия. Яльса и сама не могла этого объяснить.

Можно было, конечно, свалить все на Ярта. Мол, заморочил, окосово отродье, хитрец-некромант, вывернул все наизнанку, заставил увидеть белое в черном цвете. Мелле бы простила, потому что она доверяла подруге, зная, что Яльса не способна на плохое, зная, что она легковерна и наивна, зная, как скользок и изобретателен может быть Ярт.

Можно было... Но Яльса-то знала, как все было на самом деле, и она не хотела врать. Ярт был не при чем. Это она, она сама вступила на скользкую дорожку. Ярт увлек ее, да, но если бы она не поддавалась, то и у него бы ничего не получилось, верно?

Она сама не захотела искать правильный выход из сложившейся ситуации, и выбрала простой. Яльса без труда себе в этом призналась, а потом и осознала, что ей, Окос ее заberi, нравится на этой дорожке. До того она шла по проторенному пути: учеба, дом, дети, учеба, дом... Она знала, что случится завтра и послезавтра, все было просто и предсказуемо, и ее ум искал отдушину от ежедневной рутины в старинных историях, преданиях, легендах, религиозных текстах. В ее жизни красок не хватало, и она смотрела за чужими жизнями.

Ярт как будто протянул руку и показал, что она и сама может что-то делать, как-то разнообразить собственную жизнь и влиять на чужие, что сбегать в другие миры, чтобы посмотреть на краски, вовсе не обязательно.

И Яльса была благодарна Ярту за это. Она не собиралась валить на него вину за собственное прозрение, потому что как нечего было валить.

Она все еще стыдилась того, что не рассказала Мелле о споре. А еще ей было интересно, что будет дальше, а еще в ее крови кипел азарт: она не испытывала такой уймы эмоций, наверное, никогда. Ей нравилось нынешнее положение вещей.

Ей нравилось собственное двойственное состояние, ее кипящий ум, пытающийся разрешить неразрешимую дилемму. Она была влюблена в этот яркий мир, во всю его полноту и многообразие.

Ярт... Сначала она просто им чуть восхищалась. Чуть побаивалась, конечно, потому что он казался сильнее, но потом он ей раскрылся, и она поняла: в чем-то сильнее она.

У каждого есть слабости.

Нет ничего интереснее, чем шутливое, неопасное противостояние. Возможно, кому-то, как Вако, необходимо грызться не на жизнь, а на смерть, чтобы сохранить остроту ощущений, но Яльса не настолько полна энергии. А вот Мелле, способная за собственную свободу перегрызть глотку кому угодно, что бы ко не говорил, ему очень подходит.

А Ярт, Яльса чуяла, похож на нее. Он не бьется в полную силу, он играет.

Игра с Яртом захватила ее полностью: спор был даже не первым раундом, но гонгом к началу противостояния. Сначала она не понимала правил, но потом Ярт показал, что правил не существует, а очки невозможно подсчитать. Игра длится ровно до тех пор, пока доставляет обоим удовольствие.

Пока приятна обоим.

При такой игре выигрывают все, если, конечно, не делают роковой ошибки.

Яльса не знала, сделала ли она ошибку.

Сначала она просто восхищалась Яртом, ловила его взглядом на переменах,

неосознанно пыталась копировать какие-то привычки, но быстро бросила это занятие. А потом это восхищение переросло во влюбленность, простую влюбленность, о которой Яльса раньше только читала. Она смотрела на него, и сердце билось чаще.

Это было не хорошо и не плохо. Это было очень просто, но и сложно одновременно.

Яльса попала в безвыходную ситуацию, запуталась окончательно, и решила разрубить этот узел единым движением: просто признаться. Однако она была робкой девочкой, не в ее характере было просто взять и признаться. Она боялась, что Ярт отстранится от нее, а вместе с ним исчезнет и тот сложный мир, в котором он пока вел ее за ручку, и не подозревая об этом. Ей не хотелось возвращаться обратно, в царство беспросветного черного и идеального белого.

Она малодушно откладывала признание, и откладывала, и откладывала, пока, наконец, не решила, что признается сразу после того, как выяснится победитель в их с Яртом споре — кем бы он ни был.

Яльса стала внимательно наблюдать за развитием отношений Мелле и Вако, и принимала в них живейшее участие. Далеко не все ее действия одобрила бы Мелле, их и сама Яльса про себя не слишком-то одобряла, но реакция Ярта не заставила себя ждать: он тоже приступил к активным действиям.

Результат этого странного перетягивания живого и мыслящего каната не заставил себя ждать. Все кончилось в один день, быстро и резко.

Как Яльса и хотела.

День «Х» должен был наступить послезавтра. Экзамены были сданы, контрольные написаны, даже оценки за модуль уже давно всем выставили, кроме совсем уж отстающих, и школа порядком обезлюдела.

Яльса ходила в школу потому, что учебный год все-таки официально еще не закончился, потому, что Мелле ходила в школу и ей нужна была поддержка, и потому что в школу ходил Яр. Третью причину она не хотела признавать главной, но не признать — значило бы наврать самой себе. Яр же ходил в школу потому, что дома у него орал брат; Яльса иногда смутно надеялась, что и из-за нее тоже, но отлично осознавала, что, скорее всего, это не так, и старалась не очень об этом думать.

В кармане юбки она зачем-то таскала мешочек с кофейными зернами. День Солнца, когда традиционно дарят зерна, это первый день одиннадцатого месяца, последнего месяца осени. В этот день Солнце выходит из-за туч и дарит последнее тепло накануне зимы, а потом еще семь дней делает так же. Дарить зерна весной идея глупая, как ни крути, время неподходящее.

А Яльса все равно их таскала. Просто перебирать их в кармане сквозь тонкую ткань мешочка ей нравилось, как-то... успокаивало, что ли.

Мелле тоже ходила в школу. В отличие от Яльсы, которая, благодаря Яру ухитрилась закончить модуль даже без шестерок, у нее были проблемы с кеттским: учительница невзлюбила ее с первого взгляда и обещала поставить пять в модуле, что могло кончиться плачевно, и теперь Мелле брала ее измором.

Вот и сейчас уроки уже кончились, и Яльса ждала Мелле, пока та преданно пожирала мудрую Унрэ рода Мин взглядом и упрашивала дать переписать модульную контрольную. Яльсе надоело смотреть на эту эпическую битву, так что теперь она валялась себе на пригорочке и горя не знала.

То есть, конечно, знала, и когда к ней присоединился Яр, тут же его и озвучила.

— Свах из нас не получилось.

— Как же так? — Деланно возмутился Яр. — Казалось, все на нашей стороне: мне прямо таки на роду написано быть свахой, не будь я, конечно, парнем и некромантом, а ты девчонка с глазами прирожденной сводни!

— Что? Глаза прирожденной сводни — это как вообще? — Яльса даже приподнялась на локте.

— Они серые с карим ободком, похожим на брачный браслет, я был уверен, что у тебя все получится! — Пафосно выдал Яр. — Но Окос раздери, похоже, желание сводимых сводиться таки что-то значит... Э-эх, не рассчитали мы.

— Прямо таки просчитались. — Легко согласилась Яльса. — А как пойдем, кто выиграл?

Яр задумался.

— Мда, вариант, когда никто ни в кого не влюбился, мы как-то и не обговорили... — Протянул он.

— Что, иногда твоя уверенность в себе все-таки становится губительной самоуверенностью? — Хмыкнула Яльса.

— Кто бы говорил, но не ты, поставившая на взаимность! Но я все равно до жути хорош

и шикарен, а? Давай по очкам: один будет называть, что сделал, а второй — бить своим преступным деянием.

— Соглашусь только чтобы не ударить по твоей самооценке слишком сильно. — Рассмеялась Яльса, — А то я же тебя легко сделаю. Я начну: встреча в кино.

— Кое-кто забыл, что это была совместная операция? — Возмутился Ярт.

— Но моего в ней больше, чем твоего! Ты знаешь, чего мне стоило убедить отца Мелле, что то, что мы встретились с двумя парнями в центре — совершеннейшая случайность? Мелле со мной полчаса не разговаривала после этого, между прочим.

— Но кто знал, что отец за ней следит? Явно не я! Может, внимательная и любящая подруга могла бы об этом подумать?

Яльса села и ответила возмущенно:

— Внимательная и любящая подруга, знаешь ли, после этой встречи обрела статус подруги, влюбленной в совершеннейшего утырка, в друзьях у которого еще один совершеннейший утырок. И только большое и доброе сердце Мелле не дало ей развернуться и уйти прочь, заставив поддерживать подругу все кино. Без меня бы ничего не вышло. Она бы плюнула и на кино, и на вежливость, уткнула бы водой сквозь пальцы, напоследок огрев Вако чем-нибудь тяжелым.

— Склоняюсь перед женским коварством. — издевательски протянул Ярт, но Яльса лишь вернула ему его же улыбочку, теперь ее было не так просто ущипнуть за совесть, — Твое очко. Хм-м-м... Уборка территорий.

— Согласна. — Яльса была немало удивлена, что Ярт пошел с козыря.

Он и вправду провернул нечто огромное, красивое и многоходовое, при этом сам нигде не засветившись. Там кому-то что-то шепнул, там — задержал человека, несшего списки, там — подтолкнул, и все завертелось так, что Мелле пришлось на пару с Вако убирать несколько классов. То, что в одном из классов их заперли вместе на три часа, Ярт тоже ставил себе в заслугу, но Яльса была уверена, что это счастливая случайность, вряд ли у Ярта были выходы на местного охранника. К тому же, такие истории просто не обходятся без запираания главных героев в одной комнате наедине, так что если бы это и сделал Ярт, то это была заслуга истории, а не его.

— Жужжание в уши, что Вако ничего, если вправить ему мозги?

— Я тоже жужжал! — Возмутился Ярт.

— Но тебя Вако заподозрил, а меня Мелле — нет. — Лучезарно улыбнулась Яльса.

— Все опять упирается в твое вероломство. — Буркнул Ярт. — Уборка территорий.

— Кто бы говорил! Уборка уже была.

— Но она явно весит больше, чем жужжание и кино вместе взятые.

Яльса подумала — в чем-то Ярт был прав. Махнула рукой.

— Окос с тобой. Встреча в столовке.

— В этом не было никакого изящества! — Нахмурился Ярт. — Невелика цена. Уборка территорий.

— Да сколько можно-то! — Обиделась Яльса.

— Пока не признаешь, что я круче.

Яльса вздохнула, отвернулась. Оторвала у какой-то травы метелку, вспомнив почему-то, что такое строение колоса вроде бы называлось мятликом... или сама трава так называлась? Она начала машинально ее ощипывать.

— Ну да. Вообще-то я и правда проиграла по всем фронтам. Я не врала Мелле.

В голосе Ярта слышалось недоумение:

— В смысле, она обо всем знала? Но тогда почему...

— Нет, не в этом смысле. — Перебила Яльса. — Включи свой архигениальный мозг и дотумкай, что тебе признаются в любви, пожалуйста, пока я тут не провалилась к Окосу от стыда.

Лицо у нее пылало, а последнюю фразу она сказала очень тихо и быстро, надеясь, что Ярт ее не расслышит, и ничего не поймет, и ничего не изменится.

Она вела себя эгоистично, когда использовала Мелле, чтобы оставаться поближе к Ярту. Пожалуй, это весомый повод в ней разочароваться. И даже то, что она изначально просто хотела помочь истории случиться, а подруге — перестать быть школьным чучелком для насмешек, человеком, на которого спорят, даже то, что ей удалось сделать хотя бы второе, ее не оправдывало. Да, Мелле больше не задирали после того, как Вако, которому Ярт предложил попробовать показаться к глазам девушки героем, порядочно нарычал на ее обидчиков, но это было лишь побочным эффектом, это давно перестало быть Яльсиной целью...

Благодаря этой истории со спором она оставалась с ним рядом, вот и все.

— Ты... — Выдохнул Ярт, и продолжил хриловато, — ты... просто увлеклась. Просто заигралась. Просто...

— Нет. — Спокойно ответила Яльса.

Это спокойствие ей многого стоило. Она раскрыла кулак и уставилась на труху, оставшуюся от несчастного мятлика, на четыре кровавые лунки на ладони.

— Нет. — повторила она. — Я не заигралась. Я проиграла. Ты слишком крут, и ты мне не по зубам. Кто я? Я — домашняя. Я — сижу с детьми. Я — слабая школьница Яльса, и во мне нет изящества.

Она опускала голову все ниже, надеясь, что он возразит, и зная, что он ничего не скажет.

Он взял ее за руку и подул на ранки, и те перестали саднить. Зря он это сделал: пока она отвлекалась на боль, ей было не так сложно сдерживать слезы.

И она не смогла справиться со слезами, они потекли бурной рекой, глаза, нос, она терла лицо, но никак не могла остановиться, а Ярт никак ее не останавливал.

На краю сознания мелькнула мысль, что выглядит это мелодраматично и глупо, и что она же не любит такие истории, и не хочет никогда больше быть в них главной героиней, потому что это тяжело, тяжело и безнадежно. Она обязательно постарается никогда больше не влюбляться, она слишком слабая для этого. Слишком... жалкая плакса.

— Яль... Яльса, переставай плакать. Яльса-а-а, слышишь? Что я скажу Мелле, когда она выйдет из школы и такое увидит? Она же меня съест, слышишь? Услышь меня, ты просто... увлеклась. Я очень увлекательный. Потом я тебе надоем, правда.

Яльса подняла голову, села, скрестив руки на груди.

— Я знаю, что я чувствую! Я глупее тебя, это так. Но я знаю, что я чувствую, ясно тебе?

— А я нет. — Ярт отвел глаза, — Я — не знаю. Что делать?

— Значит, это отказ. — Яльса пожала плечами. — Я же говорю — проиграла. А ты... ты крут. Правда-правда крут.

И она улыбнулась как можно радостнее, и Ярт вздрогнул от этой гримасы, встала, отряхнув юбку, подхватила сумку, сунула обе руки в карманы и ушла.

Ей было жизненно необходимо побыть наедине с собой, поплакать, понять, кто же она

теперь и как ей жить дальше, как — без Ярта?

Она была зависима от него слишком долго, и сейчас она уходила, не оборачиваясь, с корнем пытаясь вырвать из себя все лишнее. Не получалось, но немного времени...

Если у нее будет время — немного, чуть-чуть времени, она отдышится, она расправит плечи, она пойдет дальше, она забудет Ярта. Она не сможет стать ему другом, хватит, уже разок пыталась, а значит — надо забыть. Доучиться, выпуститься из школы и забыть.

Она была слишком эгоистична, и вот чем все кончилось.

Никогда еще у Юлги не было такого отходняка от ее видений. Может, в том был повинен Варт, которого Юлга утянула с собой. Может, то, какой временной промежуток Юлга ухитрилась ухватить, или то, насколько она растворилась в гостеприимной Яльсе.

Когда она вспоминала свое видение, она не находила там ни частички себя самой, своего отношения к ситуации, собственного взгляда на вещи. Она буквально побывала Яльсой. Такого полного погружения в чужую личность у нее не бывало даже во снах, потому что перед пробуждением она все же осознавала, кто она, и что то что происходит, происходит не с ней. А тут она просто вынырнула из видения, как только оно закончилось, и не могла долго понять, Яльса она или все-таки Юлга.

К счастью, сидящий рядом Варт спросил обессиленно:

— Панда, чтоб тебя, ты добить захотела?

Чем и разрешил ее сомнения.

Она ухватила за гудящую голову, попыталась встать, опершись на Вартово плечо. Он завалился, и она завалилась вместе с ним.

— Никогда еще не бывало так погано. — Поделилась с Вартом Юлга. — Даже когда на дом смотрела, понимала в глубине души, что это не со мной происходит. Я тебя утянула?

— Угу.

— В Яльсу?

— В болото какое-то. Ничего не могу вспомнить. — Варт устроился на широкой скамейке поудобнее.

Рука ему, наверное, очень мешалась, потому что он завел ее куда-то за Юлгу, да так и оставил. Тут до нее дошло, как это, наверное, со стороны выглядит, и она вскочила на ноги. Заплаталась, оперлась на стену, но все-таки справилась. Глядя на нее поднялся и Варт.

— В следующий раз, — посоветовал он, — не пытайся победить магией...

— Разве плохо получилось?

— Неплохо. — Согласился он. — Но лучше бы рукопашка. Ты бы не порвала перчатки, кто-нибудь бы победил...

— В любом случае, я отспорила твое опоздание еще на твоей битве с Майей. — Перебила Юлга.

— Ты не поняла. — Варт покачал головой и глянул исподлобья. — Я хотел, чтобы кто-нибудь победил.

— Ты хотел? — Юлга определенно слышала, как Варт сделал ударение на слове «я», — ну, тогда давай как-нибудь потом попробуем еще раз, в чем проблема? Когда ты будешь чуть посвежее. Кстати, чем все кончилось? То, из-за чего ты был в таком состоянии... Керн?

Варт огляделся. Они были в подсобке спортзала, и из-за двери доносились звуки боя.

— Нас просто задвинули в угол, чтобы не мешались... — Пробормотал он. — К лучшему. Юлга, давай не будем о Керне? С ним все хорошо. Мы не разговаривали окосову

уйму времени, и о чем говорим? О Керне? Да пропади он пропадом, он мне надоел. Сколько можно-то! Почему я никогда не могу помочь? Почему я... мешаю?

Юлга подхватила его, оседающего, и сама буквально свалилась на скамейку.

— Ты не мешаешь, Варт. Ты никому не мешаешь. Ты помогаешь. Вот, мы с Нией недавно обсуждали, что ты...

— Помогаю парочкам? Чего удивляешься, есть такое. Меня пару раз называли черной свахой, да только вот парней-свах не бывает. Но это, скорее, случайность, просто говорю, что вижу, когда меня спрашивают...

— Черной свахой? — Юлга вспомнила, как Ния говорила, что у нее в роду нет свاخ. — А чем черные от красных отличаются, кстати?

— Красные подбирают пару, черные испытывают. — Варт с готовностью уцепился за эту тему, она была не о Керне, наверное, поэтому. — Красные — выходцы из Храмов Лаллей и Живицы, а черные бывают только в Храме Живицы. Вот, предположим, одинокий мужчина никак не может найти девушку. Он не хочет серьезных отношений, а может и хочет, он и сам не знает, чего он там хочет, ему просто... одиноко.

Юлга понимающе кивнула. Голова Варта лежала у нее на плече, он сонно прикрыл глаза и говорил тихо и размеренно, вспоминая.

— Тогда он идет в Храм Лаллей и просит красную сваху помочь. Та что-то делает... понятия не имею, что именно... и мужчина на следующий день идет и ловит какую-нибудь девушку, например, которая случайно споткнулась о выбоину в мостовой. Дальше все зависит уже от него, может кончиться свадьбой, может — парой совместных ночей, а если человек пренебрежет подарком свахи, то и пощечиной. Всякое бывает.

— То есть, вроде как пересекают пути подходящего мужчины и девушки?

— Да. К красным свахам Живицы ходят, когда ищут жену.

— То есть они могут искать по большому количеству параметров, чем красные свахи Лаллей?

Варт задумался, Юлге даже показалось, что он заснул.

— Пожалуй. — Наконец сказал он, — но небольшое уточнение, они не могут найти девушку на пару ночей. Живица — не Лаллей, сама понимаешь, не стоит ждать от богини-матери того же, что и от богини случайных связей.

Юлга понимающе кивнула.

— А черные?

— Че-е-рные... — Протянул Варт. — Черные самые бесполезные. К ним пары приходят, когда начинают сомневаться. Как правило — распадаются, конечно. Даже те, кого красные свахи Живицы вместе сводили. Потому что не созданы они друг для друга, а созданы для кого-то другого. Может, притерпелись, притерлись, привыкли на недостатки друг друга глаза закрывать, а черная сваха как вытащит что-то совсем страшное, с чем второй примириться не сможет, и все, прощай, счастливая семейная жизнь. Главное, говорят, им и делать-то ничего не надо. Хотят они или нет, а рядом с ними сплошные скандалы и разводы. Жуткая, должно быть, жизнь. И из Храма они редко выходят... Не пуска...

И Варт заснул на полуслове.

Юлга боялась пошевелиться. Не хотелось его будить: он выглядел даже хуже, чем в ее первое утро в доме Хинов, а ведь тогда, он признавался, он специально пытался сделать вид пожалуйста.

О том, что она увидела, думать не очень хотелось, но не думать не получалось. Похоже,

она случайно хватанула Яльсин мешочек из-под кофейных зерен, вот и поплатилась. Да еще и Варта использовала в качестве усилителя, иначе видение не было бы таким ярким.

Яльса, конечно, зря убежала, если так подумать... Ярты был обескуражен. Яльса настроилась на отказ, вот и восприняла его слова как отказ, хотя Юлге казалось, что они звучали как банальное «мне надо подумать». Если бы у них было чуть-чуть времени, то они разобрались бы с этим, но сразу после вроде-бы-навверное-все-таки-отказа у Яльсы рухнул дом... и времени не оказалось.

Потом был диалог под дверью... Яльсу оставили потому, что Талина узнала о признании. Как Талина узнала о признании? У нее был слишком взрослый сын, чтобы ходить за ним в школу, вряд ли Ярты хоть раз звал Яльсу в гости, да и Яльса не знала, что Талина — мать Ярты. Окос, да причем здесь признание? Талина хотела женить сына, причем именно на Яльсе. И дело не в том, что Яльса смогла вытянуть Варта из его тьмы: Варт к тому времени прочно застрял в кризисе трех лет, провел там около года, к нему относились как к живому мертвецу, ждали, пока умрет! Никому кроме бессильного помочь Ярты не было до Варта дела!

Да и к Ярту Талина была на слишком внимательна, если уж на то пошло. Единственное, к чему она проявляла интерес — это к его женитьбе...

Юлга чувствовала, что сейчас, вот-вот, поймет в чем все дело...

— Юлга, так мило! — Прошептала Ния, ныряя в подсобку. — Вы уже очнулись?

Варт открыл глаза.

— Привет, маленькое водяное недоразумение.

— Ты всего на два года старше! — Нахмурилась Ния. — Вообще ты меня в той кафешке не узнал... Так что на «вы», пожалуйста.

— О боги милосердные, ты будешь мне это всю жизнь вспоминать? — Поморщился Варт. — Виделись-то до того пару раз в жизни, мне было девять лет, с чего я тебя буду помнить?

— Я подруга твоей... подруги!

— Вот и запомнил. — Варт пожал плечами. — Ладно, тащи Юлгу отсюда, а мне Майю позови, чтобы Витязь пришел. Ты-то не утащишь...

— Что, правда? — Ния округлила глаза.

— Что правда? — Не понял Варт.

— Что, если я сюда Майю позову, то Витязь придет?

Варт широко улыбнулся.

— А то. Не придет — прибежит огромными скачками.

— Неужели взревнует? — Прижала руки к щекам Ния.

Варт внимательно осмотрел ее с головы до ног, потом, чуть прищурившись, как он всегда делал, переходя на образное зрение — еще раз. Принюхался.

— Милая Ния, ты бы поговорила с женихом. — Сказал он. — Ты не сможешь вечно отвлекаться на чужие любовные истории. Ты чувствуешь то, что чувствуешь, и ничего более, ничего менее. Ты это хотела спросить? Не осмеливалась. Слушай, эмпат может понять все без слов. Маг воды — нет. Ты же и сама это понимаешь, верно? Так почему ждешь чего-то другого? Ты никуда не денешься от разговора. Бери Юлгу под белы ручки и зови Майю. Он не взревнует, он несет за меня ответственность, если тебе так интересно. Он и так неплохо так рисковал с этими боями.

— Разве? Щиты-то все на месте? — Юлга попыталась незаметно перевести тему.

— Милая Панда, представь, что кто-то воспримет это слишком серьезно. Например, это будет кто-то, похожий на моего брата — на свете не так много сильных некромантов, но это ВГТУ, и здесь прямо таки кладезь диковинок. И кто-то, похожий на моего брата, выйдет один на один со стихийником: ни один нормальный стихийник не полезет первым делом в кокон, в защиту. И он просто щелкнет пальцами. Просто остановит сердце, милая Панда.

— или кто-то, похожий на тебя, Варт рода Хин, заставит полезть противника в петлю. Лишит желания сражаться, неплохая же идея?

— Неплохая попытка, мудрый Тасо. — Елейным голосочком ответил Варт как-то слишком уж вовремя вошедшему в подсобку зверозыку, — Но спросите кого хотите, Варт рода Хин не может манипулировать чужими эмоциями, правда, Юлга?

Юлга ответила, не задумываясь. Раз Варт говорит Ведомству так, то она подыграет. Ведь про настоящую силу он никому не говорил... хотя он про нее и не знал? В любом случае, говорить про дар может только его обладатель, а ей соврать не сложно. Нет у Витязя силы распознавания лжи, к счастью, это-то они с группой проверили в первую очередь.

— Правда.

— и ваши эмоции, мудрый Тасо, в совершеннейшей безопасности. Даже та ваша робкая страстишка, из-за которой вы так душно пахнете, никто...

— Хватит. — Резко сказал Витязь. — Умыл. Признаю. Ты — скользкий тип.

— Хочешь жить — умей выскальзывать. — Варт пожал плечами. — Но, заметьте, победы-то в рукопашной. Руками против дара. Может, сосредоточитесь на боевке, а не на выдумывании новых фокусов?

— Мой коллега мне говорил, что ты сделал ставку на ловкость. Но про твою зашкаливающую наглость...

— Было несложно, против перваков, отучившихся пару месяцев. Против вас будет сложнее. Хотите попробовать избить младенца?

Варт встал, пошатнувшись. Юлга встала вслед за ним, чтобы поддержать, но ей самой пришлось опереться за стену. Тем не менее, она оскалилась за Вартовой спиной, как ее когда-то учила мать: попробуй, тронь, животное, не отмоешься потом. Вряд ли она сейчас могла увидеть хоть миллисекунду чьего-то прошлого, но Витязю об этом было совершенно необязательно знать.

Ния переводила взгляд с одного участника этой немой сцены на другого, не понимая, что происходит. Юлга же начинала кое-что подозревать, стоило ей узнать, что для ВГТУ Варт предоставил несколько ограниченный список своих способностей.

То есть за боевку не прилетело бы никому. Это было провокацией. Они ожидали, что он пустит в ход дар. Но зачем? Почему Варт так напрягся? Управление чужими эмоциями — сильная штука, но и на нее можно найти управу.

Похоже, однажды Варт прокололся, и с тех пор его испытывают. Или прощупать решили не только Варта, но всех третьекурсников, а Варт просто показывает, что это понял.

Юлга старалась держать голову ровно, но она раскалывалась, ее мутило, Витязь двоился... кто знает, чем бы все кончилось это незримое противостояние, возможно, и избием младенцев, но тут Юлга медленно опустилась на колени, не в состоянии различить что-то в круговерти золотых искр, а потом окончательно отключилась.

Ярт был в бешенстве.

— Это правда?

— Что? — Спросил Керн бесстрастно — Варт вышел не так давно. Ты его ищешь?

— Ты правда паразитируешь на моем брате из-за своей маленькой проблемки уже несколько месяцев?

— А хоть бы и так? — Керн отложил скальпель. — Долго же ты раскачивался.

В холодный воздух морга, куда старый Ош спрятал своего неуравновешенного воспитанника, отключив генератор, чтобы Керну было куда сбрасывать силу, стало еще холоднее.

— Я не знал. Я — твой друг, но я не знал! Почему ты не сказал мне, почему ты сразу уцепился за Варта?

— А он сам пришел. Сам помог. Я его не просил, но он до сих пор помогает, что мне, отбиваться? — Керн поднял голову, — Где твоя обычная едкость? Перепугался? Растерял? Друг? Друг сказал бы мне.

Мертвец на одном из столов резко выбросил в воздух кулак. Ярт медленно выдохнул сквозь зубы и вдруг как будто совершенно успокоился.

— Мудрый О-ош! Дело есть.

За дверью послышались шаркающие шаги. Старик просунул в помещение голову в смешной яркой шапке с помпончиком.

— Что случилось?

— Как долго милый Керн держит температуру в морге?

— Часов пять. — После недолгих подсчетов сказал Ош.

— Вы же понимаете, что это не его натянутый пятый уровень? — Отчеканил Ярт.

Глаза Оша расширились в испуге.

— Что?

— Что именно не дало вам разглядеть скачок силы? — Спросил Ярт зло.

Керн все так же безразлично пялился в пустоту, Ош попятился, и помпончик на его шапке затрясся.

— Не было... — Прошептал он, — не было! Не было никакого скачка силы! Она росла плавно! — Он посмотрел на Керна полными ужаса глазами, — Неужели я проглядел! Боги, боги, за что, неужели мой лучший ученик сгорит в нетипичном кризисе!

— Все хуже. — Сказал Ярт сухо. — Все хуже. Керн не сгорит. Думаю, его можно поздравить, он теперь счастливый обладатель третьего, а то и второго уровня силы. После выхода из кризиса, конечно. Ош, вы же понимаете, что так продолжаться не может? Вы же понимаете, что я ни за что не поверю, что такой как вы мог все время просто не замечать этого? Вы видели его растущий потенциал, но вы закрывали глаза, Ош, вы вешали моему брату лапшу на уши, и он держал вашего ученика в кризисе, который, конечно, изначально предшествовал небольшому скачку силы. Но чем дольше Варт держал, тем больше в Керне накапливалось. Вы, конечно, можете врать, что и подумать не могли, но я вам вот что скажу: если кто-то узнает, что это заслуга моего брата...

Мертвец выбросил в воздух второй кулак, сел на столе, от чего тот чуть качнулся, и подмигнул Ошу.

— ...имейте в виду, вы сдохнете очень, очень быстро. Вы — хитрая тварь, но я — сильная и молодая.

— Ты — не убийца.

— Так и вы, мудрый Ош, не привыкли ломать жизни. Так, чуть пользоваться чужими, но не ломать — а если вы расскажете, то вы сломаете. Как много людей хотели бы себе чуть-

чуть больше способностей?

— Успокойся. — Вдруг сказал Керн, и метнул в мертвеца сосульку.

Та пробила ему грудную клетку, но раскрошилась о стол, так что особого эффекта не получилось.

— Ты успокойся. — Прошипел Ярт. — из-за тебя сама возможность подобного вскрылась, ты, хлюпик, закомплексованная мямля! Деду высказывай, а не Селии — но деду же страшно, да? Селия — не коза отпущения для такого слабака как ты!

Мертвец вытащил сосульку и швырнул ее на пол — та разбилось тысячей осколков.

— Кто, я? Ты угрожаешь моему учителю смертью!

— Потому что эта старая змеюка заслужила! — Рывкнул Ярт, и доброжелательно, обратившись к Ошу, добавил, — Мудрый Ош, вы не могли бы закрыть дверь с той стороны? Знаете, сейчас начнет дуть... надеюсь, больше тут никого нет и мы сможем поговорить с моим другом наедине?

Ош скривился и плюнул. Плевок как-то слишком громко звякнул о кафельный пол, и Ош, поняв, что с ним не шутят, как можно быстрее испарился.

— Он поддерживал меня, пока мне было плохо! Всегда поддерживал!

— Ты маленькая девочка, что ли? Тебя обязательно надо держать за ручку, пока ты оплакиваешь смерть своей игрушечной придуманной куклы? Скажи мне, Керн, — Ярт приблизился к Керну вплотную, хрустя изморозью, — Скажи: почему ты не можешь успокоиться?

— Я не могу выкинуть ее из головы! Эта стерва...

— Селия не виновата в том, что ты не можешь выкинуть ее из головы. Это ты виноват, ты и только ты. Мы не сказали тебе, что она из Ведомства, потому что нам было плевать на это: мне и Яльсе. Она пристроила Яльсу на работу, ты! Она молчала про Яльсину.. Молчала! Она не сказала тебе, что она из Ведомства, потому что она, Окос раздери, на десять лет тебя старше и не любит об этом вспоминать, она разделяет работу и личную жизнь! Знала, что все кончится так, видимо. Мудрая женщина... хотя и стерва порядочная, тут ты прав. Еще она Яльсина двоюродная сестра, и об этом ты тоже знаешь — и что? А еще у нее взрослая дочь, и что? О дочери ты, кстати, тоже мало что знал...

— Я не знаю, кто ее отец.

— Юлга тоже не знает. Поделитесь друг с другом этой бедой, создайте клуб. — Ярт пожал плечами, — Я не вмешивался, пока это было твоей проблемой. Но ты ввязал в это Варта — вот уж кто точно ни чем не виноват. Ты понимаешь, что ему будет за то, что он так долго тебя прикрывал? Я подскажу — вскрыется, будут проблемы. Ош не дурак, у него рыльце тоже в пушку, благодаря твоей тщательно лелеемой бобошеньке у тебя мог получиться хороший, годный пятый уровень силы дара, но благодаря Варту и Ошу, который поддерживал Варта в уверенности, что он необходим — получится третий. Благодаря мне ты сейчас выйдешь из кризиса: поверь, эти парни измотают тебя не без удовольствия, они помнят, кто их вскрывал. Покажи им свою ненависть. Не благодари, друг мой.

Ярт развернулся и, не оборачиваясь, пошел к двери.

Из холодильников лезли мертвецы, мертвецы соскакивали со столов...

Ош стоял за дверью, слишком спокойный для кого-то, кто только что трясся от помпончика до пяток, и Ярт подумал, что, пожалуй, ошибся, и старик трясся от холода, а не от страха.

— Юноша... э-э-э... Ярт. — Догнал тот стремительно уходившего некроманта, — Вы

же понимаете, что он сейчас разнесет морг?

— Ну... да?

— и целую уйму покойников?

— Пожалуй.

— Родственники будут недовольны, Яр. Поэтому давайте так: я списываю все на взрыв газа, а вы помогаете мне с бумагами?

Ярт посмотрел на старичка не без восхищения. Нет, этот, пожалуй, ничего никому не расскажет. Может, и в его участии к Варту была доля искренности. Смог бы сам Ярт устоять, если бы такая возможность пошла ему прямо в руки? Если уж совсем честно, не кривя душой — вряд ли.

— Простите за мое поведение. Я... сорвался.

— Главное, вовремя понять свою ошибку, верно? — Ош подмигнул.

Юлга очнулась в лазарете.

Рядом на табурете дремала Ния, и Юлга поймала себя на мысли, что обрадовалась бы гораздо больше, если бы это был Варт. Но не исключено было, что Варт валяется где-то на соседней койке.

Но нет, это оказалось не так. Юлга была в палате одна-одинешенька.

Она протянула руку и коснулась рукава Нии.

— Эй! Принеси воды, а?

Ния встрепенулась.

— Да, да, конечно! — Упала на колени перед тумбочкой, достала оттуда казенную кружку и уставилась на нее тяжелым взглядом. Не прошло и минуты, как кружка была полна.

— Ты здесь сидишь. — Сказала Юлга.

— Я твоя подруга и беспокоюсь за тебя.

— Могла сидеть Жаннэй, и это было бы рациональным решением. У Жаннэй нет проблем с Общим Правом, у тебя — есть. Но ты здесь сидишь и гуляешь пару. Варт сказал тебе кое-что. Поэтому?

— Ты помнишь?

— Я грохаюсь в обмороки, но не цепляю амнезию. — Фыркнула Юлга. — Варт говорил о чувствах. Единственная подруга, с которой ты сможешь нормально о них поговорить — это, кажется, все-таки я?

Ния покаянно склонила голову.

— Ты права.

— Что, предсвадебный мандраж?

В голосе Юлги было совсем чуть-чуть насмешки.

— Как ты... — Вскинулась Ния.

— Конец месяца, послезавтра — день Солнца, а одиннадцатого дня будет твоя свадьба. Это было очень сложно — догадаться. — Хмыкнула Юлга и отпила из кружки.

Вода была вкусной-вкусной, чистейшей.

— Давай, рассказывай, только своими словами. Прости, в прошлое я сейчас не смогу — сама видишь, чуть не надорвалась. — Сказала она, когда допила. — Я постараюсь тебя понять.

— Ты себя-то понять не можешь. — Фыркнула Ния и примирительно подняла руки, — Ладно, ладно, обо мне, так обо мне. Все очень просто и, на самом деле, описывается всего

парой слов: жреческий брак.

Водники были консервативным народцем. Оттого и система наследования власти у них была путаная и не слишком-то понятная для Юлги, которая во всех этих традиционных игрищах отроду не разбиралась. Из объяснений Нии можно было понять, что власть у водников принадлежит Верховному Жрецу многогранной Богини, как правило, старшему мужчине из жреческого рода. Но при определенных условиях это мог быть любой мужчина рода и никогда — женщина. Сильных жреческих родов было два: род Улы и род Ялы. Несколько веков назад с помощью каких-то невероятных подковерных интриг и потрясающего везения, от которого, по общему мнению, ощутило веяло хладной улыбкой Богини, Верховным Жрецом стал Тайек из очень малочисленного рода Олы, но, к добру или к худу, закрепиться не смог, удача ему изменила: его первенцем оказалась девочка, и в следующем поколении Верховный происходил уже из рода Ялы.

Вио рода Улы был уже третьим сыном своего рода на посту Верховного подряд, но вечно везение длиться не могло. Его жена созналась, что ждет девочку, уже через месяц после зачатия, а это значило, что следующим Верховным станет будущий муж его не рожденной еще дочери, которого надлежало выбрать из рода Ялы, и у Вио еще восемь месяцев, чтобы что-то по этому поводу предпринять.

Где-то на этом моменте Юлга попросила еще воды, и пила из полученного стакана мелкими глоточками, пытаясь выстроить путанный рассказ Нии в одну стройную схему. Толком не получилось, но что-то она уловила, и уточнила, старший ли сын Анген.

На что Ния отрицательно покачала головой и попросила не перебивать.

Осознав, что власть придется передавать не сыну, а зятю, Вио не слишком расстроился, справедливо рассчитав, что даже если зять будет упрямее барана, лишит деда общения с внуками никто не сможет, просто не имеет права, да и раньше его, Вио, смерти, заветный браслет Верховного зять не получит и вряд ли осмелится ему перечить. Проблем с родней зятя он хотел как можно меньше, оттого стал присматривать мальчика из младших ветвей рода Ялы.

Так бы он и выбрал кого-нибудь неглупого и покорного, но тут вмешалась мать Нии. Она познакомилась с несколькими кандидатами Вио, и что-то ей в них всех категорически не понравилось: так Ния стала поводом первого родительского скандала. Мать настаивала на красной свахе для своей девочки, причем непременно из Храма Живицы, отец совершенно не понимал, зачем в жреческий брак вмешивать какой-то совершенно другой Храм. Стерпится — слюбится, и нечего тут обсуждать. Так они и ругались бы до бесконечности, но у матери было одно решающее преимущество: для Вио беременность была таинством, чем-то сакральным и хрупким. Матери Нии не составило труда найти в нем эту слабость и разыграть небольшое женское недомогание. В результате Вио пообещал картинно стонущей, охающей и хватающейся за живот жене все и еще немного, а она безо всяких угрызений совести поймала его на слове.

Так Анген в свои двенадцать лет получил на руки орущую фиолетовую Нию и узнал, что вот это вот — его судьба. К подобному утверждению он отнесся с изрядным скептисом, осознание того, что ему на руку буквально втиснули браслет Верховного Жреца вообще пришло к нему только года через три.

Родители его были, в общем-то, рады: они принадлежали не самой захудалой, но и не

старшей ветви рода Ялы, имели самый что ни на есть средний доход, Анген был их вторым сыном, и такого везения они просто не ожидали — не от него точно. На них свалилось ожидание грядущих огромных денег и приятельство с Вио, обеспечивавшее икорку на их повседневный хлеб с маслом. Старший сын смог поступить в элитную школу, о которой раньше и мечтать не смел, две младшие сестренки Ангена о ней не мечтали, а точно знали, что туда поступят. Сейчас у обеих, несмотря на их юный возраст в десять и одиннадцать лет, были сговоренные женихи из старших ветвей, и уж тут обошлось безо всяких свах, девочки просто оказались внезапно весьма ценными фигурами — еще бы, кому не захочется иметь женой сестру Верховного Жреца?

Казалось бы: Ния принесла Ангену счастье. Стала его билетом в счастливую сытую жизнь. Спроси любого водника: Ангену повезло несказанно, а еще больше повезло его семье.

Однако Ния знала Ангена уже восемнадцать лет и понимала, насколько тому плевать на икорку и статус. Сколько она себя помнила, взгляд его загорался только при виде больших зданий, больших машин, гигантских масс воды, способных размолоть дерзнувшего пойти против них о камни и не заметить...

Здесь Юлга перебила и заявила, что на Нию Анген тоже смотрит весьма однозначно, но та только отмахнулась.

Дело в том, объяснила она, что они всю жизнь были вместе. За восемнадцать-то лет Анген смирился с ее существованием. Привык.

— Знаешь, — говорила Ния, — я всю свою жизнь знала, что Анген — мой. Я никогда его не ревновала к другим девушкам, потому что знала, что он — мой. Я принимала его как должное, как... подарок на мое рождение. Это и был подарок, мама сделала для меня самое лучшее, что могла сделать. Мне в голову не могло прийти, что он может считать иначе, потому что он был моим всегда. Он подтирал мне сопли, он возился со мной в песочнице, присматривал, когда родители были заняты... ему было очень трудно совмещать учебу и возню со мной, но он как-то умудрялся.

Она улыбнулась, вспоминая.

— Хотя учеба была единственным поводом, по которому он мог мне отказать. Я не ревновала его к девушкам, зато ревновала к альбому для черчения. Глупо, правда? У альбома нет шансов. Родившись, я лишила Ангена выбора.

— Постой-ка! — Возразила Юлга, — Но ведь у тебя тоже не было выбора! У Ангена было двенадцать лет свободы и неопределенности, но ты-то с рождения знала, с кем тебе суждено быть! Или... я что-то не так поняла?

Ния замерла, и Юлга подумала, что эта простая мысль вполне могла до сих пор не посетить ее хорошенькую головку. Не потому, что Ния была альтруисткой, жертвенной натурой, вовсе нет, а потому, что Анген и вправду был рядом с ее рождения, и она просто не представляла своей жизни иначе.

Вопрос только в том, думал ли о таком Анген. Юлга очень надеялась, что нет, его отвлекали его мосты и вода, и чем он там еще занимается, и задумываться о том, что брак договорной он не успевал. Да и зачем бы ему вообще заниматься такими глупостями? Он выглядел совершенно довольным невестой, счастливым даже. Хотя и Ния выглядела так же, и вот, задумалась же.

Юлга видела Ангена и Нию вместе и после этого представить их с кем-то другим просто не могла. Нет, они не заканчивали друг за другом фразы и не ворковали, не переставая, даже наоборот: Анген поддразнивал Нию, она велась — как в первый раз, и было

понятно, что игра эта давняя и любимая обоими. Однако, несмотря на выдуманные разногласия, они предугадывали друг друга произвольно и сами того не замечали: однажды на прогулке Ния споткнулась и чуть было не упала, Анген стоял к ней спиной, но сделал шаг назад и поймал ее, вернул в устойчивое положение, не прерывая болтовни с Вартом. Ния даже не вскрикнула, когда падала, да и то, что ее поймали, восприняла как должное; так же спокойно Анген отнесся к тому, что Ния в какой-то особо жаркий день нахлобучила ему на голову шляпу с широкими полями. До конца лета он покорно носил ее, не снимая, но осенью избавился с заметным облегчением. Юлга спросила Нию, зачем Ангену шляпа, та долго думала, а потом не без помощи дара Юлги вспомнила, что как-то раз он свалился с солнечным ударом, и с тех пор она всегда дарит ему какую-нибудь забавную шляпу летом, когда решит, что стало слишком жарко для непокрытой головы. Сначала он носить их не хотел, он вообще терпеть не мог головные уборы, но потом смирился, и, честно говоря, они оба уже и забыли, откуда пошла эта традиция.

И такие мелочи Юлга замечала за ними постоянно. Если кто и был двумя долями одного семени, так это Анген и Ния.

— Наверное... — Начала было Ния, но Юлга перебила.

— С другой стороны, был же выбор. Ты могла сбежать. Или он мог сбежать. Нет?

Юлга решила не говорить про деньги: хотя ей аргумент про то, что с помощью связей Вио Анген и смог так хорошо выучиться на инженера, казался весьма весомым. Он сам поступил в институт, но именно благодаря деньгам Вио он был принят в лучшую школу в той части города, хотя и благодаря своему таланту попал в класс для одаренных, и базисом своих знаний был обязан своей удачной помолвке. Однако Юлга не решилась об этом сказать Нии: у той и так создалось ложное впечатление, что ее семья купила ее жениха, так не стоит его усугублять. Да, Анген многим ей обязан, и лучше, чтобы она этого не замечала и воспринимала как должное так же, как не замечает он; меньше будет бестолкового беспокойства накануне свадьбы. Хотя не нужно было обладать аналитаторскими способностями Жаннэй, чтобы догадаться, что однажды все это дело вполне может вылиться в конфликт Вио и Ангена, в котором Ния встанет на сторону мужа, но тут Юлга бессильна — это не ее проблема и не ей ее решать.

— А как же его сестры и брат? — Ния покачала головой. — Нет, он сбежать не мог. Да и куда? В Кетте его бы тут же нашли, в чужой стране он никому не нужен.

— Ну, я Тьене тоже не была особо нужна. — Юлга развела руками. — Ничего, вот. Живу.

Аргумент был откровенно аховый, потому Юлга поспешила продолжить, пока Ния не опомнилась.

— Я это все к чему говорю? Если бы он хотел уклониться от свадьбы, он нашел бы способ уйти от тебя к черчению... Но он и не задумывался об этом, поверь: ты же не задумывалась? Кстати! — Тут Юлга подалась чуть вперед, — А зачем ему вообще выбирать? Сейчас же он ездит, и ничего...

— Когда он станет Верховным Жрецом, он не сможет уезжать далеко от Тьенского Храма многогранной Богини. То есть от Акки, реке нужен Жрец. — Вздохнула Ния.

— Так когда он им станет, если уж он действительно так талантлив, разве он будет самолично разъезжать по объектам? Давно уже дослужится до должности выше инженера на побегушках в этой своей конторе, и спокойно может руководить из Тьена. Или мудрого Вио одолевает какая-то страшная болезнь и он умрет со дня на день? — Внезапно озарило

Юлгу.

— Нет-нет-нет, ты чего?! Не дай-то Боги, упаси Богиня! — Горячо возразила Ния. — Неритуалы...

— Мне казалось, что ты знаешь все ритуалы своего Храма, просто как старшая и единственная дочь? В том же и суть: старшая дочь предыдущего Верховного Жреца обучает следующего... Разве не ради этого свадьба затевалась? Ну, и... — Тут Юлга вспомнила уроки истории, — Чтобы предыдущий правящий род породнился с родом-приемником и не случилось кровопролития, конечно. К тому же, сомневаюсь, что Ангена не обучили всему, чему нужно. Ния, ты выдумала себе проблему на пустом месте. Когда ты поговоришь с Ангеном, уверена, все, что ты себе накрутила в голове развалится тут же. Тут Варт прав.

— Ты думаешь?

— Я вас видела. Вы созданы друг для друга, серьезно. Конечно, любой может совершить ошибку, но ваша сваха не ошиблась.

— Да, я благодарна мудрой Хильте рода Элу. — Почтительно склонила голову Ния, молитвенно сложив ладони, — Да будет Окос к ней ласков и учтив. Спасибо, Юлга, я, честно говоря, и не думала, что мне поможет разговор.

— Ну спаси-и-ибо! — Возмущенно протянула Юлга, — Что же ты тогда в медпункте меня поджидала?

— Варт в таких вещах спец, конечно... — Вздохнула Ния. — Но мне страшно. Ты, Юлга, не очень разбираешься в этом всем, но мне нужна была поддержка, чтобы набраться смелости, чтобы подтолкнули... ну, к разговору... и у меня просто не было никого другого рядом. Майя, Жаннэй — они разбираются еще хуже... а других близких подруг кроме вас у меня просто нет. Спасибо, правда, спасибо, что выслушала. Прости, что я пришла грузить тебя своими проблемами прямо в медпункт, просто мне все время кажется, что времени совсем-совсем не осталось.

— Не беспокойся. — Улыбнулась Юлга, — Я отоспалась и все хорошо, у меня даже голова не болит, и вода твоя была очень кстати. У тебя точно нет целительских способностей? — Ния улыбнулась в ответ Юлгиному неловкому комплименту, и та продолжила, ободренная, — Я очень надеюсь, что вы разберетесь, пары красивее и гармоничнее я не встречала. Ну, то есть я уверена, что вы разберетесь, серьезно.

Ния кивнула. Некоторое время в палате была тишина, Ния обдумывала сказанное, трепя в руках кончик своей синей косы. Потом решительно забросила ее за спину и переплела пальцы, подавшись вперед.

— А вы?

— Кто «мы»? — Напряглась Юлга, понимая, что Ния сейчас оседлает любимого конька.

— Ты и Варт.

— Он мне друг, Ния! Успокойся уже!

— Я не понимаю. — Быстро-быстро заморгала Ния, — В чем проблема? Он тебе нравится, ты ему нравишься — я видела, как он смотрел на твои ноги, да и вообще... Почему ты так отчаянно сопротивляешься?

Юлге захотелось спрятаться под одеяло, а лучше под кровать, лишь бы не видеть Нииного недоуменного взгляда. Чему она сопротивляется? Варт ей нравится, и он знает, что он ей нравится — он же эмпат. Вот где-то здесь и начинались проблемы: если он знает, что все так, и если бы ему действительно было что-то нужно, разве он бы не предпринял для этого хоть чего-нибудь? Она еще помнит, как он схватил ее за руки — не вырвешься — когда

не хотел, чтобы она ушла из дома Хинов. Однако это было не ради нее самой, а ради того, что она могла принести его семье. Он надеялся, что она поможет ему разобраться и все наладить, а она, хоть и многое узнала, все еще не могла составить цельную картину, а даже если и составит — как знание того, что произошло, может помочь Варту? Нет, здесь она бесполезна. Однажды он это поймет. Поймет — и, скорее всего, больше ему будет незачем ее удерживать рядом.

К тому же... Даже если учесть, насколько он был занят с Керном, не был ли он слишком холоден в последнее время? Они же почти не встречались. Может, он уже понял?

Однако с Вартом было интересно, и она не хотела его терять. Девушка — это слишком близко, с этого места больно уходить, а подруга — в самый раз. В подругах легко удержаться, даже если совершенно бесполезна.

Не потеряет ли она друга, если позволит чувствам стать сильнее? Яльса, помнится, поставила все — и все потеряла бы, если бы не случившаяся с ней трагедия. Да и... что сейчас, тетя Ато наслаждается счастливым замужеством? Если бы!

— Не буду скрывать, — честно сказала Юлга, — Варт мне нравится. Но о любви речи не идет, а значит, я буду ждать кого-то, в кого влюблюсь. Ну, знаешь, бабочки в животе, розовый туман в голове, порхание... вдохновение...

— Что за бред? — Удивилась Ния. — То, что ты описала, больше похоже на эффект приворота, чем на любовь. С твоим первым парнем у тебя ничего такого не было, он тебе даже не нравился, ты рассказывала. И это тебе не мешало.

— Мой первый парень... сам ко мне подошел. Я не отказала ему только потому, что мне было интересно, что это такое — отношения.

— Как, узнала? — Вздохнула Ния, глядя на Юлгу как на маленькую неразумную девочку.

— Узнала. — Мрачно ответила Юлга.

— и как оно?

Юлга пожала плечами:

— Ну-у-у... Никак?

— Только честно, как подруга подруге, ты думаешь, что с Вартом будет так же?

— С Вартом никак не будет. — Отрезала Юлга. — Потому что я начинать не собираюсь, а он, раз до сих пор не начал, то и не начнет. Ния, нас вполне устраивает нынешнее положение вещей, зачем, скажи, зачем что-то менять?

— А ты уверена, что устраивает? — Спросила Ния серьезно. — Ладно, ладно, пожалуй хватит, пока мы не пошли на второй круг.

— Это будет даже не второй круг, а сотый. — Мрачно пробормотала Юлга.

— Не сердись. Ты же понимаешь, мне самой неловко, вот я и перевожу разговор куда попало. — Ния выпрямилась на стуле, ее указующий перст не упирался Юлге в лоб только потому, что Ния помнила, чем такое может кончиться и оставила небольшой зазор, — Ты только не забудь, что завтра — день Солнца.

— Как завтра? Сегодня что, последний день десятого месяца?

— Проснулась! — Рассмеялась Ния. — Ну ты даешь! Ты вообще как, следишь за временем? Вот я знала, что тебе обязательно нужно напомнить. Именно. А скоро — моя свадьба. На следующей неделе меня в институте не будет, кстати...

Потом они обсудили с Нией ее свадьбу. Правда, все, что Ния согласилась обсудить — это когда и в чем ее сокружницам приходить. Юлга так и не поняла, что именно она будет

на этой свадьбе делать, но в душе поселилось ожидание какого-то чуда. Ния гарантировала, что будет очень красиво, но что именно будет говорить отказывалась, обещала сюрприз.

Так они болтали очень-очень долго. В какой-то момент дверь открылась и в нее втиснулся Ярт, весь какой-то встрепанный и помятый, со следами крови на рубашке, и еще более встрепанный и помятый Варт, распрощались вежливо с Нией, взяли вдвоем Юлгу под белы рученьки и повезли домой. По дороге к ним присоединилась Жаннэй и в старенькую машинку Ярта они набились уже вчетвером.

За руль сел Варт.

Юлга хотела было съязвить про то, что битый небитого везет, но тут Ярт на переднем сиденье согнулся и закашлялся, прижимая ко рту платок.

Юлга перехватила взгляд Жаннэй на оставшиеся на платке пятна крови. Она не выказывала никаких эмоций, лицо было бесстрастно и это было странно: обычно Жаннэй носила на лице маску какой-нибудь мечтательной радости, не снимая. Она поспешила спросить, пока не спросила Жаннэй в своей уникальной прямодушной манере:

— Ярт, что произошло?

Ярт оглянулся, перевел взгляд с Юлги на Жаннэй, с Жаннэй на Юлгу... А потом хлопнул кулаком по ладони:

— Точно, вы же сестры! Вечно забываю. Тогда ладно, скажу. Только это секрет. Секрет — это такая штука, которую не рассказывают никому. Сокружницам тоже не рассказывают, Юлга.

Юлга скривилась. Кто-кто, а она вообще мало чего и мало кому рассказывала, все чаще ей что-нибудь случайно показывали, а потом долго извинялись, искательно заглядывали в глаза и просили не рассказывать их секретиков, но доказывать это Ярту — развести скандал на три часа. Он того и добивается.

Жаннэй все же не удержалась от реплики, хотя, может и вправду решила поблагодарить — кто ее разберет.

— Если мне будет необходимо узнать значение слова «секрет» я обязательно загляну в словарь. Спасибо за заботу.

Ярт недоверчиво хмыкнул, но получил тычок локтем в бок от брата, закатил глаза и заговорил.

— Только ради моей будущей невестки и ее очаровательной сестры я не откушу тебе голову прямо здесь, милый Варт: не хочу, чтобы их одежда была заляпана твоей кровью и непоправимо испорчена. Хотите, расскажу, что он сделал, девочки? Наш мальчик, которого в детстве пару раз уронили головой вниз и немало испортили этой дубовой головой паркет, надо бы поискать вмятины, продержал человека в кризисе около двух месяцев, отчего его хилый пятый уровень дара превратился в третий. Ладно бы он просто продержал Керна в этом состоянии, кто же знал, что это так работает, если подобные разработки и велись, то у исследователей явно не было Варта — человека, который действительно может продолжать другого человека в кризисе без побочных эффектов от медикаментозного воздействия. А главное, никому не могло прийти в голову, девочки, что Варт как нельзя лучше подходит для таких экспериментов. Но он... как у вас принято говорить «спалился» учителю Керна. Учитель у него мужик непростой и только на вид ласковый дедуля, но наш эмпат, зрящий в корень души всех людей в округе в этом человеке гнильцы почему-то не разглядел.

— Нормальный он был. — Буркнул Варт. — Помочь хотел.

— Наверное потому, милые девочки, что изо всех сил зажмурился, желая поверить, что

наконец-то кто-то взрослый понял и принял его невыносимое... кха-кха-кха... одиночество. Не волнуйтесь, это был последний. — Отмахнулся Ярث негнушимся платком.

Юлга подумала, что сам этот платок — уже повод для волнений, а Жаннэй достала откуда-то из за корсажа своего ажурного платья еще более ажурный и невесомый на вид платочек и протянула Ярту, беззаботным тоном осведомившись:

— А как зовут «дедулю»? Он же работает в той же больнице, что и Керн?

Юлга напряглась, надеясь, что Ярث умолчит, но тот не понимал, что именно кроется за безобидным, в общем-то, вопросом. Его-то мама не отводила в сторонку после обряда принятия в род и не рассказывала все в красочных деталях.

Ярث платочек принял, повертел в руках.

— Он же его учитель, конечно. Ош, мудрый Ош, он таких как Варт разводит легко и непринужденно, и я не могу сказать, что я не восхищен, он...

Юлга перебила, пока Ярث не выложил еще и имя рода:

— А почему ты кашляешь?

— Я не очень хороший некромант в классическом смысле этого слова. — Охотно откликнулся Ярث, — У меня непревзойденные врачебные навыки, как ты могла понять, только взглянув на меня, гениального юного врача, но вот как заставить целый морг нападать на одного маленького человечка с даром льда, которому просто необходимо выплеснуть накопленное, я догадался не сразу. Одного мертвого поднимет даже младенец, но за такое количество мне пришлось платить: каждый раз, когда очередному мертвому милый, воспитанный мальчик Керн сносит голову сосулькой, между нами рвется связь — весьма болезненно, но не смертельно, не беспокойтесь, Юлга, Жаннэй, Варт.

— и не собирался. — Огрызнулся Варт.

— А хорошо бы. — Протянул Ярث. — У тебя ведь проблемы, насколько я понимаю? Ты же скрывал от Ведомства свою возможность манипулировать эмоциями именно по этой причине? Не хотел всю жизнь таскать по кризисам больших шишек, верно?

— Не знал, что это так работает.

— Теперь знаешь. — Сухо сказал Ярث, как-то сразу посерьезнев. — и, к сожалению, знаешь не только ты. Варт, в этот раз, я уверен, обойдется. Я договорился с Ошем...

Юлга краем глаза заметила, как Жаннэй расслабленно откинулась на подушки. Нет, все-таки стоит с ней поговорить на эту тему, однозначно, а то однажды она сделает и жалеть не будет. К сожалению, Селия тоже не способна будет на сочувствие, она не просто так обещала, если что, ее сдать с потрохами. Малейшая ошибка Жаннэй и Селия откажется рисковать, у нее сейчас слишком много недоделок рода Есса, которых она тоже должна защитить.

— ...и он не собирается ничего никому говорить. Мы нашли общий язык, думаю. — Ярث улыбнулся так, что Юлга наконец вспомнила, что едет в одной машине с некромантом.

Повеяло загробным холодом.

Варт закатил глаза.

— Но будь осторожнее? Понимаю, Ярث, но Окос меня заberi, что еще можно было сделать?

— Отвезти Керна в чисто поле и позволить выплеснуть силу. Я же как-то справился. — Ярث пожал плечами. — Всего-то надо было включить мозг и чуть-чуть подумать.

Он снова закашлялся, уже в платок Жаннэй.

В машине воцарилось тяжелое молчание, которое в конце концов прервала Юлга,

надеясь, что не смажет Ярту воспитательный эффект.

— А у Варта права есть?

— Ученические. — Ответил Варт. — Нужно, чтобы рядом был опытный водитель, так что все нормально.

— Ну... ладно. — Юлга вымученно улыбнулась. — Честно говоря, меня немного укачало. Это не из-за тебя, просто я устала и со мной всегда так бывает, когда я устаю — лучше в машинах не ездить. Я вижу автобусную остановку; до дома недалеко, да? Я лучше пешком.

Варт безропотно остановился. Ярт запротестовал:

— Куда ты в таком состоянии?! Головокружение, слабость, тошнота — упадешь в обморок, кто тебя до дома дотащит?

— Жаннэй дотащит. — Просто сказала Юлга и прежде, чем Ярт возмутился, добавила, — Ты промыл брату мозги? Моя очередь.

— Вот наглая девочка! Видишь, Варт? Нельзя быть таким непослушным, — Ярт поцокал языком, — а то поступишь в ВГТУ и будешь работать на Ве... ой, точно, кому я это говорю.

Варт скривился, совсем как недавно Юлга. Она ободряюще ему улыбнулась, вытаскивая Жаннэй из машины — держись, мол. Варт склонил голову набок и высунул язык, изображая висельника, за что получил от брата легкий подзатыльник.

Одно сходство у братьев Хин точно было: привычка дурачиться даже тогда, когда дела были плохи, чтобы не показать, насколько они плохи. Юлга поняла из разговора в машине только то, что Варт чуть не попал, и лишь чудом избежал милой квартирки для одного в ведомственном Учреждении, хоть бы и научном. Но даже понятого ей хватило, чтобы очень сильно за Варта забеспокоиться. Однако она не могла ничего поделать, не сейчас. Может, лет через шесть уже будут хоть какие-то возможности, да и те будут минимальны. Это была не ее проблема, но она почему-то немало Юлгу беспокоила.

Вторым поводом для беспокойства стало поведение Жаннэй. Возможно, Юлге показалось, но та была готова убить Оша, стоило речи зайти о том, что он может быть опасен для ее новой семьи. Хотя, казалось бы, Хины не были ее семьей, а Варта Жаннэй откровенно недолюбливала, хотя Ярта очень уважала и относилась с искренней доброжелательностью.

Юлга решила просто спросить, благо на улице никого не было, сгущались сумерки, было уже поздно и они с Жаннэй казались двумя серыми тенями посреди пешеходной дорожки. Юлга сняла туфли: день был солнечным и земля охотно отдавала ей накопленное тепло. Скоро время ходить босиком придет для Нии, есть у нее в прическе и белые пряди, хотя она почему-то тщательно их прячет, а Юлге придется обуться в что-то тяжеловесное и неудобное — она терпеть не могла любую обувь.

— Жаннэй, — Спросила Юлга мягко. — Что ты хотела сделать с мудрым Ошем, там, в машине?

Жаннэй отвернулась.

— Ничего. — Бесстрастно сказала она.

— Мне плевать на Оша, я с ним даже не знакома, для меня это просто имя, — искренне сказала Юлга, — в первую очередь я волнуюсь за тебя. Я не знаю, как ты относишься ко мне; возможно, не будь мы сокружницами, ты бы не стала со мной водиться. Я не так умна как ты и тебе, наверное, кажусь слишком эмоциональной, порывистой, не способной

проанализировать последствия своих де...

— Это такой намек?

— Тоньше не бывает, Жаннэй. — Не стала спорить Юлга. — Ты же понимаешь: то, что однажды сошло тебе с рук, возможно, сойдет во второй раз. В третий. В четвертый. Но Окос поberi! Оно не сможет сходить тебе с рук вечно. Ты подведешь Селию, ты подведешь меня — и почему? Потому что считаешь это лучшим выходом?

— Я не...

— Было бы хорошо, если бы все, кто мешают нам жить, просто умерли. — Вздохнула Юлга. — Я так думала... хм-м-м... мне было лет семь, и был отвратительный, противный мальчишка, он постоянно дергал меня за косички и называл безродным вы... безродной. Он был дурак, Жаннэй, ему такие вещи нашептывала мама, а я ему просто нравилась, по-детски, знаешь, такая глупая детская влюбленность, когда не знаешь, что бы такое сделать, чтобы на тебя хотя бы обратили внимание.

— Не знаю. — Жаннэй пожала плечами. — Никогда не чувствовала и...

— Не чувствовали к тебе? Жан, я не могу представить, настолько тебе было плохо там. Я понимаю, что, скорее всего, это был единственный выход. Да в истории были люди, которые делали гораздо худшие вещи просто ради власти, старшинства в роду, но не ради свободы, как ты!

— Ты пытаешься меня оправдать для самой себя?

— Нет. Пытаюсь объяснить, почему тебе не надо передо мной оправдываться. — Юлга вздохнула. — Мы и сами больные, Жан, такой уж у нас дар. Мы с мамой отлично знаем, насколько страшным бывает самый обычный богобоязненный человек, стоит лишь чуть копнуть. Он сам не замечает своей жестокости. Ты же, Жаннэй, хотя бы понимаешь, что то, что ты сделала — плохо. То, что ты сделала, Жан — ну, объективно, это ужасно. Это страшно. Это отвратительно. Несмотря на смягчающие обстоятельства. Но у тебя появился шанс.

Юлга потянула Жаннэй за рукав в сторону увиденной скамейки и усадила ее рядом. Жаннэй согласно кивнула.

— Да. Я благодарна вам.

— Понимаешь, это не купля-продажа. Нам не нужно платить, устраняя всех на нашем пути, пока не проколешься. Ты не орудие, чтобы служить, пока не сломаешься или не сломают, ты человек. С тех пор, как мне было семь лет, случилось много всего: например, тот мальчик сгорел в подростковом кризисе. Так бывает, люди просто... умирают. Он задирали меня всю среднюю школу, так и не решившись признаться. Сначала мне казалось, что я виновата в том, что он сгорел, и мне потребовалось много времени, чтобы понять, что я не несу ответственности за чужие эмоции и мое чувство вины уж точно не вернет его обратно. Стало ли мне легче после его смерти? Конечно, нет.

— Он перестал тебя задирать. — Резонно возразила Жаннэй.

— О, да. Он перестал меня задирать. Но лучше бы он продолжал. Живой. Если бы он не умер, у меня была бы возможность обыграть его честно, понимаешь? Я так ни разу и не смогла найти, что ему сказать, и уже не смогу. На свете нет ничего более простого, чем просто умереть. Это может даже младенец. Убить — того легче. Обыграть — тут уже надо... как там Ярт говорил? Включать мозг. Убийство — крайняя мера, убийство — признак бессилия. — Юлга постаралась отогнать мысль, что аналогия с игрой появилась у нее из ее последнего видения, сейчас это было неважно, — Подумай, даже если мудрый Ош решит

сдать Варта — хотя зачем ему это делать, Варт же вытащил Керна на собственном горбу и подарил ему способности, о которых тот и не мечтал, а Керн, насколько я понимаю, Ошу как сын или типа того, иначе Ош бы так не рисковал — играть с эмпатом в поддельные эмоции когда эмпат вымотан и зол может лишь тот, кому некуда отступить... так вот, если решит, то есть гораздо более простой способ разобраться с проблемой. Просто навсегда о ней... забыть.

Юлга сняла и без того драную перчатку и пошевелила пальцами.

Жаннэй кивнула.

Юлга надела перчатки обратно и взяла Жаннэй за руку.

— Жан, ты мне правда как сестра. Я рада, что ты в моем роду. Правда, рада: я не знаю, сказать тебе так, чтобы ты поверила. Моя мать взяла тебя под крыло ради усиления рода, я думаю. И ты это отлично понимаешь. Но я — твоя сокружница. Я — твоя подруга. Я никогда не мечтала о сестре, и когда ты появилась, я понятия не имела, что с тобой делать, и, наверное, называть тебя моей сестрой сейчас — немного кривить душой. С остальными своими новыми родственниками я даже не знакома, знаешь же. Я еще ко многому в тебе не привыкла, и я уверена, что я тоже не подарочный подарок в розовой упаковке. Я эгоистична.

Жаннэй хотела было что-то сказать, но Юлга не собиралась давать ей вставить свое слово, повысив голос.

— Я эгоистична! Я наконец нашла место, где мне нравится жить, людей, с которыми мне нравится общаться, и признала, что мне реально нравится учиться тому, чему меня всю жизнь научить пытались. И я хочу сохранить все то, что я нашла. Понимаешь? Я. Тебе не надо пытаться защитить меня, Жаннэй, я справлюсь сама. То, что ты хотела сделать губительно для тебя. Жан, ты — часть моего нового мира. Ты не менее важна, чем все остальное и все остальные. Я не хочу тобой жертвовать, я не хочу, чтобы ты собой жертвовала. Ты поняла?

Жаннэй долго молчала, глядя куда-то в сумрак.

— Да. — Наконец сказала она. — Я поняла.

— Точно?

— Да.

— Если Селия попросит тебя о чем-то таком, Жан, что ты сделаешь?

— Я сделаю так, чтобы ты об этом узнала. — Жаннэй подняла на Юлгу глаза, и той показалось, что ее губы тронула слабая улыбка, наверное, причудилось в сумерках. — Потому что первой просьбой Селии было защитить тебя, а так я смогу послушаться вас обеих одновременно. И, спасибо. У меня никогда еще не было укороченного имени.

— Серьезно? — Юлга рассмеялась.

Почему-то ей казалось, что Жаннэй была искренна. Юлга не собиралась расслабляться и переставать присматривать за Жаннэй после одного-единственного душевного разговора, понимая, что вряд ли это сможет разом поменять взгляд Жан на жизнь. Но теперь ей было как-то спокойнее.

Юлга была как никогда рада новому дню. Во-первых, это был внезапный входной: Ярт вчера оформил по каким-то своим каналам официальную справку о перенапряжении, так что сегодня она могла в институт с чистой совестью не ходить, отработками ей это не грозило. Во-вторых, она истратила последний резерв на очень интересный сон, и мало того, что узнала или, скорее, вспомнила новую-старую информацию, которая могла поставить жирную точку в истории Яльсы и Ярта, так еще и чувствовала себя в магическом плане выжатым лимоном, и по этому случаю даже решила не краситься и не надевать перчатки — зачем, если ничто и никто и так не отзовется и не швырнет ее в омут чужих воспоминаний? Да и из дому она выходить сегодня не собиралась.

Солнышко на улице светило, иногда скрываясь за быстрыми облачками, яблоня за окном кухни уютно шелестела ветвями, и выпавшаяся Юлга любила весь мир вокруг, а тот отвечал ей взаимностью. Хотя окно Юлга все-таки прикрыла, а то сквозняк до костей пробирал — на дворе стояла глубокая осень.

На кухне стоял одуряющий аромат кофе. Возможно, запах был столь силен потому, что Варт залил кофе плиту и теперь одновременно чистил ее и варил еще одну подозрительно побулькивающую в турке порцию. Казалось, вот-вот и эта сбежит — обычное поведение для любой еды, которую варил Варт.

Впрочем, Юлге было не до такой ерунды, как Вартовы тщетные попытки готовить, она сразу взяла быка за рога.

— Ты знаешь, что мне сегодня снилось? Боги, ты заляпал рукав!

— Нет. Да.

Варт рассматривал рукав рубашки с немалым интересом, как будто рубашка наделась сама, без его на то дозволения и он вообще не очень понимает, как он здесь оказался. Юлге казалось, что эту рубашку она видела на Ярте — в отличие от младшего брата, предпочитавшего майки, футболки и прочие виды одежды, в которых можно сорваться в поход на байдарках вот прямо сейчас, Ярт их носил ежедневно, а не только по большим праздникам.

— У тебя перекиси нет? — Юлге было достаточно взглянуть на отрешенное лицо Варта, чтобы понять, что если и есть, то он не имеет ни малейшего желания ее доставать.

Ярт как-то упоминал, где именно в доме хранится аптечка, но Юлга не слушала, и теперь расплачивалась. Ярт же Варту за рубашку голову снимет, а это уже совсем не ерунда! С чего это вообще Варт решил проводить свои кулинарные эксперименты в парадной одежде? Хотя ему действительно шло. Еще бы расстегнуть пару пуговиц...

Она поймала себя на том, что отвлеклась, чего делать было категорически нельзя: вот-вот сон забудется, и они будут ломать голову над загадкой еще целую кучу времени, пока Ярт не сжалится и просто все не расскажет. А такого не случится никогда — Ярт воистину безжалостен.

— Варт, слушай! Я сегодня вспомнила, кто такая Тянно!

— Куратор Яльсы, приведшая ее к фольклористике. — Без особого энтузиазма откликнулся Варт. — Тут не надо быть Окосом, это все знают.

— Да нет же! Тянно выпустила сборник, в который была включена та самая «сказка о Фениксе»! В лагеря ездил?

— Ну?

— Страшилки у вас по ночам травили?

— Было такое. — Кивнул Варт без особого, впрочем, энтузиазма.

Юлга почувствовала себя чуть обескураженной таким безразличием, но не сдавалась:

— Помнишь, ходила байка про книжку, от которой огневики взрываются? Я вернулась из лагеря и спросила у матери, правда ли или врут все... поспорила с одной девчонкой, неважно, в общем. А мама сказала, что и вправду было такое. Мол, некая фольклористка, взявшая себе имя Тянно, выпустила сборник сказок в своей обработке. Не просто сборник, Варт. Это были сказки Круга.

— Хорошо иметь мать, которая рассказывает тайны Ведомства. Кому другому пришлось бы смотреть криминальную хронику или познавательные передачи. Хоть спор выиграла? Забей, это был риторический вопрос. — Варт пожал плечами. — Хочешь сказать, она написала сказку... Воды, и Огня, и Земли, и вообще... В книжку? Разве это не те сказки которые должны быть услышаны в свое время? Передаваться из уст в уста?

Юлга развела руками.

— Ты же знаешь этих фольклористов. Это же даже не наука! У них все на интуиции, опыте поколений, таланте. Чутье. Теоретически да, но фактически — кто же знал, что так обернется.

— Никто. — Кивнул Варт. — Как «так»? Кофе хочешь?

— Нет, спасибо. — Отмахнулась Юлга, — А вот так вот. Книгу опубликовали пробным тиражом в тысячу экземпляров. Был оптовый заказ от начальной школы огненного квартала, около ста экземпляров для чтения на школьных продленках. Книги остыть не успели, а были проданы. Это был беспрецедентный сборник, далеко не все фольклористы знают и умеют рассказывать сказки Круга... Пресса не то чтобы бурлила, но следила за этим. И многие дети, начитавшись стихийных сказок Круга, повторно вошли в детский кризис. Не то чтобы все взорвались...

— Но парочка. — Перебил Варт. — Понятно. Точно не...

— Поднялась буча. Родители были возмущены, пресса тоже почуяла свежее мясо... в Ведомстве просто не знали, что делать: никто вообще не ожидал, что...

— Все так обернется. — Варт закатил глаза. — Тянно осудили?

— Конечно. Я уверена, что осудили не только Тянно, но всех, кого только могли осудить. Как можно громче, строже, публично, чтобы родителям было кого распинать. Мама приводила это как эталонный пример того, как прекрасно Ведомство машет шашкой после проигранного боя, лишь бы сделать вид, что хоть какие-то меры были предприняты. Очень, помнится, горячилась. Я еще удивилась, что она приняла это так близко к сердцу. — Юлга взглянула на настенные часы, — Ты сегодня не учишься, что ли?

— Майя взяла Витязя, как она выразилась, на долг, так что у меня и всех, кто ее об этом попросил — официальная справка о перенапряжении. Мы взяли с собой Ярта, так что Витязь не смог отговориться отсутствием возможностей. — Варт улыбнулся. — Всего-то надо было сыграть парня, неожиданно потерявшего свои эмпатические способности и не знающего, что теперь делать с этим миром. Спасибо за сладкие моменты кататонии. А ты думала, одна такая?

— На долг? — Юлга поймала себя на том, что смотрит Варту на слишком туго застегнутый воротник рубашки и почувствовала себя созданием Окоса, возжелавшим крови.

Как там было в том дешевом романе? «Она не могла противиться своему низменному,

порочному, страстному желанию расстегнуть пару пуговиц»? Ну нет, что за бред, причем здесь пуговицы, там, наверное, были артерии и вены на шее. С кровью. Главная героиня же питалась кровью, хлестала ее из горла, как запойная пьяница. И не было в том романе никаких пуговиц.

У Юлги даже кончики пальцев зудели, так хотелось поправить... и что с ней творится? Ну не умеет Варт полностью использовать весь потенциал рубашек старшего брата, почему она не может не обращать на это внимания? Нет, так и хочется подойти поближе, привстать на цыпочки... Юлга сглотнула и сделала шаг назад. Нельзя отвлекаться. Нельзя.

— Юлга? Все хорошо? — Голос Варта казался обеспокоенным, — что-то ты побледнела. Касательно Майи... Она говорит с акцентом и частенько портачит в сложных словах и фразеологизмах; но, как ни странно, лишь делает их более подходящими по смыслу — не замечала? Здесь именно «на долг», а не «на понт» или что-то вроде того. Она воспользовалась тем, что он какой-никакой, но служащий силовой структуры, и его кодекс чести чем-то похож на этот странный кодекс огневигов. То есть она так сказала. Она в этом уверена. А что Витязь повелся только потому, что по ней сохнет, не мне говорить, не хотелось разочаровывать девочку в любимом преподавателе раньше времени. — Варт развел руками. — Да и в кодексе ей рано разочаровываться — если жить не по кодексу, то как?

Юлга зачарованно проследила за плавным движением его кистей — Окос, да что с ней сегодня творится! Ну точно, кофейное пятно привлекает внимание, оно — и криво, наспех застегнутые манжеты еще. И Вартов плавные жесты, вечно он руками в воздухе целую картину рисует.

— Почему...

— А, просто. Майя умнейшая девушка, но до каких-то вещей еще не созрела. И подобное отношение Витязя, узнай она о нем сейчас, примет как оскорбление. — Варт разлил кофе из турки по кружкам. — Все хорошо в свое время. Переоценка ценностей тоже. Хочешь кофе?

— Нет, спасибо.

Варт очень тихо поставил чашки на стол, подвинул табуретку и решительно полез в кухонный шкаф. Табуретка шаталась, она была не рассчитана на то, чтобы на нее вставали.

— Подержать? Выглядит опасно. — Юлга не понимала, что на него нашло.

— Опасность горячит мне кровь. Не трогай. — Резко ответил Варт. — Правда, не подходи, стой на месте.

— Ну... как скажешь. Так что ты думаешь насчет Тянно?

— Ничего. А должен? — Варт даже на секунду отвлекся от поисков, чтобы обернуться и удивленно на Юлгу посмотреть.

— Ну, так вот, Тянно-то в Учреждении, а Яльса, как ее ученица, наверняка помогала ей с книгой, вот ее и выслали из столицы. Без права переписки. Хаш — ведомственный городок... я знаю, так делают, это распространенная практика. Это объясняет, почему она мне так ни разу и не позвонила. И почему мама тогда так волновалась: под репрессии попала ее двоюродная сестра, все-таки...

— Угу.

— Ты меня не слушаешь!

— Ну что ты, Панда. — Варт достал наконец откуда-то из глубин верхней полки ящичек, который Юлга опознала как аптечку, — слушаю. Очень интересно. Очень своевременно у тебя это воспоминание всплыло. Сказки Круга, ссылка... думаю, мы

припрям Ярта к стенке.

Юлга несмело улыбнулась: она все еще не слышала особого энтузиазма в голосе Варта.

— Ты думаешь?

Варт намотал уже несколько кругов по кухне, потом хлопнул себя по лбу и устремился в гостиную, буркнув оттуда:

— Ага.

— Нет, все-таки ты меня не слушаешь! — Крикнула Юлга, чтобы он точно расслышал, как она обижена, и забормотала себе под нос. — Я же ломала над этим голову несколько месяцев. Ты же просил помочь, просил же... — Она совсем перестала понимать Варта и то, чем он сейчас занимался. Судя по звуку, что-то отдирает.

Потом вошел, широким жестом отодвинул с центра стола чашки и положил на стол настенный календарь. Достал из аптечки зеленку-карандаш.

— Ты представить себе не можешь...

— Говорю, мама была в ярости, когда рассказывала. Дело точно в этом. Наверняка в этом...

Варт схватил Юлгу за плечи.

— Отвлекись пожалуйста на пару секунд, ладно? Мы решим один-единственный вопрос и вернемся к Тянно, договорились?

Юлга поняла, что тонет в этих испытующих карих глазах, как бы глупо это не звучало, и что если Варт попросит, она кивнет, подпрыгнет или станцует с ним танго. Она даже пожалела, что закрыла окно — ей вдруг стало очень жарко.

— Д-договорились.

— Следи за руками. — Варт тут же отпустил ее плечи, посмотрел на свои ладони и спросил — хотя это было похоже скорее на утверждение. — Ты же сегодня не красилась? И перчаток нет...

— Я как лимон. — Юлга не понимала, как он мог не заметить. — На то, чтобы связать Тянно и Сказку о Фениксе я потратила последние силы, теперь придется восстанавливаться.

— Понял. Так вот, следи за руками. — Почему-то просиявший Варт взгромоздился на жалобно скрипнувший стол, открыл зеленку-карандаш, и, держа колпачок в зубах, начал старательно обводить в календаре какое-то число. Потом он украсил кривой кружочек кучей направленных на него стрелочек. Потом, чтобы до Юлги точно дошло, подписал: «сегодня».

— Правда, похоже на зеленое солнышко? — Спросил он, закрывая зеленку и любясь получившейся каракатицей.

— Ой-ой-ой-ой-ой... — Выдала Юлга на выдохе.

До нее только сейчас дошло, что сегодня — день солнца и она уже дважды отказалась от кофе. Все-таки Варт хорошо ее знает: мог обидеться, а не догадаться, что она просто об этом дне забыла.

— Почему-то так и думал. Тебе была нужна перекись?.

Юлга много чего хотела сказать. Например, что кофейное пятно уже высохло, и перекись не поможет. Или что она не специально забыла про день Солнца. Или что он мог бы и предупредить как-нибудь, намекнуть. Что она не ожидала, что он застал ее врасплох, что она, наверное, не так поняла, что он мог бы взять ручку вместо зеленки, все равно ведь ходил за календарем. И чего она тут как дура про Тянно распиналась, если он все равно ее не слушает и какую-то ерунду... и чего это он... то есть как? Когда? Почему и за что?

Хотела сорваться и куда-нибудь убежать, спрятаться в шкаф и сделать вид, что ее тут

нет. Но вместо этого получалось только беспомощное:

— Ой-ой-ой-ой...

— Знал бы тебя чуть хуже — спросил бы третий раз, не напомнив, — беззаботно продолжал Варт, спрыгивая со стола и делая шаг вперед, ближе-ближе-ближе к замершей, как кролик, Юлге, — а потом целый год бы мучился, дожидаясь следующего шанса.

— Ой-ой...

Она почему-то этого не ожидала. То есть, конечно, догадаться, что ее будут целовать, было бы не сложно, если бы ее мозг не отказался анализировать ситуацию наотрез. Поэтому она осознала себя целующейся на кухне уже тогда, когда у нее начал кончаться воздух. До этого она неплохо проводила время в розовом тумане: сердце билось как бешеное, кожа горела, руки самостоятельно расстегивали пуговицы, мучившие ее все утро. Стоило туману чуть рассеяться, она тут же убрала руки и попыталась отстраниться — не получилось. Если Варту было что-то нужно, хватка у него становилась просто каменной. И Юлга почему-то была не против такого ограничения ее свободы.

Варт уткнулся носом в ее плечо.

— Я понятия не имею, ветреный ли я, так что целый год ходил бы буквально по лезвию ножа, знаешь ли, боялся бы смотреть на шатенок. А все потому, что кое-кто забыл дату.

— Ты — боялся?!

— Естественно. У тебя есть дурная привычка отвлекаться на все подряд, а я не настолько хорош, чтобы привлекать внимание снова и снова.

— Ты же вечно рвешься в центр внимания! Все эти твои жесты, представления...

— Грешен.

— Ярты будет отпускать шуточки про жениха и невесту целую вечность! — Юлга не знала, почему спорит, просто... увлеклась. — и не надо про дату, такое ощущение, признаваться можно только на день Солнца!

— Угу. Ярты будет, признаваться на день Солнца — добрая традиция... У меня тоже есть право бояться, Панда. Даже если знаешь, что можешь сделать первый шаг и почти уверен в результате — всегда остается это маленькое, незаметное «а вдруг я ошибся», которое очень страшно преодолеть. Но тут все так совпало — смог подготовиться, свободный день... День Солнца просто создан для того, чтобы можно было перешагнуть через страх. К тому же, можно целовать тебя без риска нарваться на защитную реакцию и провалиться в воспоминания, как я мог такое упустить? Так что скажешь? Хочешь кофе?

Юлга снова попыталась отступить — на этот раз получилось. Поправила волосы, выигрывая себе время.

Ния говорила... Все-таки, она самая проницательная из их Круга, когда дело касается такого рода вещей... Юлга не ожидала... Поверить не могла... надо все тщательно обдумать, однозначно. Походить из угла в угол, просчитать риски, разобраться в себе, понять, чего именно она хочет... Ее собственный страх никуда не делся, наверное, на нее не действует магия дня Солнца, вот она про него и забыла...

Рука как будто сама потянулась к кружке, и Юлге оставалось только глотать слишком крепкий напиток, стуча зубами по краю. Варт старался. Он положил слишком много сахара, и зачем-то плеснул молока, но кофе был вкусным — вкуснейшим кофе, которое Юлга когда-либо пробовала.

— Как давно ты... — Начала она, допив.

— Ну, не с первого взгляда, не мечтай. С первого взгляда ты была страшная, как

Окосово царство, вот такие потеки туши и двухметровые иголки во все стороны. — Хмыкнул Варт, разводя руки в стороны размашистым жестом.

Юлга не очень поняла, что именно он показывал — потеки или иголки.

— Но потом ты осталась, хотя перед тобой был испуганный сопляк, который удерживал тебя чуть ли не силой. Прости.

— Это была не жалость, уж будь уверен. Я испугалась этого сопляка. Когда чего-то боишься, надо попытаться понять. Так я скатилась до сочувствия. — Юлга вздохнула, — Все-таки к плите тебя лучше не пускать. Хороший кофе.

— Знаю. Спасибо за это.

— Тебе тоже. За все.

Они как-то очень естественно переплели пальцы.

Ничего на самом деле не решилось. Они всего лишь узнали друг о друге чуть больше, стали чуть ближе, но каждый из них понимал, что кофе этот мало что значит, это всего лишь очередной шаг к чему-то бесконечно далекому.

Оглядываясь назад, они видели, какой длинный путь проделали, а впереди не было ничего, кроме неизвестности.

Однако Юлге очень нравилась то, что она сможет пройти — хоть бы и совсем немного — вот так вот, как-то совершенно естественно держась с Вартом за руки.

Это была плохая идея.

Варт признался, потому что думал, что иного случая ему не представится. Потому что Юлга отдалялась с какой-то катастрофической скоростью и в какой-то момент он понял, что ее ему не хватает. Что, вроде бы, не было никакой ссоры, но выросла стена отчуждения, которая складывалась по кирпичику из случайных сиюминутных решений. Вроде бы все так же было общее дело и общая тайна, но она внезапно оказалась единственным, что их связывало: Керн сорвался, Селия вспылила и полопались те тоненькие ниточки летних разговоров ни о чем, которые они несмело протянули друг к другу. Они все еще были друзьями, но теперь это было просто слово и просто статус.

Бой с Юлгой — бешеный, в который Варт выложился до самого доньшка, вернул ему частицу того, что он и не заметил, как почти потерял. Это было неопишимо вкусно, ярко до рези в глазах и боли в носоглотке, он купался в собственных и ее эмоциях и как никогда ясно различал малейшие их оттенки, хотя и знал, что потом это обернется жутчайшей головной болью.

До этого момента он не позволял себе заглядывать в Юлгу, блюдя давным-давно возвращенное ему обещание, а тогда не смог удержаться.

Ее влюбленность пахла яблоневым цветом — без той тошнотворно-сладковатой нотки, которая так раздражала его в детстве, да и сейчас порой заставляла морщиться рядом с влюбленными парами.

И осознание этой влюбленности сделало его уязвимым, заставило раскрыться, наверное, поэтому оба провалились в воспоминание, стоило им соприкоснуться кожа к коже.

Он мало что запомнил из того, что увидел. Сказав «болото» он не покривил душой. Это была мешанина запахов, образов и звуков — как будто какой-то ребенок взял разноцветный пластилин, множество ярких цветов, и смял весь в огромный грязно-зеленый волосатый ком. Все, что он смог уловить — это страх.

Страх сделать шаг.

Боязнь перемен.

И этот чужой страх угнездился в его голове, и Варт полночи пытался его выгнать, пока не понял, что это и его страх тоже. Понял и решился на отчаянные меры.

Он предложил Юлге встречаться. Ценой заляпанной кухни, настенного календаря, потерянного в общей суматохе зеленки-карандаша и рубашки старшего брата, которую было проще закопать на заднем дворе, чем отстирать, что они с Юлгой и сделали, хихикая, как малолетние преступники.

Ярт узнал, но злился недолго и как-то совсем несерьезно.

Ну а что — он мог теперь безнаказанно над ними издеваться, повторять «я же говорил» и всячески злорадствовать и быть как никогда правым, а на такое дело и рубашку не жалко.

Это оказалось не так уж и сложно, победить этот страх. Наверное, потому, что Варт был уверен в результате. Он не врал Юлге, когда говорил, что задумывался об этом уже давно. И насчет собственных чувств не соврал: никто из них не был безумно влюблен, и слова «я люблю тебя» так и не прозвучали.

Но это была плохая идея, он поторопился, ожидание неизбежной катастрофы преследовало его во сне и наяву. Он слишком хорошо чувствовал Юлгины эмоции. Не только положительные, но и мимолетную обиду, случайную ревность, о которых она никогда ему не говорила вслух и вряд ли задумывалась о том, что он ее все равно чувствует, вряд ли она вообще успевала ее замечать. Да и сам Варт, бывало, ловил себя на нехарактерных эмоциях.

Пока им было хорошо вместе, но как скоро изменится ее мнение? Как скоро он ей надоеет? Варт знал, что сейчас его ревность беспричинна, и невозможность взять ее под контроль раздражала несказанно. Он впервые с раннего детства не чувствовал себя хозяином собственных эмоций и осознавал, что, в общем-то никогда им и не был.

К тому же он отлично понимал, что они сошлись скорее под влиянием обстоятельств: под давлением ее подруг, Ярты, отголоска случайно пойманных воспоминаний, срыва Керна — все это было не лучшим фундаментом для отношений, и Варт ждал, что вот-вот все рухнет, как картонный домик и она уйдет. Если не уедет далеко-далеко, как Яльса, не упадет в кому, как Талина, то все равно уйдет — так или иначе. Может, переедет в собственную квартиру или переведется, или еще что-нибудь... Все было так хорошо, что просто не могло не закончиться. Варт отгонял от себя эти мысли, но почему-то они все равно возвращались снова и снова. А уж после вчерашнего осознания всех возможностей собственного дара и вовсе хотелось повеситься.

Впрочем, сегодня он мог выдохнуть: вряд ли что-то случится на свадьбе Ангена.

Анген был другом Варта — в той же мере, что и все остальные из группы, когда-то принадлежавшей Ярту. Сколько Варт себя помнил, у Ангена была невеста, где-то там, далеко, в глубине квартала водников, в самом богатом доме. Немудрено, что Нию Варт видел до встречи с Юлгой всего пару раз, ее берегли, как сокровище. Потому и не узнал тогда ее в подошедшей к ним официантке.

Иногда Варт задумывался, насколько Юлге повезло с Кругом: Ния влиятельна и прочно привязывает весь их Круг к Тьену, да еще и родовые особенности дара не позволяют часто пользоваться совместной силой, а значит, у них нет риска потерять индивидуальность, как часто бывает с членами военных Кругов. Те отрабатывали боевые приемы, требующие огромной силы, неделями, без остановки, и в результате излишнего использования одного общего энергопотока превращались в одинаковых по личностным характеристикам клонов — некую среднюю личность, несущую черты всех четверых. Да и вообще, Круг Юлги

действует как сплоченная команда, но не как Круг, и это не может не радовать: Варт бы не пережил у Юлги безэмоциональности Жаннэй или невинной бестактности Майи.

Накануне Анген поделился с ним сходными мыслями: он знал Нию с рождения, как облупленную, но инициация Круга добавила в нее некие новые черты, к которым он не знал, как относиться.

— Она стала менее чувствительна. Раньше не могла пройти мимо всяких кошечек, собачек и прочих птичек с подбитыми лапами, а сейчас... — Говорил Анген, разводя руками.

— Это важно? — Удивлялся Варт. — Это, наверное, Жаннэй.

— Не могла сказать и слова поперек кого-то, кто главнее. Кому я должен быть благодарен за эту перемену? Она так отбрила недавно моего брата — любо-дорого. — Улыбался Анген.

— Майя.

— А куда делась ее доверчивость?

— Юлга. — Здесь уже пришел черед Варта улыбаться. — Прости и... спасибо.

— Ты, вроде как...

— Есть такое.

Анген ободряюще похлопал его по плечу.

— Держись, мужик.

Варт не спрашивал, каково это — знать свою будущую жену с пеленок, как остальные на той предсвадебной вечеринке, потому что чувствовал все и сам. И щемящую нежность, и опаску, что что-то сделаешь не так, и полную уверенность в совместном будущем, и безграничное доверие, и какое-то теплое желание защищать... Ангелу очень повезло.

Это был не первый договорной брак на памяти Варта.

Обычно женихи пахли совсем не так. Пахли растоптанной гордостью, безразличием, раздражением, желанием поскорее закончить всю эту мутотень и нажраться на приданое. Невесты пахли долгой истерикой, иногда — страхом. Безразличием к собственной судьбе, усталостью. Смирением. Нетерпеливым ожиданием вдовства пахли, и это был отвратительный запах. Сладковатый душок измены оборачивался для Варта смогом, забивающим нос и горло, и всегда старался улизнуть с церемонии пораньше, до того, как начнет кашлять.

Иногда пара пахла доброжелательным пониманием, купеческой сделкой, и этот запах хотя бы можно было терпеть.

— Тебе очень повезло, Анген. — Сказал тогда Варт.

— Да уж. Вторая сваха благословляет. — Хитровато прищурился тот. — Спасибо мудрой Хильте рода Элу, что не ошиблась. И, думаю, мне стоит извиниться перед мудрым Вартом рода Хин, что боялся подпускать к невесте.

— Что? — Варт очень быстро осознал, что именно ему сказали.

— За тобой репутация черной свахи, Варт, не ври, что не в курсе. Ты не замечаешь, но рядом с тобой редкая пара не распадется. Там слово уронишь, там посмотришь, там намекнешь... и все. И да, я тоже тебя боялся — а потом подумал, что если уж суждено расстаться, то пусть так и будет. У меня был сложный период, мне казалось — меня купили, но Ния... Я не хотел от нее сбежать. Это было бы предательством. Я решил — если ты за полгода не сможешь расстроить свадьбу, то значит — судьба. К тому же, как бы я запретил Ние с тобой общаться? Она теперь может возразить, да и когда не могла мне казалось

неправильным этим пользоваться. Я бы и так ее не бросил, но иногда нужно что-то символическое, понимаешь? Вроде черной свахи...

— Да откуда... С чего ты...

— У тебя мать из рода Элу. Разве не очевидно?

— Это...

— Я понимаю твою растерянность и обиду, но... Мы все — заложники своего дара, Варт. Спроси свою девушку. — Горько усмехнулся Анген. — Прости меня, что использовал тебя — я все равно считаю тебя другом, но пойму, если..

— Не тебе извиняться. — Варт развел руками, — не буду портить праздник.

— Вино отменное, попробуй. Старик вытащил лучшее из погребов Храма, — Кивнул Анген. — Спасибо.

Варт помнил тот диалог в малейших деталях. Он помнил выражение лиц, горьковато осевший на языке привкус вины, острое удивление — как так, неужели и правда не знает?

Варта с рождения убеждали, что мужчин-свах не бывает. Талина и убеждала — Варт помнил не так много разговоров с матерью, она слишком долго считала его живым мертвецом, чтобы по настоящему привязаться, так он объяснял ее вечную отстраненность и отсутствия той теплоты, которые другие матери дарили своим детям. А Варту так хотелось ей верить, что он пропускал мимо ушей все упоминания рода Элу. Он не хотел догадываться, мать не хотела догадываться, и это все чуть не кончилось печально. Было ли нежелание Талины верить эгоистичным? Трудно осуждать кого-то, если тот довел себя до сумасшествия отрицанием очевидного, хотя и Варт чуть не сгорел в кризисе из-за этого отрицания. Наверняка у рода Элу были какие-то ритуалы, которые могли помочь, но Талина и не подумала о них.

Кому она навредила больше? В любом случае, цену свою она заплатила, а Варт был жив и здоров и не хотел ее ни в чем винить.

Зато сразу стало ясно, почему его так часто звали на чужие свадьбы полужнакомые люди. Варт обычно отказывался, но некоторые были слишком настойчивы и он сдавался. Иногда ему везло, но чаще возвращался он оттуда с жестокой мигренью. Может, и примета есть: Варт не улизнул еще до обряда клятв, значит, пара проживет вместе долго и счастливо. Да что там, есть наверняка, и он сам не раз такое слышал, только пропускал мимо ушей. Не хотелось сомневаться в словах матери, не хотелось сомневаться в матери вообще.

А если подумать, он и в адрес Ярта не видел и не чуял особых проявлений материнских чувств. Была лишь одержимость свадьбой Ярта и Яльсы которая теперь легко объяснялась.

Почему она так отчаянно хотела этой свадьбы? Чтобы доказать, что ее дар не пропал после рождения младшего сына? Чтобы доказать, что она талантливее его? Какой она была свахой — черной или красной? А почему дар Талины вообще вел себя так непредсказуемо? Варт никогда не слышал, чтобы у свاخ были с этим проблемы: наоборот, считалась, что сваха, которая счастлива в браке и имеет много детей, сильнее свахи молодой и неопытной.

И почему она привела Юлгу?

И Варт снова думал, что предлагать Юлге встречаться было не самой лучшей идеей. Не то время и не то место.

Но что-то говорило ему, что того времени и места могло и не случиться.

Зудела на краю сознания обида: его использовали! Его все использовали, и хоть бы кто сказал! И Юлгу ему навязала мать в отчаянной попытке самоутвердиться!

Но Варт смотрел на свадебный танец тех, у кого было гораздо меньше возможности

выбирать собственную судьбу и давил обиду в зародыше.

Анген и Ния танцевали во внутреннем дворике Храма. Остальные наблюдали за ними с балконов: даже водникам сейчас не стоило спускаться вниз, потому как это был такой же древний, инстинктивный танец, как и танец инициации Круга, как множество других брачных танцев, и посторонних стихия могла просто перемолоть и выплюнуть на камни переломанными куклами.

И Ния, и Анген были коротко острижены. Их переплетенные в одну косу когда-то длинные волосы давно унесли куда-то вглубь Храма. Танец людей не представлял собой ничего особенно интересного — сверху они казались почти неподвижными фигурами, но водники почему-то смотрели чуть выше и Варт ясно чувствовал восхищение.

Варт чуть приобнял стоящую рядом Юлгу.

— Не знаешь, на что они смотрят? — Спросил он немного растерянно.

Его впервые позвали на традиционную свадьбу водников. Это была очень длинная процедура, занимавшая около недели, причем большая ее часть проводилась в Храме и была таинством за семью печатями, а гостей звали только на последний день. Это было дорого и не очень удобно и в большинстве своем люди предпочитали церемонию универсальную, которую изначально придумали для свадеб представителей разных стихий. Она занимала каких-то полдня и не так выматывала, к тому же разводиться после нее было не в пример проще. Однако Ния и Анген отделаться универсальной церемонией просто не могли, хотя очень бы хотели.

— Мы не увидим. — Огорченно ответила Юлга. — Мне сказали, должно быть две змеи, как из стихии. Знаешь же, у них змеи священные животные. — и тут она просияла, как будто что-то придумав, — слушай, я помню, ты в детстве образами все видел, да?

— и сейчас могу.

— Ну так попробуй. А я — с твоей помощью. — и Юлга стянула перчатку и схватила его за руку.

Варт не сомневался в успехе, захваченный Юлгиным энтузиазмом: зажмурился и резко открыл глаза. Сначала мир поплыл, размылся, развалился на тысячу кусочков, а потом собрался в нечто похожее, но немножко другое.

Например, вместо людей на площадке замерли друг напротив друга, чуть покачиваясь, две змеи. Одна — светло-коричневая в темных пятнах, странной формы: плоский хвост, широкое тело и какая-то слишком маленькая голова, и вторая, темно-серого цвета с острой мордой и привычного вида.

— Шахматка, да? — Фыркнула Юлга. — Как думаешь, долго они так будут?

Она закрыла глаза, наверное, чтобы картинки друг на друга не накладывались, и доверчиво прислонилась к его плечу.

— А они ядовитые? Мне говорили, ядовитые.

— Шахматки? Да нет, я где-то читала, что на самом деле нет. Только похожи на ядовитых, а на самом деле просто глотают добычу целиком, как будто наползают. А потом переваривают... А та, вторая, морская змея, да? Я читала, что у них хвост плоский...

— Наверное.

— Обычно сначала дерутся. Мне Ния говорила, что сначала змеи обязательно дерутся. — Поделилась Юлга. — Вот, они стоят и покачиваются: это боевая стойка.

— Они знакомы с рождения. Готов поспорить, драться они не будут.

«Шахматка» игриво боднула «Морскую», после чего водники отвернулись и поспешно

засобирались по своим делам, шепотки сменились разговорами в полный голос: шоу кончилось. Варт моргнул, возвращаясь в обычный режим, но руки Юлги не отпустил. Это была такая игра: Юлга училась контролировать свой дар, наблюдая за всем глазами Варта. Для этого нужно было перехватывать очень свежие воспоминания. Раньше Юлги хватало на пару минут такой работы, сейчас она могла держаться до получаса.

— Ладно, пошли, дальше уже неприлично подсматривать. — Сказал Варт, увлекая ее к выходу.

— и что, мы пришли сюда ради десяти минут?

— Не думаю, что то, что мы видели, часто показывается человеческому глазу. — Мягко сказал Варт. — Это же проявления стихии. Они шесть дней к этим десяти минутам готовились.

— Ну-у-у... — Капризно протянула Юлга, но это было не всерьез, и оба это знали.

Возможно, не будь у Варта перед глазами Ангена и Нии, его бы бесила сама мысль, что его мать, сваха, привела для него девушку без его ведома и согласия. Однако глядя на этих двоих он кое-что понял.

Какая, к черту, разница?

И был благодарен им за это.

За водой Юлгу выгнало не предчувствие беды и не внезапное прозрение, а банальный сушняк. Поэтому встреченного в гостиной в три часа ночи Ярта она чуть было не приняла за вора, а когда включила свет, очень пожалела, что ошиблась. С вором было бы не в пример проще разобраться.

— Ярт, ты куда это собрался?

Юлга нахмурилась и уперла руку в бок, чем напомнила себе сварливую жену из анекдота. Раздраженно сдула со лба выбившуюся из косы прядь и сунула руки в карманы пижамных штанов.

Теперь она наверняка смахивала на ночного грабителя, но это было не так важно.

Вон, Ярт вообще изящно облокотился на чемодан, как будто только ради этого его сюда и притащил, и изо всех сил изображал оклеветанную невинность. Спортивную сумку Варта он поспешно запихнул ногой за чемодан, наверное, надеялся, что Юлга не заметит.

— А, так это ты. — Протянул он.

Дальше следовала театральная пауза, во время которой Юлга должна была бы возмутиться его пренебрежительным тоном... но она все еще ждала ответа: она кое-чему научилась, теперь ее было гораздо сложнее отвлечь.

Ярт закатил глаза.

— Уезжаю. На поезде. Чух-чух-чух... Домой, в Хаш. У меня там, знаешь ли, жена.

— Знаю. Только ты это не мне должен говорить. С братом попрощаться переломись?

— Могла еще про отца сказать. — Фыркнул Ярт. — Ты мне кто, нотации про семейные скрепы читать, малявка?

— Я Пекха видела всего-то пару раз. Понятия не имею, какие у вас с ним отношения, вы при мне даже не разговаривали... в настоящем. Но в вашей семейке все может быть. Это не мое дело.

— А Варт, значит...

— С некоторых пор — мое.

— Вот поэтому я и уезжаю. Теперь — твое.

Температура в комнате ощутимо упала, но Юлгу не пугал больше могильный холод и мертвенно бледное лицо Ярта, она достаточно его знала, чтобы быть уверенной: вреда он не причинит. К тому же, Юлга была зла. Очень зла.

— Трус. — Выплюнула она. — Ничему не учишься. «Я не знаю, что я чувствую, поэтому свалю подальше, лишь бы не пришлось об этом задумываться», так? Такой крутой и взрослый мужик просто не может переживать из-за расставания с младшим братом, он же не мямля какая, он просто свалит потише и побыстрее? Мог бы и повзрослеть немного.

Ярт даже ручку чемодана отпустил.

— Вот ведь удивительное желание раздуть проблему из ничего! Я же не в Валлоу уезжаю. До Хаша всего-то день поездом, откуда такая драма? Почему я вообще должен оправдываться? И сделай что-нибудь со своей тахикардией, Варта разбудишь.

— Ну и отлично, и хорошо, что разбужу. Я же сейчас еще и разрыдаюсь, чтобы точно! Ты, кстати, уже оправдываешься, разве нет?

— Нет. Я опаздываю на поезд. — Ярт снова подхватил чемодан и, уже не скрываясь, сумку.

— Ты же понимаешь, что когда-нибудь я по закону подлости увижу именно этот билет с настоящим временем отъезда?

— Я подготовился. — Сладенько улыбнулся Ярт. — Взял на шесть утра. Только ради тебя.

— Врешь. — Буркнул Варт, появляясь у Юлги за спиной. — Но без разницы. Вали. Спать хочется, а вы тут орете.

— Вот! — Сказал Ярт назидательно, — Вот это — правильная реакция! Так должен вести себя человек, всего пару часов назад вернувшийся с чужой свадьбы, а не верещать, как некоторые!

— ...только сначала скажи, ты знал, что я сваха?

Юлга закашлялась. Ярт скривился, повертел пальцем у виска.

— Звучит странно. Мать у нас сваха, да, но мальчики свахами не бывают. Я проверял: у них в роду все мужчины стихийники, земля в основном, а дар свахи только у женщин проявляется, да и то не у всех. Проще говоря, если ты и сваха, то ущербная донельзя. Свахамутант.

Варт отрицательно замотал головой. Юлге он почему-то напомнил растерянную лошадку, и она едва удержалась от неуместного хихиканья. Все принимало какой-то совсем странный оборот, но в этот раз Юлга была не единственной, кто мало что понимал, и это радовало. Хотя, если взглянуть на ситуацию трезво, пора было начинать рыдать: Ярт уезжал в Хаш, он назвал Хаш «домом», а значит, вряд ли он вернется в коттеджик Хинов. Понимает ли это Варт? А если понимает, то, может, хотел, чтобы все так и кончилось — без прощаний?

Еще чего!

— Что же ты раньше этого не сказал? Про... Талину?

— Можешь звать ее просто «мама», Варт. А не сказал я потому, что она, когда была в здравом уме, об этом не распространялась. Я сам узнал случайно. Вахну с Гилтом в свое время родители решили жен подыскать, мол, на двоих уже полтинник разменяли, а они все на бренчалках бренчат и горя не знают, девок дольше ночи не держат. Повели их в Храм чуть ли не силой, а они потом поделились в узком кругу друзей впечатлениями. Один раз всплыло родовое имя Элу — я и ухом не повел, но когда Анген свою сваху упомянул, тут я и сложил два плюс два.

Юлга вспомнила, что и Ния тоже упомянула имя своей свахи, и почувствовала себя полной душой. Вот вечно она упускает из виду очевидное!

— Я вот что хотела спросить, — вклинилась она, — а зачем ей это скрывать-то? Вроде дар востребованный.

— Понятия не имею, — беззаботно откликнулся Ярт, — Но, — он вытащил из кармана брюк что-то маленькое и блестящее, — только и исключительно ради тебя я распотрошил ее шкатулку с драгоценностями. Та-да-а-а! Развлекайтесь, а я пойду.

И он метнул блестяшку в Юлгу. Та машинально пригнулась: ловить всякие непонятные штуки голыми руками? Увольте.

В результате блестяшку поймал Варт, у которого не было таких фобий, а Юлга из полуприсяда одним гигантским прыжком достигла Ярта и поймала его за рукав.

— Да отпусти ты его. — Махнул рукой Варт.

— Вы еще не договорили! — Отрезала Юлга.

Ей было плевать, что об этом думают сами братья. Не договорили и все. И Юлга

понимала: не разберутся сейчас, не разберутся никогда. Так и останется этот скелет в своем уютненьком шкафу изредка погремыхивать отголосками старых обид и портить Хинам жизнь. Ей вся эта история недомолвок и недопониманий порядком надоела.

Пора было ее заканчивать.

Что там Варт поймал? Заколку? Что же, возможно, в прошлое Талины и правда необходимо заглянуть, но...

— Я тебя не пущу. — Сказала Юлга, заламывая Ярту руку и сжимая его запястье. — Прости. Варт, живо сюда!

— Ну-ну, — хмыкнул Ярт. — Попробуй, мелочь пузатая.

Он, казалось, и не сделал ничего, не шевельнулся, но у Юлги больно кольнуло подушечки пальцев, и больше она их не чувствовала, потом кисти, предплечья... Паниковать было некогда; она плетью выбросила левую руку в сторону Варта, хлопнув его по протянутой ладони с блестяшкой. Тот растерялся, и потому выполнил ее просьбу-приказ без вопросов. Майя была права: полдела в интонации.

Сосредоточиться — она выведет двоих, зря она столько с Вартом тренировалась и в институте самосовершенствовалась?

Как же ей потом будет плохо!

...егодня День Именаречения.

— Линусик — золотая девочка! — Мама чмокает ее в макушку. — Мы все ей очень гордимся. Правда?

Дедушка говорит: «правда». Бабушка кивает. Она всегда кивает. У нее трясется подбородок, как желе. Она кривит губы в сладкой улыбке. Линочка любит бабушку, хоть она и старая. Хоть и глаза у нее злые, цеплючие, все равно. Бабушка же.

Папа что-то хмыкает в бороду.

— Мы дарим нашей Линочке заколочку, чтобы она закалывала ей волосики и дальше была аккуратной и прилежной девочкой. Линочка постарается?

— Да! — Шепчет Линочка, сжимая в кулаке огромную сверкающую заколку, всю в бриллиантах, у Фелики такой нету, — Я буду очень-очень стараться. Спасибо, мамочка!

Она чмокает маму в щеку.

Остальные тоже достают подарки. И дедушка, и папа. И бабушка. И тетя Вылина. И вторая тетя, Макина. И тетин муж.

Линочке хочется взять торт и идти в свою комнату. Но нельзя. Надо распаковать все подарки.

Обязательно-обязательно.

Чтобы никто-никто не обиделся.

Чтобы говорили: «золотая девочка» и чмокали в макушку. А то рассердятся. Ради нее же старались. Праздник устраивали.

Вот отдадут последний подарок, заговорят о всяком взрослом, и можно будет в комнату. Когда про нее забудут...

...очень талантливая.

Линочка знает, что она талантливая. Что еще скажет этот старый хрыч? Зачем мама вообще ее сюда потащила? Почему она уже несколько месяцев водит ее по знахарям? Линочка уже не помнит, сколько их было.

Это все та противная тетка в детской больнице. Раскудахталась: не было кризиса, не было кризиса! Ну, не было. Линочка же не виновата, что кризиса не было, а дар есть.

Не первая сваха в роду, не последняя, род Элу славится своими свахами. Мама — сваха. Бабушка — сваха. Обе тети — свахи. Ну и что, что талантливая? Что в этом такого? Что с ней не так-то?

Маме просто нравится это слышать. Она обожает, когда говорят, что Линочка — золотая девочка. А Линочка очень старается, чтобы маме так говорили. А тут тетка. Гадкая баба. «Золотая-то золотая, но больная!» Просто позавидовала Линочкиной маме. Вот и.

Линочке надоело стараться. Врачи давно кончились. Походы по знахарям очень выматывают. Она больше не хочет стараться. Быть талантливой не хочет. Золотой не хочет.

Но надо.

А то мама еще решит, что Линочка и правда больная.

А Линочка не больная!

— Такого потенциала в прогнозировании я давно не видел. — Бубнит старый хрыч. — Все остальное — чуть выше среднего. Единственное, с эмпатией... для бездарного человека я бы сказал, «выше среднего». Для свахи... прискорбно мало. Но здесь ничего не поделаешь. — Он разводит руками. — Где-то убыло, где-то прибыло: закон мироздания. Эмпатию компенсируют другие составляющие дара. Не волнуйтесь.

Мама заламывает руки. У Линочки сердце сжимается. Неужели она бездарность?

— Это никак нельзя исправить? — Вопросает мама.

— Я же сказал, невозможно. Разве что все само собой исправится после подросткового кризиса, хотя я бы не рекомендовал на это рассчитывать.

— Понимаете... В этом-то и проблема... У нее не было детского кризиса.

Хрыч долго всматривается в Линочку глубоко посаженными блекло-голубыми глазами, жует в растерянности губами, качает головой. На его лысину зачесано несколько седых волосков, у него густые седые брови, которые срастаются на переносице, и длинные седые же усы. Он напоминает Линочке большую глупую рыбу, уставшую трепыхаться и медленно умирающую на берегу.

Линочке хочется плакать, когда на нее смотрят с жалостью.

— Мудрая Келина, я скажу вам то же, что любой другой специалист. Во время кризисов происходит перестройка энергопотоков организма; либо у вашей девочки не проявилось симптомов — такое бывает, либо, скорее всего, ей будет сложно выйти из подросткового кризиса. Но... — Старик как-то по-особому причмокнул, и Линочка вжалась в стул от омерзения, — поводов для волнения пока нет. Ваша дочь — здоровый, одаренный ребенок.

Они выходят от знахаря подавленные.

Мама не верит.

Линочка это чувствует.

Завтра они пойдут к еще одному знахарю.

А она не больная!

Как же надоело!..

...Месяц.

Горячка спала, но мама все равно не разрешает вставать из кровати.

Лина не спорит. Молчит, старается не улыбаться, глядя на глубокие круги у нее под глазами: хотела кризис? Получай! Подавись!

Теперь-то все как положено?

Теперь-то она нормальная?

— ...Что, ушел твой? — Ехидно спрашивает бабушка. — А я говорила, говорила: нельзя чужого мужика увести! Как Живица рассудит, так и будет, а спорить с Богами — только жизнь себе ломать!

Мама кривит губы, но молчит. Не плачет.

— Ты сваха, Келина. — Выплевывает бабушка, и мама вздрагивает, как от удара. — Если не судьба быть невестой, так смирись! Знай свое место.

Лина тихонько отступает назад, в тень, не вовремя она вышла...

У Лины больше нет отца. Ей легче думать, что он умер.

— Еще и девка твоя. Вся в тебя, порченная! Это тебя Боги наказали, так и знай! За твоё самодурство!

И бабушки тоже.

Когда Талина видит Пекха, у нее быстро-быстро бьется сердце.

Ей сложно с ним говорить. Кажется, что она сейчас скажет глупость. Что у нее какой-то не тот голос, не те интонации. Когда она смотрит на него, она теряет дар речи...

Но он всегда внимательно слушает, пока она, потупившись, мучительно подбирает слова.

Он красивый. Сильный. На него можно положиться.

У его отца собственный дом в квартале некромантов. Пекх будет работать на Ведомство: хорошая, почетная работа.

Маме он тоже нравится.

Но мама говорит не торопиться. Потому что Пекх предназначен не Талине, а кому-то другому, кого даже не знает. Когда она так говорит, Талине хочется закричать.

Кому угодно можно ошибаться. Сходиться, расходиться. Влюбляться, не задумываясь о последствиях. Расставаться.

Талина — сваха.

Она не имеет права. Ее ошибка — чья-то сломанная жизнь. Чьи-то не рожденные дети. Талина хорошая сваха, и она может назвать последствия своих ошибок по именам, которые никогда не будут даны.

Очень жаль, что она не счетная машинка с прогнозами. Она человек, у нее есть эмоции. Желания. Ей надоело их подавлять. Она устала стараться быть хорошей девочкой. Она всю жизнь жила по правилам, которые были придуманы задолго до ее рождения. Она устала подчиняться, она устала жертвовать собой во имя кого-то, с кем даже не знакома.

Когда Пекх видит Талину, в нем закипает гремучая смесь ответственности, снисходительной заботы, вежливого интереса, участия...

Она всего лишь чуть-чуть сдвигает баланс: на это хватает даже ее ущербной эмпатии.

Она признается — ей не страшно. Она знает, что сделала, как надо.

Хорошая сваха всегда уверена в результате.

Бабка узнала. Кто ей рассказал? Талине все равно.

Бабка долго, долго орет, брызжа слюной. Про то, что Талина — дрянь, вся в мать. Что позорит честное имя рода. Что предала свой дар.

Талина молчит. Слова отскакивают от нее, как горох, пустые, бессмысленные.

Наконец мама прогоняет бабу. Впервые за долгое время решается дать ей отпор.

«Ты особенная, Линочка», — шепчет мама горячо, и Талине на плечо падают слезы, —

«У тебя все получится, я верю, пусть у тебя все получится».

Мама целует ее в обе щеки, больно цепляется за плечи. «Когда свадьба?» «Как давно вы..?» и прочее, прочее, прочее...

Она гордится своей золотой, особенной девочкой.

Впервые за долгие годы мама снова верит в свою Линочку.

Она не особенная.

Растущий в животе ребенок что-то в ней сломал.

Талине все сложнее просчитывать будущее. Она надеется, что Пекх все еще любит ее: она больше его не чувствует.

Она как будто ослепла и оглохла.

Талина надеется, что будет девочка.

Рождается Яр.

Он забрал у нее последние крохи дара.

Так устала.

Яр и та девочка..?

Она не позволит им совершить ошибки.

Она еще что-то может, она справится. На нее снизошло что-то вроде озарения и она знает, что должна сделать, чтобы они точно сошлись: интуиция — все, что оставил ей последний, нежеланный, нелюбимый ребенок. Она способна, способна, способна...способна...способна...

Он умрет в детском кризисе?

Как... нормальный?

— Я не хочу этого знать, я не хочу, я не хочу! — Взвыл Варт.

Юлга моментально отпустила Яра, обняла Варта, тот уткнулся ей в макушку и продолжил свой уже нечленораздельный вой.

Затем отстранился, всмотрелся в ее лицо.

— Что? — Как можно мягче спросила Юлга.

Она лихорадочно вспоминала инструкции, как вести себя с людьми в состоянии шока. Кажется, там было про ровный тон, и что нужно обязательно сопровождать слова жестами, если в истерике — дать пощечину...

— Ты же можешь это стереть? — Спросил Варт на удивление спокойным тоном.

— Я не буду это стирать. — Ответила Юлга, выворачиваясь из его рук.

— Ты можешь.

— Я. — Юлга показала на себя. — Не. — Отрицательно покачала головой. — Буду.

— Сотри.

Юлга размахнулась. Она была уверена, что Варт перехватит ее руку, но он даже не шевельнулся, не попытался увернуться. Пощечина получилось звонкой, хлесткой, ладонь разболелась тут же.

— Нет.

В ушах у нее шумело все громче, во рту появился поганый кисловатый привкус, громко, гулко, быстро забилося сердце. В глазах потемнело. Она пошатнулась; Ярт аккуратно подцепил ее под локоть и усадил на диван.

— Варт. — Распорядился Ярт, — Мухой на кухню, сладкого ей принеси. Можешь поплакать по дороге, но не задерживайся.

Его ладонь приятно холодила лоб. Очень скоро ей полегчало: наверное, он применил Силу.

— Ты раньше так делала? — Обеспокоенно спросил Ярт.

— Нет. Но Варт... рядом с Вартом я становлюсь сильнее.

— Она была талантлива, правда? — Улыбнулся Ярт. — Спасибо.

— Ты позволил мне это сделать. — Юлга зябко передернула плечами, Ярт сказал «была» так легко... — Позволил тебя остановить, позволил потащить с собой в воспоминания. Если бы ты сопротивлялся, я бы не справилась.

— Только Варту не говори. Тс-с-с, секретики-секретики. — Ярт приложил палец к губам. — Невесточка, ты молодец. Я действительно хотел уйти, не прощаясь, но ты меня убедила — думаю, Варта тоже.

— А тебе не страшно?

— Что? Почему должно быть страшно? — Удивился Ярт.

— Ну, в Тьене у тебя уйма знакомых, теплое местечко в больнице, о твоей научной работе знают... Тебя знают. У тебя здесь... семья, друзья. Тебе не страшно уезжать в Хаш? Ты же... насовсем. А там... новое место, маленький городок, ни оборудования, ни связей, ничего...

Юлга гадала, будет ли Ярт серьезен или отшутится. Почему-то ей это казалось важным, хотя в общих чертах ответ она могла предугадать.

— У меня и там семья. Связи... Я часто туда ездил и когда учился. Я знал, что перееду и подготовился. Мы ждали, пока я получу лицензию... Да, не столица, но Живица, помнится, в подземное царство переселилась? Или неудачный пример? Не разбираюсь я в сахарных переложениях легенд для малолеток. Как там вас сейчас учат?

Юлга беззлобно ткнула его в бок.

— А Яльсу ты в столицу перевести не можешь? «Сказка о Фениксе», да?

Варт вошел в комнату и тихо сел на диван по другую сторону от Юлги. Молча сунул ей шоколадку, отвернулся.

— Угадала. Самое страшное, что это моя вина. Думаю, ты знаешь: у тебя просто-таки талант тыкать людей в ошибки молодости.

— Нет. — Покачала головой Юлга и вгрызлась в шоколадку, — Рафкажи.

— Я порекомендовал ее Тянно. — Просто сказал Ярт. — Я зашел к ней и сказал: «Моя жена — внучка Яо». И все. Фольклористы поколения Тянно знали это имя. Мне пришлось хоршенько в этом покопаться, чтобы вот так вот блистательно явиться и не показаться нахальным малолеткой... Вариантов было несколько, я выбрал этот. Что не сделаешь, лишь бы после выпуска жена осталась с тобой, а не уехала по распределению куда-нибудь к Окосу в Хаш.

Варт закашлялся. Юлга ткнула его локтем, но и сама невольно улыбнулась, хотя, если задуматься, шутка была не такая уж смешная.

— Потом Яле это вышло боком. Когда копали по поводу сборника... — Он вопросительно глянул на Юлгу, та кивнула, она понимает, о чем он, — Всплыло и имя Яо —

если бы я тогда, в разговоре с Тянно, его не упомянул, не докопались бы, не связали... у них имена родов разные, а с этими документами на опеку все совсем запуталось, и еще Яля замуж вышла... Согласно заключению экспертизы, дом тогда рухнул из-за ребенка, не справившегося с силой. Огневик. — Ярт развел руками. — Когда родители Яли погибли, Яо оставила свою работу в ОГРУ, переехала в Тьен и взяла над ней опеку. Старалась сохранить ей прежний уровень жизни. Яля осталась в той же школе, где ее могли поддержать старые друзья, в том же доме... проблема была в том, что за школу надо платить, да и жилье в Тьене подороже, чем в Орехене. Денег, полученных от продажи орехенской квартиры, надолго бы не хватило. И Яо стала нянечкой. Выбила патент на свой домашний детский сад и занималась этим вполне легально, денег хватало, ее хвалили, рекомендовали... Жалоб не было. Тот ребенок вообще, скорее всего, к Яо не ходил и сказок ее не слушал, но... — Ярт повысил голос, — кого это интересует, если есть такая отличная, тихая коза отпущения, которая вбила себе в дурью башку, что она и правда виновата! Все, чем она занималась — редактур! Запятые лишние доставляла! Она предупреждала Тянно, что есть моменты, которые могут спровоцировать, но Тянно — профессор! Конечно, она ее не слушала! — и добавил хрипло, — Если бы она тогда не написала чистосердечное, я бы ее отбил... Если бы я смог ее убедить...

— Не единственный твой косяк. — Сладко пропела Юлга, которой все не давал покоя эпизод с признанием. — Признайся, ты тогда струсил?

— Когда?

— Когда она тебе призналась. В восьмом классе.

— Пожалуй. Я был сопляком. Я не был готов к такому, уж прости. Я просто не знал, что дальше делать, не ожидал... а она не дала мне времени. Мне никогда не хватало времени... и тогда... и потом.

— А почему ты ничего не сказал мне? — Вмешался Варт тоном настолько нейтральным, что Юлга почти физически ощущала затраченные на это ложное спокойствие усилия.

— Потому что ты был мелким и мог начать болтать в школе. Потому что ты был эмоционально неустойчив. Потому что после ее отъезда я с ужасом ждал твоего подросткового кризиса, и не хотел тебя беспокоить еще больше: я понимал, случись что, на мать надеяться нельзя, а отец в таком никогда не разбирался. Лучше ты будешь винить меня, чем кого-то, кто может больно щелкнуть по любопытному носу. Потому что потом ты пошел в Ведомственный, и я подумал, что если ты узнаешь — ты, как последний дурак, начнешь пытаться что-то кому-то доказывать. Попытаешься оправдать Ялю. Не сможешь понять, что чем быстрее про нее забудут, тем лучше. Ты и так привлекаешь к себе слишком много внимания, не хватало еще, чтобы все узнали про твою невестку в ссылке. К тому же... — Ярт развел руками, — Ты никогда не думал головой перед тем, как делать «как лучше», и не раз это доказывал. Мне продолжать?

— Да нет, все понятно. — Зло усмехнулся Варт. — А сейчас-то что поменялось?

— Поменялось. — Кивнул Ярт. — Кардинально. У тебя появилась Юлга, которая, редко, правда, но думает, прежде чем делать. В отличие от тебя, ее научили осторожности. Я могу оставить на нее тебя... а на тебя — мать.

— Боги, от нее так... воняло. — Сказал Варт устало. — Ты бы знал, как от нее иногда воняло! Как дурак думал: что-то случилось, это не мне, когда-нибудь она хотя бы... хотя бы посмотрит на меня как нормальные матери на своих сыновей! Не хочу...

— Я правильно поняла, что она заставила Пекха полюбить? — Нахмурилась Юлга. — Яр, я поддержу Варта в его выборе, даже если выбором будет отказ от матери и рода, потому что это свинство. Нельзя принуждать людей что-то чувствовать. — Она нашла руку Варта, они переплелись пальцами, и Юлга подумала, что все сделала правильно. — Пекх хоть нормален?

— Я так думаю, да. Хотя его состояние должно быть похоже на дичайшую ломку: вот я дурак, теперь ясно, почему он не выходит из кабинета! Он неадекватен... хотя это было очевидно. Варт, тебе стоит проконсультироваться с наркологом, я дам тебе телефон хорошего... и ты должен бы завтра-послезавтра зайти в больницу, сказать, что я уехал: если что, пусть звонят тебе.

Варт резко выдохнул сквозь сжатые зубы. Юлга крепче сжала его руку. Ей не нужно было смотреть на его лицо, чтобы понять: он в бешенстве.

— Почему «должен»? Ничего не должен, ничего! Она никогда не задумывалась о том, что должна мне!

— Милый Варт, — Яр ткнул Варта пальцем в грудь, — Где-то здесь сидит такая маленькая штучка под названием «совесть». Я уеду, а она разноеется, замаскируется под долг и заставит тебя пойти в больницу, потому что, хоть заставляя людей чувствовать то, что они не должны, и правда свинство, но это дело давнее. А вот бросить родного человека на пороге смерти — это будет наисвежайшее свинство, от которого ты завоняешь так, что отмыться не сможешь до самой своей смерти. Так что отбрось обидки и свое детское, беспомощное «не хочу» и вспомни слово «надо» сейчас, а не через несколько бессонных ночей. Легче сдаться, потому что тебя все равно потянет. Я тебя знаю.

— Ты же сам не веришь в то, что говоришь.

— Ой, да отключи ты на минутку свою эмпатию и подставь уши под мою любовно сваренную для братика лапшичку! Каким бы ты ни был бессовестным и эгоистичным, как бы ты не был похож на собственную мать — она подогнала тебе девушку. Ты не думаешь, что это величайшее проявление материнского инстинкта, на которое она была способна?

— Была?!

— Чем дольше человек в коме, тем меньше у него шансов однажды проснуться. Общеизвестный факт. — Яр пожал плечами. — К тому же я легко могу связать тебя по рукам и ногам виной: это из-за тебя она впала в кому. Вуаля! — Яр щелкнул пальцами, — Ты чувствуешь себя виноватым. Возможно, она не понимала, что творила, когда вела к тебе Юлгу, но это дела не меняет: ей не стоило пользоваться тем, что осталось от дара после рождения нас. В первый раз повезло, а во второй уже, увы, нет.

— Боги... — Варт потер висок, — Как бы хотелось иногда отключать эту клятую эмпатию!

— А я о чем? Держись, брат. — Яр встал и ободряюще похлопал его по плечу. — А мне пора. А то и вправду на поезд опоздаю.

— Но ты тоже виноват!

— А я нашел, на кого спихнуть ответственность! — Рассмеялся Яр, подхватил чемодан и сумку и устремился к выходу.

— До свиданья, Яр. — Вежливо сказала Юлга.

— Да пошел ты! — Прошипел Варт хлопнувшей двери. — Справлюсь без тебя.

Юлге стало грустно: то, что в лучшие времена казалось тайной, оказалось чем-то простым, приземленным. Как она и боялась, все завертелось из-за того, что люди делали

глупость за глупостью, и эти глупости слились в один огромный ком проблем. Разрешимых, в общем-то, если их решать, а не гадать, откуда они вдруг появились.

А с другой стороны, люди часто ошибаются. Разве она идеальна? Разве хоть кто-то идеален? Так какое у нее право осуждать чужие глупости?

— Знаешь, что самое обидное? — Прошептал Варт, уткнувшись ей в плечо. — Он прав. Я никуда не смогу деться от этой ответственности. Почему все уходят, Панда? Почему все уходят, оставляя меня со всякой пакостью один на один?

— Я с тобой. — Ответила Юлга и сама себе не поверила: так банально это звучало.

— Лучше молчи, ладно? — Выдохнул Варт. — Знаю и так. Не потому, что тебя подобрала Та... мама. А потому, что если бы мы друг друга не выбрали, ничего бы не получилось, как бы талантлива она не была. Даже если она просто спутала тебя с Яльсой — какая разница? И никуда ты от меня не денешься. А я — от тебя...

Возможно, он тоже не очень себе верил.

Но Юлга подумала, что нет ничего естественнее, чем встречи и расставания — но об этом лучше молчать. Иногда ложь лучше правды, иногда вера в чужую ложь важнее, чем тысяча слов любви. Возможно, однажды она уйдет... а может, уйдет Варт. Они оба понимают, что нельзя исключить этой возможности, никто из них не верит в слово «навсегда».

Но они верят друг другу, и, может, это доверие и сделает их ложь правдой.

Больше книг на сайте - Knigolub.net